

Д.Б. Павлов

**Забывтый союзник.
Япония и Россия в 1914-1918 гг.**

Москва
2014

Оглавление

Введение	3
Глава I. 1914 г.: первые шаги военного и военно-технического сотрудничества	4
Глава II. Русофильство в Японии, оценки роли и миссии России и Японии в войне	25
Глава III. Проблема японских войск в Европе	31
Глава IV. Миссии великого князя Георгия Михайловича и принца Кан-Ин.....	43
Глава V. Военные поставки в Россию и их место в японо-русских отношениях	53
Глава VI. Частный бизнес в японо-русском сотрудничестве. Обмен делегациями. «Желтый труд» в России	66
Глава VII. Россия и Япония в 1917 – первой половине 1918 г.	76
Приложение	88
Указатель имен	160

Введение

Для Японии участие в боевых операциях Первой мировой войны ограничилось захватом в начале ноября 1914 г. крепости Циндао – концессионного владения Германии в Китае, и нескольких ее тихоокеанских островов. Потеряв в этих столкновениях в общей сложности около двух тысяч человек убитыми и ранеными и воюя остальное время лишь номинально, Япония, тем не менее, в военные годы из ведущей дальневосточной сумела превратиться в великую мировую державу. Перераспределение сил на международной арене сопровождалось существенной корректировкой внешнеполитической ориентации Токио. Оставаясь формально верной союзническим отношениям с Великобританией, Япония пошла на дальнейшее сближение с Россией¹, увенчанное летом 1916 г. подписанием союзного договора, который по сей день представляется апогеем межгосударственных контактов двух стран. Таким образом, о «замораживании» русско-японских отношений в период Первой мировой войны, о котором писали некоторые советские историки², говорить не приходится. В результате заключения военно-политического союза между Японией и Россией в июле 1916 г. и последовавшего спустя год (в августе 1917 г.) вступления в войну на стороне Антанты Китая дальневосточный регион на короткое время превратился для России в надежный и прочный тыл – на всем протяжении своих дальневосточных рубежей она стала граничить с дружественными, союзными ей государствами. Япония же надолго получила относительную свободу рук на Дальнем Востоке.

Особенно бурно и результативно в 1914 – начале 1918 гг. японо-русское взаимодействие развивалось в военной, военно-технической, кредитной, торгово-промышленной и гуманитарной сферах. Как справедливо отмечают современные исследователи, война, всегда будучи огромным несчастьем, вместе с разрушительными тенденциями выступает мотором трансформации массового сознания и культурных ориентиров, инструментом накопления нового опыта и, исходя из этого, выработки новых моделей поведения и формирования столь устойчивых социально-психологических и социокультурных категорий и стереотипов, что они нередко продолжают жить и в послевоенный период³. Именно этой, конструктивной, стороне первого в истории человечества мирового военного катаклизма в лице японо-русского взаимодействия посвящена настоящая книга.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проекты №№ 12-31-10005 («Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны») и 14-41-93001.

Автор выражает свою искреннюю признательность кандидатам исторических наук Н.И. Канищевой и Н.Н. Павловой за предоставленные в его распоряжение подготовительные материалы и ценные советы по содержанию работы.

¹ Процесс русско-японского политического сближения в 1905-1914 гг. проследил историк Я.А. Шулатов. – *Шулатов Я.А.* На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905-1914 гг. Хабаровск-М., 2008.

² *Маринов В.А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905-1914 гг.). М., 1974. С. 5. Те советские исследователи, которые признавали факт русско-японского сближения в годы Первой мировой войны, подчеркивали его временную, конъюнктурную (вызванную обострением японо-английских и японо-американских противоречий) направленность и политически односторонний (к выгоде для Японии) характер. – *Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949)*. 2-е изд. / Под ред. Е.М. Жукова. М., 1956. С. 277-278; *Очерки новой истории Японии (1640-1917)* / Под ред. А.Л. Гальперина. М., 1958. С. 492-493.

³ *Человек и война. Война как явление культуры* / Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М., 2001. С. 5 (Предисловие); *War, Citizenship, Territory* / D. Cowen and E. Gilbert eds. New York and London, 2008. Р. 1-2; *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 22-23.

Глава I.

1914 г.: первые шаги военного и военно-технического сотрудничества

4 августа 1914 г.⁴, спустя три дня после вступления России в войну, когда на нехватки вооружений и боеприпасов в ее действующей армии в представлениях командования еще не было и намека, Япония кулуарно и по нескольким каналам одновременно известила русских военных и гражданских представителей на Дальнем Востоке о готовности снабдить своего северного соседа всевозможными военными материалами⁵. «Японцы обещают полное содействие, – телеграфировал из Японии военный атташе генерал-майор В.К. Самойлов, – указывают [на] возможность, если надо, снабжения винтовками, огнестрельными припасами, продовольствием через частных лиц»⁶. Владивосток и Мукден, «ввиду отсутствия наблюдения других держав», были намечены как пункты переговоров, которые японцы были готовы начать немедленно, а в качестве предпочтительного маршрута самих поставок — Корея, «генерал-губернатор коей, граф Тераучи, окажет всякое содействие, как и администрация Южно-Маньчжурской дороги». Частные фирмы Мицуи и Окура предложили России орудия, снаряды, ружья, патроны, перевязочные средства, амуницию, военные суда, а также посреднические услуги по фрахту или продаже кораблей японского Добровольного флота для использования в качестве военных транспортов⁷.

К агентам Окура (У. Ямада) и Мицуи (Ида), которые в начале августа 1914 г. явились во Владивосток, заверял дальневосточное командование генерал Самойлов, можно отнестись «с полным доверием, так как в сущности они лишь являются представителями японского Военного министерства»⁸. 7 августа лидер влиятельной группировки японских военных фельдмаршал князь А. Ямагата направил к российскому послу в Токио владельца фирмы Таката⁹ «с секретным предложением поставлять нам всевозможные военные материалы»¹⁰. Лондонский представитель той же компании обратился к русскому военному атташе в Великобритании генералу Н.С. Ермолову с идеей поставки «каких

⁴ Кроме специально оговоренных случаев, здесь и далее даты даются по «новому стилю».

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000 (Главное управление Генштаба, ГУГШ). Оп. 1. Д. 4453. Л. 162 (шифрованная телеграмма военного агента генерала В.К. Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 22 июля/4 августа 1914 г. № 316) и л. 164 (шифрованная телеграмма помощника военного агента в Китае капитана В.В. Блонского в ГУГШ. Мукден, 22 июля/4 августа 1914 г. № 336).

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5980 (Российский военный агент в Японии). Оп. 1. Д. 1. Л. 428. – Шифрованная телеграмма В.К. Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 22 июля/4 августа 1914 г. № 311. Отпуск.

⁷ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 418 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 4528. Л. 12 (копия шифрованной телеграммы посла Н.А. Малевского-Малевица министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Токио, 25 июля/7 августа 1914 г. № 126); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4057. Л. 49, 50-51 (рапорт начальника штаба Владивостокской крепости генерал-майора Г.К. Королькова в ГУГШ. Владивосток, 31 июля/13 августа 1914 г. № 2392 и приложенный к рапорту «Список поставляемых предметов акционерного общества Окура и Ко»). Решение о покупке двух из этих судов («Сакура-мару» и «Сакаки-мару») как учебных для гардемарин было принято русским Морским министерством много позднее – весной 1917 г. (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5004. Л. 3. – Шифрованная телеграмма Морского Генштаба морскому агенту А.Н. Воскресенскому в Токио. Петроград, 29 марта/11 апреля 1917 г.).

⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4057. Л. 65 об. – Копия телеграммы генерала Самойлова в штаб Приамурского военного округа и коменданту Владивостокской крепости. Токио, 24 июля/6 августа 1914 г.

⁹ Фирма Таката и Ко была основана в 1881 г. и к началу XX в. превратилась в одну из крупнейших частных японских компаний, которая специализировалась на поставках в Японию зарубежных технологий и механизмов.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. Д. 348. Л. 17. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 25 июля/7 августа 1914 г. № 126.

угодно боевых припасов»¹¹. 9 августа, через считанные дни после захвата германским крейсером «Эмден» парохода «Рязань» на пути из Нагасаки во Владивосток, командование японского ВМФ отрядило два миноносца для охраны русских торговых судов в своих территориальных водах¹². Этот захват не только прервал паромное сообщение между Японией и Россией, но временно парализовал в регионе все коммерческое судоходство — в японских портах скопились сотни иностранных торговых судов. Впоследствии тот же германский рейдер «прославился» еще больше. Ранним утром 15/28 октября 1914 г. с дополнительной фальшивой трубой, делавшей его похожим на одно из британских военных судов, и под британским (по другим данным — японским) флагом, он без огней вошел в гавань Пенанга, обстрелял торпедами стоявшие на рейде русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец, потопил их и скрылся¹³.

Японское морское ведомство посулило русским военным морякам «все, что нужно для нашего флота», для начала, с санкции Совета министров, предложив немедленно отгрузить во Владивосток партию малокалиберных орудий со снарядами и три десятка 18-дюймовых торпед — «мин Уайтхеда типа Фиумэ» образца 1909 г.¹⁴ Телеграмма российского Морского Генерального штаба относительно приобретения торпед, направленная в Токио 10 августа 1914 г.¹⁵, стала первым русским «оружейным» запросом Японии. Правда, встречное предложение японцев русское морское ведомство тогда не устроило — Главное управление кораблестроения (ГУК) отозвалось о предложенных ими торпедах Уайтхеда как устаревших и «имеемых у нас в избытке» (недостаток ощущался в «самодвижущихся минах» образца 1912 г.), а об орудиях и снарядах — как «не требующихся»¹⁶.

Таким образом, инициатива японо-русского военного и военно-технического сотрудничества исходила от Токио, а не наоборот¹⁷, причем в первое время японское

¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4057. Л. 35. — Шифрованная телеграмма генерала Н.С. Ермолова в ГУГШ. Лондон, 5-6/18-19 августа 1914 г. № 110.

¹² АВПРИ. Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 1861. Л. 34 (шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 27 июля/9 августа 1914 г. № 136). В тот момент в дальневосточных водах находились 22 парохода русского Добровольного флота.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1108. О гибели крейсера «Жемчуг» от взрыва германской мины в районе Пенанга 15 октября 1914 г. К тому времени в Тихом океане «Эмден» пустил ко дну полтора десятка и британских коммерческих пароходов. Столь бесславную гибель «Жемчуга» морской министр И.К. Григорович позднее назвал «единственной темной точкой на светлом фоне боевой жизни флота» на протяжении всей мировой войны (*Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 173*). 9 ноября 1914 г. «Эмден» был затоплен у Кокосовых островов австралийским крейсером «Сидней».

¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 31 (шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 1/14 августа 1914 г. № 157) и д. 348. Л. 32 (шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 4/17 августа 1914 г. № 173).

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4580. Л. 130. — Шифрованная телеграмма начальника Морского Генштаба вице-адмирала А.И. Русина военному атташе генералу В.К. Самойлову в Токио. Петроград, 28 июля/10 августа 1914 г. № 718.

¹⁶ Там же. Л. 133 (шифрованная телеграмма адмирала Русина послу в Токио для военного агента Самойлова. Б/д, № 1213). Со своей стороны, начальник ГУК в письме в Морской Генштаб высказался за покупку в Японии «противоаэропланых» пушек с боекомплектom. — Там же. Л. 142 (секретное отношение начальника ГУК вице-адмирала П.П. Муравьева в Морской Генеральный штаб. 18/31 августа 1914 г. № 3868).

¹⁷ *Berton P. Russo-Japanese Relations, 1905-1917. P. 22.* Историк Э.А. Барышев также до недавнего времени полагал, что начало этим контактам положила русская сторона в лице начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерала Д.Д. Кузьмина-Караваева, который будто бы запросил японского военного атташе в Петрограде генерала Т. Какизаки о покупке у Японии артиллерии и снарядов, правда — лишь после того, как посол барон И. Мотоно познакомил представителя фирмы Мицуи в Петербурге Ямамото Шотаро с «высшим руководством военного министерства» (*Baryshev, Ed. The General Hermonius Mission to Japan (August 1914-March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War // Acta Slavica Iaponica. 2011. Т. 30. Р. 23*). Однако, согласно русским источникам, попытку переговоров с ГАУ (причем позднее и только относительно возврата России порт-артурских трофеев) предпринял сам Какизаки, но безуспешно — по сведениям Самойлова, его там попросту

правительство старалось действовать скрытно и преимущественно по частным каналам. Эти конспирации объяснялись тем, что в начале августа, по словам министра иностранных дел Като Такааки, Япония внешне только «определялась» в своем отношении к европейским событиям и, очевидно, не хотела раньше времени лишаться нейтрального статуса и свободы рук¹⁸. Однако ее тайный, но энергичный «русский» демарш тех дней фактически исключал ее блок с германской коалицией. «Соблюдаемый пока Японией нейтралитет для нас приобретает все более и более благоприятный характер», – отметил Малевский в уже цитированной телеграмме министру Сазонову от 7 августа (25 июля) 1914 г. Но в долгое сохранение официальным Токио нейтральной позиции русский посол не верил. Судя по настрою здешних политических кругов, писал он, «Япония рвется в бой и горит желанием, вмешавшись в европейскую войну, окончательно установить свое мировое значение как великой державы»¹⁹. При этом ставку официальный Токио сделал на Антанту, главным образом, опираясь на давнишний союз с Великобританией и путем сближения с Россией, своим великим северным соседом.

Прогноз Малевского сбылся в главном – невмешательство Японии в мировой конфликт оказалось скоротечным. Несмотря на то, что и в общественных, и в правительственных кругах звучали голоса в пользу продолжения политики нейтралитета, в ночь на 8-е августа кабинет министров принципиально одобрил вступление в войну на стороне Антанты. В ответ на поступившую накануне просьбу Великобритании защитить ее коммерческое судоходство в западной части Тихого океана (при этом, как выяснилось позже, Лондон имел в виду не более, чем простое эскортирование японцами британских торговых судов в дальневосточных водах и даже пытался добиться от Токио гарантий неучастия японских войск в операциях на территории Китая)²⁰ японское правительство заявило о решимости уничтожить силы Германии в Восточной Азии как на море, так и на суше. На следующий день это решение поддерживали могущественные *гэнро* – «государственные старейшины», пожизненные советники императора, а 9-го августа – и сам микадо. 15-го числа японское правительство направило Германии ноту с ультимативным требованием вывода своих военных судов из китайских и японских вод и передачи Японии китайского Циндао в течение месяца и без каких-либо компенсаций. Берлин промолчал, и с объявлением Германии войны, констатировал руководитель

«не поняли» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 153. – Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Токио, 14/27 августа 1914 г. № 385). В одной из своих последующих публикаций Барышев признает, что почин все-таки был японский, но якобы «целиком принадлежал торгово-промышленным кругам», которые «искусно пытались создать у российского правительства впечатление, что на оказание помощи России готово правительство Японии» (*Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914-1917 гг.): малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Япония 2011. Ежегодник. М., 2011. С. 240, 252*). Как уже мог убедиться читатель, действительная картина была обратной – инициатива исходила от официального Токио, который первоначально оперировал в основном через близкие правительству частные компании. Кстати, именно так ситуацию «прочитали» и в самой России. Например, о надежности самой фирмы Мицуи как торгового партнера Петроград запросил Самойлова лишь в конце сентября 1914 г., когда военно-техническое сотрудничество с Японией уже было решено принципиально и стало приобретать практические очертания (ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 450. – Шифрованная телеграмма генерала Н.А. Монкевича генералу В.К. Самойлову в Йокогама. Петроград, 12/25 сентября 1914 г. № 6009). «Фирма Мицуи рекомендована нам официально японским правительством для всяких поставок», – отреагировал на этот запрос русский военный атташе.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 7. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 22 июля/4 августа 1914 г. № 100.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 256. – Секретная депеша Малевского Сазонову. Токио, 10/23 августа 1914 г. № 60.

²⁰ Lowe P. Britain in the Far East: A survey from 1819 to the present. London and New York, 1981. P. 100-101; Stevenson D. The First World War and International Politics. Oxford University Press, 1988. P. 43. Строго говоря, и эта скромная просьба выходила за пределы обязательств, ранее взятых на себя Токио. В соответствии с японо-британскими договорами 1905 и 1911 гг., Япония обязывалась помочь союзнице в защите ее азиатских владений только в случае «неспровоцированного нападения на них третьей державы».

Дальневосточного отдела российского МИД Г.А. Козаков, Япония сделалась фактически союзницей России²¹. На другой день после вступления Японии в войну Приамурский генерал-губернатор получил секретное предписание правительства «избегать острых конфликтов с нашими восточными соседями» – китайцами и японцами, и иметь в виду «почти союзное» положение Японии даже «при всех внутренних мероприятиях, касающихся желтого населения вверенного Вашему превосходительству края»²². Тут же и сам Совет министров показал пример дружелюбия – 22(9) августа 1914 г., «по соображениям политическим», русское правительство постановило компенсировать убытки японским рыбопромышленникам в Приамурье, понесенные ими в связи с ограничениями, введенными Петербургом еще в 1911 г., на общую сумму в 50 тысяч рублей (Токио претендовал на 75 тысяч)²³.

Кардинально сменилась позиция высшего русского армейского и флотского руководства, которые со времен русско-японской войны продолжали рассматривать Японию как самого опасного соперника на Дальнем Востоке, теоретически способного «совершенно» и «навсегда» отбросить Россию от берегов Тихого океана до Благовещенска, и даже – как наиболее (после стран Тройственного союза) вероятного противника в будущей войне²⁴. Вплоть до 1914 г., отмечает историк Я.А. Шулатов, российское командование считало новое нападение Японии в ближайшем будущем практически неизбежным²⁵. Но и в этом случае мирная ласточка прилетела из Токио. 1 августа 1914 г. японский Генштаб предложил Самойлову, «при условии полного секрета», знакомить своих русских коллег со сведениями, добытыми японской агентурой в Европе²⁶. 16-го числа, первым из представителей высшего военного руководства Японии, заверения в безопасности и неприкосновенности русских дальневосточных территорий, поддержании «порядка в Китае» и в готовности помогать России «всем в настоящую кампанию» тому же Самойлову дал автор текста упомянутого ультиматума Германии генерал-лейтенант Акаси Мотодзиро, заместитель начальника японского Генштаба²⁷. Военный атташе Самойлов, со своей стороны, высказал убеждение, что опасения «о возможности выступления Японии против России в случае, если европейская война затянется на очень долгое время», не имеют под собой основания и намеренно подогреваются германской агентурой в Китае²⁸. «Явная тенденция Японии дружить с нами» дала повод представителю русского военно-морского ведомства в Токио предложить временно свернуть систематический сбор сведений о японском ВМФ²⁹. В

²¹ Козаков Г. Русско-японское соглашение 3 июля 1916 г. Письмо в редакцию // Международная политика и мировое хозяйство. Двухнедельный журнал. Пг., 1918. № 6. С. 60.

²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75-а. Л. 314. – Секретная телеграмма министра иностранных дел Приамурскому генерал-губернатору. Петроград, 11/24 августа 1914 г. № 2111.

²³ Особый журнал Совета министров 9 августа 1914 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год / Ответ. составитель Б.Д. Гальперина. М., 2006. С. 270. В 1916 г., в продолжение той же линии и снова по ходатайству японской стороны, Совет министров предоставил японским рыбопромышленникам право доставлять «рыбу всякую», выловленную в российских водах, в русские тихоокеанские порты под своим флагом и беспошлинно. – Особый журнал Совета министров 7 октября 1916 г. «О разрешении беспошлинного привоза рыбы, выловленной японскими подданными в арендуемых ими в русских водах рыболовных участках, в порты Тихого океана» // Там же. 1916 г. М., 2008. С. 484.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 289. Л. 30 об. (Морской Генштаб. 3-е Оперативное отделение. Черновой «План стратегического развертывания флота в Тихом океане». 1907 г.); ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 101. Л. 23 (всепоподданнейшая записка Морского Генштаба. 1906 г.); РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 36. Л. 134 об. (записка генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-лейтенанта Ю.Н. Данилова «О силах и вероятных планах наших западных противников». 10/23 апреля 1914 г. Секретно).

²⁵ Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству. С. 245.

²⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 372. Л. 68. – Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 1 августа (19 июля) 1914 г. № 301.

²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 159. – Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 3/16 августа 1914 г. № 349.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 2. Л. 151. – Рапорт генерала Самойлова начальнику штаба Приамурского военного округа. Токио, 4/17 марта 1915 г. Секретно.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 66. Л. 3 об. – Весьма секретное письмо морского агента А.Н. Воскресенского в Морской Генштаб. Токио, 2/15 октября 1914 г.

результате, но, главным образом, из-за большой загруженности размещением, оформлением и приемкой в Японии военных заказов сбор информации о ее вооруженных силах официальные русские военные представители в Токио в годы Первой мировой войны практически не вели и денег на секретную агентуру почти не запрашивали. «Разведывательная работа на Дальнем Востоке во время Великой войны сильно ослабла и на нее отпускались прямо мизерные средства», – констатировал генерал П.Ф. Рябиков, один из ведущих в России специалистов по теории и практике военной разведки³⁰.

Все это, но, главным образом, официальное вступление Японии в войну позволило русскому командованию начать переброску с Дальнего Востока на запад наиболее боеспособных соединений, которые там находились. Генерал-квартирмейстер (начальник оперативного отдела) ГУГШ, успокаивая коменданта Владивостокской крепости, встревоженного перспективой ослабления своего гарнизона, уже в момент предъявления Токио ультиматума Берлину констатировал, что Япония относится к России дружелюбно и ожидать ее военной интервенции в Приморье «не приходится»³¹. С середины августа 1914 г. информация о действиях Японии стала время от времени включаться в «Сводки сведений о союзниках», которые для русского верховного главнокомандующего готовил его штаб³². 17 августа Ставка удовлетворила просьбу японского военного атташе в Петербурге о прикомандировании к русской действующей армии пятерых находившихся в России японских офицеров – «в интересах политических»: «ввиду предъявления Японией ультиматума Германии» и ее «предложения широкого содействия нам [в] вопросах снабжения»³³.

Что касается практической стороны японских инициатив, то в целом в России к ним первоначально отнеслись двояко – с видимым облегчением, но сдержанно. Военное руководство обеспечение прочного мира на Дальнем Востоке и, специально, «со стороны Японии» загодя выставляло одним из неперемennых условий овладения черноморскими проливами как «исторической» задачи России в будущей европейской войне³⁴. Это было тем более важно, что вслед за цусимской катастрофой 1905 г. в Петербурге возобладало мнение свой Тихоокеанский флот до лучших времен не возобновлять (из адмиралов противоположную точку зрения отстаивал один Ф.В. Дубасов), и его остатки под названием Сибирской флотилии стали несоизмеримо слабее японского ВМФ, безоговорочно уступив тому господство на море. В соответствии с этим и в отличие от реваншистских настроений части строевого флотского офицерства³⁵, высшее морское

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-5793 (генерал П.Ф. Рябиков). Оп. 1. Д. 1-в. Л. 11 (В Главном Управлении Генерального штаба после революции: (Воспоминания генерала П.Ф. Рябикова)). Впрочем, и до войны дела в этом отношении обстояли не намного лучше. Как сообщает в своих воспоминаниях другой офицер разведывательного отделения Генштаба, в предвоенные годы приоритетными направлениями работы этого подразделения ГУГШ считался сбор и систематизация сведений об армиях Германии, Австро-Венгрии и Франции (каждой ведало особое делопроизводство), в то время как «вопросами по Китаю и Японии» занимался лишь один офицер, владевший языками этих стран (см.: *Самойло А.А. Две жизни*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1963. С. 134). Вместе с тем, судя по содержанию специального дела, заведенного ГУГШ в 1910 г. на японского военного атташе в Петербурге, русская военная контрразведка стремилась плотно контролировать его контакты и переписку.

³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4056. Л. 10. – Шифрованная телеграмма генерал-квартирмейстера ГУГШ Н.А. Монкевича коменданту Владивостокской крепости генералу С.С. Саввичу. Петроград, 3/16 августа 1914 г. № 4180.

³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 774. Л. 62. – Сводка сведений о союзниках, полученных в штабе верховного главнокомандующего по вечер 3(16) августа 1914 г. № 1.

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1426. Л. 137. – Телеграмма генерала Монкевича генерал-квартирмейстеру Ставки генералу Ю.Н. Данилову. С.-Петербург, 4/17 августа 1914 г. № 3687 с одобрительной резолюцией Данилова.

³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1835. Л. 35 об. – Записка генерал-квартирмейстера Генерального штаба генерал-лейтенанта Ю.Н. Данилова начальнику Генерального штаба «По вопросу о военной подготовке России в целях успешного активного выступления на Ближнем Востоке». 19 декабря 1913 г./1 января 1914 г. № 462. Секретно.

³⁵ Например, в 1907 г. командир эскадренной миноносца «Москвитянин» капитан 2-го ранга Максимов на собрании офицеров отряда минных судов Балтийского моря заявил, что «ближайшая задача» русского военного флота заключается в том, чтобы «разбить японцев на море и помочь

руководство после русско-японской войны задачу своих дальневосточных военно-морских сил определяло как сугубо оборонительно-вспомогательную: «содействовать обороне» Владивостока как главного объекта возможного нападения Японии и для этого стараться контролировать один залив Петра Великого³⁶. Но с наличными силами даже такая ограниченная задача была трудновыполнима. В предвоенные годы Россия была в состоянии держать на Дальнем Востоке лишь 2 легких крейсера, канонерскую лодку, 15 миноносцев, 13 подводных лодок и 4 военно-транспортных судна. Японский же военный флот уже тогда включал 13 эскадренных броненосцев, 13 броненосных крейсеров, 24 легких крейсера и 53 минных судна. В дальнейшем этот дисбаланс увеличился еще больше. Первые «потери» Сибирская флотилия понесла уже в начальные месяцы мировой войны, когда из ее состава были выведены военный транспорт «Аргунь», перечисленный на Балтику, и четыре лучшие подводные лодки, по железной дороге переправленные в Севастополь. Вскоре затем оба «сибирских» крейсера («Аскольд» и уже знакомый читателю «Жемчуг») оказались включены в состав эскадр союзников: «Жемчуг» – британского адмирала Мартина Джеррама, которая оперировала против германского флота в Тихом и Индийском океанах, а «Аскольд» – в объединенную англо-французскую эскадру адмирала Джона де Робека, которая в феврале-ноябре 1915 г. безуспешно пыталась захватить Дарданеллы. В 1915 г. с Дальнего Востока на запад были переброшены еще два миноносца, минный заградитель, семь подводных лодок и вспомогательные корабли. Что касается экипажей судов, то к концу 1916 г., по признанию русского Генерального морского штаба, из Сибирской морской флотилии и даже Амурской речной на запад было «взято все, что было мало-мальски возможно», причем «всякий дальнейший перевод личного состава повлечет за собой полное прекращение их жизни»³⁷. Перед остававшимися на Дальнем Востоке совсем незначительными русскими военно-морскими силами была поставлена задача оборонять Владивосток «против случайных нападений каких-либо германских судов»³⁸. Японский же ВМФ за годы войны пополнился несколькими дредноутами, включая гигантов “Fusoh” и “Yamasiro”, водоизмещением 30,6 тысяч тонн каждый (оба прослужили в японском военном флоте до середины 1940-х гг.). Русские дредноуты новой постройки в годы мировой войны были сосредоточены на Балтийском, по оценке Морского Генштаба, операционно главном, и Черном морях.

«В ближайшие годы не только не представляется возможным вести на Дальнем Востоке наступательную войну, – констатировал в 1907 г. начальник вновь созданного центрального аналитического подразделения морского ведомства, Морского Генерального штаба, – но необходимо обеспечить там дипломатическим путем мир лет на 10-15, чтобы за это время подготовиться к оборонительной войне. Если дипломатия не обеспечит такого срока для приготовления к войне, то цель, поставленная политикой, — удержаться на берегах Великого океана, не может быть достигнута»³⁹. Что касается сухопутных сил, то последнее предвоенное (перед Первой мировой войной) мобилизационное расписание Петербурга предусматривало переброску из Приамурского военного округа на запад I-го и II-го Сибирских корпусов – «двух лучших корпусов русской армии»⁴⁰.

армии вести войну на островах врага». – ГА РФ. Ф. 543 (Коллекция документов библиотеки Царскосельского дворца). Оп. 1. Д. 107. Л. 120.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 289. Л. 2. – «Высочайше» одобренный «План стратегического развертывания флота в Тихом океане в 1910 г.»; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 101. Л. 17. – Всеподданнейшая записка флигель-адъютанта капитана 1-го ранга графа А.Ф. Гейдена «По вопросу о преобразовании управления флотом и морским ведомством». 2/15 марта 1908 г.; *Смирнов М.* Краткий обзор оперативных идей, положенных в основу организации и подготовки Русского Флота к войне в период 1906-1914 года // Зарубежный морской сборник. Пильзень, 1929. № 7-8. С. 64.

³⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1123. Л. 178, 193

³⁸ *Григорович И.К.* Воспоминания бывшего морского министра. С. 146.

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 289. Л. 52. – «Высочайше» одобренные «Стратегические основания плана войны на Дальнем Востоке в 1918 г.». Март 1907 г.

⁴⁰ *Добророльский С.* Стратегические планы сторон к началу мировой войны // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний (ОРВЗ). Кн. II. Белград, 1922. С. 63.

В то же время из самой Японии в канун войны стали приходить тревожные вести. Выступая перед бизнесменами в г. Фукусима 14 июля 1914 г., министр земледелия и торговли, один из лидеров проправительственной партии «досикай» («общества единомышленников») виконт Оура Канэтакэ заявил о «неизбежности» повторной войны Японии с Россией⁴¹. Отчет об этой, по словам Малевского, «бестактной выходке» японского министра напечатали «Ници-Ници», «Нироку» и другие крупные японские газеты. Влиятельный журнал «Тайо» до конца июля 1914 г. и также «на случай войны» увлеченно сопоставлял силы русской и японской армий⁴². Поэтому на первой с начала мирового конфликта встрече с японским послом 10 августа министр иностранных дел С.Д. Сазонов особо подчеркнул свое «величайшее удовлетворение видеть, что японцы питают весьма доброжелательные чувства по отношению к русским», и высказал надежду, что Япония примет участие в начавшейся войне против Германии и ее союзников. Тут же русский министр попытался развить успех – от Николая II и своего имени он сообщил о желании «непременно» заключить союзный договор с Японией «в целях обеспечения постоянного мира на Дальнем Востоке». Докладывая в Токио об этой беседе с русским министром, посол Мотоно, не подозревая об уже состоявшемся решении своего правительства на этот счет, поддержал идею участия Японии в войне на стороне Антанты, дабы, «в целях самозащиты», положить предел «диктаторскому поведению Германии» и одновременно «укрепить положение империи [Японии] в политическом и коммерческом отношениях»⁴³. Таким образом, уже в августе 1914 г. становилась все более очевидной обоюдная заинтересованность Японии и России в установлении союзнических отношений и их готовность к энергичному движению навстречу друг другу в военно-технической сфере.

В том же направлении развивалась и общественно-политическая мысль России. К тому времени в руководящих российских сферах вокруг Японии сложилась уникальная ситуация. За сближение с ней, пусть и с оглядкой на недавнее русско-японское вооруженное столкновение, выступали близкие к престолу представители высших военных и гражданских кругов, люди разных общественно-политических воззрений, а порой и диаметрально противоположных внешнеполитических взглядов и ориентации. В межвоенные годы даже военные аналитики были склонны рассматривать Японию как, скорее, временного и ситуативного противника и связывали стабилизацию и дальнейшее упрочение положения России на Дальнем Востоке с установлением с Токио добрососедских отношений. Такую точку зрения, в частности, еще в конце 1906 г., в период формирования и осмысления новых внешнеполитических ориентиров России, во «всепопданнейшей» записке попытался обосновать флигель-адъютант и личный друг императора граф А.Ф. Гейден. В интересах поддержания стабильности и мира на этой, пока что второстепенной (по сравнению с европейской), арене российской политики и ради закрепления в северном Китае и на берегах Сунгари (эти китайские территории Гейден считал «естественным и необходимым экономическим дополнением» русского Приамурья), России, по его мнению, следовало целенаправленно развивать с Японией добрососедские отношения и окончательно смириться с ее утверждением на азиатском континенте. Пытаться препятствовать ее упрочению в Корее и «естественному движению» на Южный Китай граф считал делом бесполезным и бесперспективным. «Ясное разграничение государственных интересов Русской политики от частных русских интересов на Дальнем Востоке и правильное направление согласно этому ближайших задач деятельности местной власти, – утверждал автор записки, – может иметь

⁴¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1488. Л. 2-6. – Переписка Малевского с Сазоновым, вторая половина июля 1914 г.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 422. – Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 15/28 июля 1914 г. № 295.

⁴³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 240-241 об. – Шифрованная телеграмма посла И. Мотоно министру иностранных дел Т. Като. Петроград, 10 августа 1914 г. Эта и упоминаемые ниже телеграммы иностранных дипломатов были расшифрованы и переведены на русский язык в российском МИД. Всего за годы войны здесь было перехвачено и расшифровано порядка 200 секретных японских депеш. Многие (включая и только что цитированную) были представлены на «высочайшее благоволение» и имеют отметку о прочтении царем.

последствием заключение *непосредственного соглашения между Россией, Японией и Китаем* (курсив Гейдена. – *Авт.*) и полное обеспечение военно-политического положения нашего на Дальнем Востоке»⁴⁴.

Бывший посланник в Токио, член Госсовета барон Р.Р. Розен, убежденный противник участия России в Антанте и европоцентризма нового курса русской внешней политики, ссылаясь на исторические примеры, в 1912 г. писал царю о принципиальной возможности укрепить положение России на Дальнем Востоке «без всякого риска войны с Японией», путем разграничения сфер влияния по взаимному соглашению. «Священнейший долг» русского правительства Розен видел не в отстаивании в Европе чуждых России интересов союзных ей Англии и Франции, а в том, чтобы «пещись неусыпно» и всемерно беречь свой наиважнейший стратегический резерв — «богато одаренную природой» Сибирь, «достаточную для расселения не одной сотни миллионов грядущих поколений русских людей»⁴⁵. К миролюбию в отношении своих дальневосточных соседей русских аналитиков толкали и геополитические соображения планетарного масштаба: очевидное «пробуждение азиатских народов» на фоне предчувствия «громальной экономической будущности» сопредельных России стран «желтой расы» вплоть до возможного замещения Средиземного моря Тихим океаном и Европы Азиатско-тихоокеанским регионом в роли главных средоточий торгово-экономической жизни всего человечества⁴⁶. Опасались в Петербурге и гипотетического японо-германского сближения. В июне 1909 г. военный министр Сухомлинов в беседе с французским военным атташе заявил, что подобный поворот событий «коренным образом» уменьшил бы для России возможность играть активную роль в европейских делах⁴⁷.

В 1914 г. среди поборников установления союзнических отношений с Токио мы находим как последовательного сторонника Антанты и противника «дальневосточной тины» русской внешней политики⁴⁸, либеральствующего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, так равно и крайне «правого» члена Госсовета, отставного руководителя внутривластного ведомства П.Н. Дурново, англофоба и адепта русско-германского сближения. В пространной записке, поданной императору незадолго до войны, Дурново доказывал жизнеспособность и пользу для России ее блока с Германией, Францией и Японией, связанной с Россией «строго оборонительным союзом», как единственной международной комбинации, «лишенной всякой агрессивности» и способной «на долгие годы обеспечить мирное сожительство культурных стран»⁴⁹. Из числа высших чиновников, пожалуй, лишь бывший генерал-губернатор Приамурья, член Госсовета сенатор П.Ф. Унтербергер советовал «уклониться» от переговоров о заключении с Токио союзного договора, «если бы они были возбуждены Японией», но не навечно, а лишь до тех пор,

⁴⁴ Гейден А.Ф. Какой флот нужен России. [Всепоподданнейшая записка капитана 1-го ранга графа А.Ф. Гейдена] // Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И.С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 383-422.

⁴⁵ «Эта система союзов носит в себе семя неизбежных столкновений». Записка русского дипломата [барона Р.Р. Розена] на высочайшее имя за два года до первой мировой войны / Публ. И.С. Рыбачёнок // Источник. Документы русской истории. 1997. № 6(31). С. 32-56.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 108. Л. 139 об.; там же. Д. 751. Т. 1. Л. 43, 47. Всепоподданнейшая записка генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина «Границы России в результате войны 1914-1915 гг.: (Соображения к требованиям России при заключении мира)». 28 февраля 1915 г.».

⁴⁷ Цит. по: Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. London and Basingstoke, 1983. P. 10.

⁴⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 56.

⁴⁹ Записка П.Н. Дурново. Февраль 1914 г. Париж, б/д. С. 31; Российский Нострадамус (Публикация записки П.Н. Дурново) // Родина. 1993. № 8/9. С. 10-13. Дурново, таким образом, фактически имел в виду реализовать, хотя и в более широком формате, давний план германского императора о создании континентальной антибританской лиги (подробнее об этом плане см.: Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX-XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 139-141). Идеи Розена, в свою очередь, перекликались с неоднократно высказанным стремлением того же Вильгельма II к союзу с Россией, дабы обеспечить за Германией гегемонию в Европе, предоставив союзнице аналогичную роль на Дальнем Востоке.

пока Россия не займет «твердого положения в военном отношении» на Дальнем Востоке⁵⁰.

Сам Николай II как последняя и высшая инстанция в выборе приоритетов и способов осуществления внешнеполитического курса Российской империи при заключении серии послепортсмутских соглашений с Токио вел себя пассивно⁵¹. Однако вскоре после начала мировой войны, в беседе с французским послом 21(8) ноября 1914 г., и явно в расчете на передачу этой информации в Париж, Лондон и в Токио царь высказался за официальное присоединение Японии к странам Антанты «в целях сохранения мира на продолжительное время», и не только на Дальнем Востоке. Интересы Токио были учтены и в «эскизе» будущего мирного договора по итогам выигранной Антантой войны, который Петроград предложил своим союзникам на обсуждение осенью 1914 г. Русский император полагал включить Японию в число великих держав, которым, без каких-либо посредников, предстояло «продиктовать» условия мира проигравшей стороне, а министр Сазонов выступил с инициативой вознаградить ее германскими островными колониями в Тихом океане к северу от экватора⁵², хотя на них претендовали британские доминионы — Новая Зеландия и Австралия и потому Лондон выступил против (этот вопрос был отчасти урегулирован в октябре-декабре 1914 г. в ходе прямых англо-японских переговоров). Что касается китайских проблем, то еще 9 августа 1914 г. руководитель Форин офис заверил японского посла в Лондоне, что Великобритания не будет выступать против «приобретения» Японией Циндао в случае ее войны с Германией, а 22-го числа сообщил министру Като, что принципиально «допускает» и будущие попытки Токио расширить свое присутствие в Маньчжурии в порядке компенсации за то же вступление Японии в войну⁵³.

Сдержанность Петербурга к поступившим в начале августа 1914 г. из Токио приглашениям к военному и военно-техническому сотрудничеству объяснялась не только взаимной настороженностью и остававшимся «холодком» предвоенных русско-японских отношений, но и позицией армейского руководства. «Не предвидя грандиозного масштаба войны, уверенные, что запасов боевого снабжения хватит во всяком случае на полгода, если не на целый год большой войны, тогда как такая война не может продолжаться более 4-6 месяцев, — вспоминали генералы-артиллеристы А.А. Маниковский и Е.З. Барсуков, — военный министр и начальник ГАУ чувствовали себя в то время достаточно удовлетворенными в “исполненном долге”»⁵⁴ и о масштабных приобретениях оружия и боеприпасов за рубежом не помышляли. «В 1914 году армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имела право спокойно принять вызов, — утверждал военный министр В.А. Сухомлинов и много лет спустя. — Никогда Россия не была так

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1864. Л. 45-45 об. — Записка Унтербергера председателю Совета министров И.Л. Горемыкину. Петроград, 4/17 февраля 1915 г. Горемыкин переправил эту записку на заключение в МИД. Ответ Сазонова и его комментарии на записку Унтербергера см. в Приложении к настоящей книге.

⁵¹ *Игнатьев А.В.* Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 14.

⁵² Об этом намерении Сазонов сообщил в «совершенно дружеской беседе» послам Англии и Франции 14(1) сентября 1914 г. (телеграмма посла Франции М. Палеолога министру иностранных дел Т. Делькассэ. Петроград, 14(1) сентября 1914 г. № 603. Секретно // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878-1917 гг. (далее — МОЭИ). Серия III. Т. 6. Ч. 1. М.-Л., 1935. С. 248-249). Мотоно определенно узнал об этом плане во второй половине ноября 1914 г. от своего французского «сотоварища» М. Палеолога, который пересказал ему содержание своей только что состоявшейся беседы с русским императором. — Перевод на русский язык секретной телеграммы Мотоно министру иностранных дел Като. Петроград, 23(10) ноября 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 2. М.-Л., 1935. С. 116-117.

⁵³ *Kajima M.* The Emergence of Japan as a World Power, 1895-1925. Rutland and Tokyo, 1968. P. 233; *Stevenson D.* The First World War. P. 44.

⁵⁴ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну / Переработал и дополнил Е.З. Барсуков. Изд. 3-е. М., 1937. С. 59-60.

хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.»⁵⁵. Следствием таких настроений высшего армейского руководства стало то, что его запросы Самойлову о возможных закупках в Японии первоначально касались исключительно продовольствия – риса, солонины, мясных и рыбных консервов⁵⁶. На практике эти закупки не состоялись – своим специальным решением российский Совет министров, озабоченный поддержкой отечественной экономики, запретил военному ведомству массово приобретать продовольствие за рубежом⁵⁷.

Однако прошло всего две-три недели, и военные руководители оказались вынуждены в полной мере откликнуться на предложения Японии. Боевые действия, еще даже не начавшись в полном объеме (истекал начальный период войны, время мобилизации и стратегического развертывания сил противоборствовавших сторон⁵⁸), опрокинули расчеты штабных теоретиков о снабжении действующей армии. «Наши “голоды”: снарядный, ружейный, пулеметный, оружейный и пр., – констатировал русский военный специалист, – начинаются не через 4-6 месяцев, а почти с первых же боев, в первый месяц войны»⁵⁹. Сведения о неожиданно быстрой убыли на передовой вооружения и боеприпасов сначала дошли до командующих армиями, ко второй половине августа стали известны в штабах фронтов, а вскоре затем – военному министру и в Ставке верховного главнокомандующего, который, в свою очередь, 21(8) сентября телеграфировал об этом непосредственно императору. Над фронтовыми операциями нависла угроза срыва. 20(7) сентября, в разгар Галицийской битвы, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов письмом верховному главнокомандующему «по долгу присяги и совести» отказался начать осаду Перемышля единственно потому, что вместо минимальных 100 снарядов на орудие имел не более 25-ти, и главноверх, великий князь Николай Николаевич, согласился с его аргументами, на месяц отложив осаду⁶⁰. «Никто не ожидал такого страшного расхода снарядов, который обнаружился в первые же дни войны», – вспоминал великий князь Александр Михайлович, тогда – помощник командующего 4-й армией⁶¹. Не лучше обстояло дело и с самой артиллерией. «Запаса новых и старых орудий не имеется», обреченно

⁵⁵ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 286. Этим Сухомлинов стремился подчеркнуть свои заслуги как военного министра предвоенных лет, когда, ему, говоря словами военного историка-эмигранта А.А. Керсновского, удалось на место «дезорганизованного вооруженного бессилия» поставить все-таки как-то «организованную вооруженную силу» (Цит. по: Авдеев В.А. В.А. Сухомлинов и военные реформы 1905-1912 годов // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века. Очерки. М., 2003. С. 247). Эту оценку подтверждают А.И. Деникин (*Деникин А.И. Путь русского офицера*. М., 2006. С. 279) и такой еще более осведомленный современник и критик Сухомлинова, как генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю.Н. Данилов. Последний констатировал, что «из состояния бессилия», в которое русская армия была ввергнута поражением от Японии в 1905 г., ее удалось вывести только к 1914 году. – *Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии*. Пер. с фр. М., 2000. С. 54.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 432, 438 (шифрованные телеграммы Монкевица в Йокогама Самойлову. Петербург, 30 июля/12 августа и 5/18 августа 1914 г. №№ 3229 и 3730); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4057. Л. 24 (отношение Главного интендантского управления в ГУГШ. С.-Петербург, 30 июля/12 августа 1914 г. № 877).

⁵⁷ Особый журнал Совета министров 23 августа/5 сентября 1914 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 г. М., 2006. С. 313-314.

⁵⁸ Первые боевые столкновения русской армии с немцами и австрийцами произошли 15-16(2-3) августа 1914 г. Полномасштабные военные действия открылись, когда 17(4) августа границу с Восточной Пруссией пересекла 1-я армия Северо-Западного фронта, а в течение двух следующих дней другие участки западных рубежей России в направлении на Львов — 3-я и 8-я армии Юго-Западного фронта, действовавшие против Австро-Венгрии.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6173 (генерал Э.К. Гермониус). Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003 (Штаб Ставки верховного главнокомандующего). Оп. 1. Д. 36. Л. 1-2 (письмо главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта верховному главнокомандующему. г. Холм, 7(20) сентября 1914 г. № 1331) и л. 22-23 (ответ великого князя Николая Николаевича по прямому проводу. Ставка, 8(21) сентября 1914 г. Сов. секретно).

⁶¹ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 259.

констатировал начальник ГАУ Д.Д. Кузьмин-Караваев уже в начале октября 1914 г.⁶² Потребности действующей армии заставили Ставку осенью 1914 г. просить морское ведомство одолжить «богатые боекомплекты» своих «неугрожаемых» зимой крепостей (Ревеля, Кронштадта, Свеаборга) — артиллерию всех калибров с боеприпасами, а равно «телефонные, прожекторные и подрывные средства»⁶³. Хотя с началом войны Балтийский и Черноморский флоты перешли в подчинение, соответственно, командования Северной армии и Ставки, их и всех военно-морских баз боевое снабжение осталось в компетенции Морского министерства. Артиллерия, полученная в конце 1914 г. от балтийских моряков, пошла на усиление сухопутных крепостей Новогеоргиевск, Ковно и Гродно. «Морское ведомство сделало все от него зависящее для усиления артиллерийских средств на сухопутном фронте», — докладывал императору Григорович в отчете о деятельности своего министерства в 1914 г.⁶⁴

К ноябрю 1914 г., при общей численности действующей армии примерно в 6 млн человек, недостаток в ней винтовок достигал 870 тысяч, а мобилизационный запас снарядов в 5,6 млн штук растаял месяц спустя — к декабрю⁶⁵. Хуже того, к тому моменту русскому командованию стало ясно, что вооруженный конфликт, вопреки предвоенным прогнозам, приобретает затяжной характер с сопутствующим колоссальным увеличением в будущем всевозможных потребностей фронта, которые и теперь-то было нечем удовлетворять. «Настоящая война застала Россию неподготовленной во многих отношениях, — констатировал новый начальник ГАУ в секретном докладе новому же военному министру по опыту двухлетних боевых действий, — но ни в одном эта неподготовленность не имела столь роковых последствий, как по части артиллерийского снабжения армии»⁶⁶.

Немногочисленные русские военные заводы в короткий срок утолить армейские «голоды» были заведомо не в состоянии, и было решено оперативно обратиться к иностранным рынкам. О том, что изначально ставка была сделана именно на закупки за рубежом, свидетельствует тот факт, что вопрос «о производстве некоторых, обусловленных военными обстоятельствами, заказов в иностранных, дружественных России, государствах» был рассмотрен межведомственным совещанием под председательством помощника военного министра уже в августе 1914 г.⁶⁷ Первое же,

⁶² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 712. Л. 44. — Телеграмма начальника ГАУ генерала Д.Д. Кузьмина-Караваева в Ставку. Петроград, 25 сентября/8 октября 1914 г. № 4927.

⁶³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 712. Л. 29-29 об. (письмо начальника штаба Ставки генерала Н.Н. Янушкевича морскому министру адмиралу И.К. Григоровичу. Ставка, 28 сентября/11 октября 1914 г. № 500)..

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 128. Л. 5 об.

⁶⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 270; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 18-21. Вопреки этому, в январе 1915 г. министр В.А. Сухомлинов легкомысленно, но по виду вполне «патриотично» заверял помощника французского военного атташе, что в снабжении русской армии снарядами затруднений нет и «не предвидится» (ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305.3. Л. 147. — Воспоминания Б.А. Энгельгардта «Потонувший мир»), а посла М. Палеолога — что «Россия ни в чем не нуждается и снабжена всем в изобилии на долгий срок» (цит. по: Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 355). В итоге в Париже и Лондоне о нуждах действующей армии своего восточного союзника узнали с большим запозданием. Только в своих секретных докладах императору (да и то задним числом) Сухомлинов соглашался признать, что «до полной готовности» к войне русская армия доведена не была, однако, отнюдь не по вине Военного министерства, а исключительно «по причине недостатка времени и средств». — См.: ГА РФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 2325. Л. 8 об. Всеподданнейшая записка В.А. Сухомлинова. Петроград, 27 сентября 1915 г. (по ст. ст.).

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 5. — Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября/2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно.

⁶⁷ До этого Совет министров интересовался лишь очередностью выполнения русскими промышленными предприятиями заказов военного ведомства, учитывая их загруженность ранее подписанными частными контрактами (См.: Особый журнал Совета министров 7, 14 и 16 августа 1914 г. «По вопросу о заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 280-282). Правда, по информации начальника канцелярии Военного министерства генерала А.С.

притом неофициальное, совещание о наращивании производства боеприпасов в самой России министр Сухомлинов провел только 22(9) сентября 1914 г. На своей квартире руководитель военного ведомства приватно сообщил тогда узкому кругу избранных фабрикантов и банкиров о «громадной» нужде действующей армии в снарядах, для срочного увеличения производства которых «цена имеет второстепенное значение». Неудивительно, что при таких условиях заключенные в дальнейшем контракты с российскими частными фирмами превратились для них в открытый и легальный способ ограбления казны⁶⁸. По сведениям ГАУ, в одном 1916 году, по сравнению со стоимостью аналогичных военных заказов государственным предприятиям, частной отечественной промышленности казна переплатила около 1,1 млрд (1 094 125 000) руб.⁶⁹ Этих средств могло хватить на постройку нескольких десятков новых оружейных, пороховых, патронных и других военных заводов, любой из которых обходился не дороже 35-40 млн рублей. Примерно тех же денег тогда стоило и сооружение одного дредноута.

В сентябре-октябре 1914 г. военное ведомство разместило заказов на 89 млн рублей на 16-ти крупнейших русских оборонных предприятиях, которые, вопреки предвоенной практике, наряду с внушительными авансами получили многомиллионные государственные дотации на переоборудование и дооснащение. Однако результатов перевода русской промышленности на военные рельсы и наращивания ее производительности невозможно было ожидать скоро. Осложняло ситуацию и то, что все дело приходилось начинать с чистого листа. Как признавали позднее российские военачальники, планов военной «мобилизации промышленности не было создано в мирное [время] даже в зачатке, об этом и не подумали»⁷⁰. «Невольнo ставишь себе недоуменный вопрос, как мог продержаться у власти в течение 6 лет этот человек [министр Сухомлинов], действия и бездействия которого вели неуклонно и методично ко вреду государства?!», – озадаченно восклицал в своих воспоминаниях генерал Деникин⁷¹.

Лукомского, в первые же дни мобилизации руководители главков этого ведомства получили приказ министра Сухомлинова «развить максимальную производительность всех казенных заводов и мастерских и срочно дать заказы частной промышленности» (Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т. 1. Берлин, 1922. С. 56). Идея «избавиться, по части боевого снабжения, от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России», была вынесена начальником ГАУ за стены своего учреждения (где она была осознана еще до войны) лишь в конце 1916 г. «Без полной самостоятельности в этом отношении трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны», – резонно заметил генерал А.А. Маниковский в докладе военному министру, тем самым подтверждая свою довоенную правоту относительно курса на постройку новых казенных военных заводов. – РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 5 об. – 6. – Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября/2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно.

⁶⁸ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. С. 29.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 12 об. – Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября 1916 г. № 165392. Сов. секретно.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-6249 (генерал от кавалерии Г.О. фон Раух). Оп. 1. Д. 9. Л. 50 (Мои воспоминания за время Великой войны и революции, 1914-1919 г.). А.С. Лукомский: «В мирное время ничего не было сделано для перевода при мобилизации частной промышленности на заготовки для надобностей армии» (Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т. 1. С. 56). А.И. Деникин: «Перед войной не подымался вовсе вопрос о способах усиленного военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности!» (Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 280). Мало того, в 1910-1914 гг., то есть как раз в разгар сухомлиновского министерства, русское военное ведомство продало за рубеж (в том числе Болгарии, будущей союзнице Германии) свыше 200 тысяч винтовок с полным боекомплектom, ликвидировало хранившиеся на складах несколько сот тысяч устаревших винтовок Бердана и даже запас трехлинейек сократило почти на 340 тысяч единиц (ГА РФ. Ф. Р-6173. Оп. 1. Д. 26. Л. 18). При этом русские казенные военные заводы перед войной изготовление трехлинейных винтовок практически прекратили – за июнь 1914 г., например, их была произведена всего одна тысяча штук. Оружейник В.Г. Федоров в этой связи отмечал, что русские оружейные заводы по вине заказчика в лице того же Военного министерства были вынуждены работать «рывками».

⁷¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 280. От себя добавим, что еще до начала Первой мировой войны Сухомлинов превратился в одного из наиболее приближенных к

Впрочем, в армии сухомлиновские легкомыслие и склонность к сибаритству, бахвальству и показухе были известны давно. Генералу Лукомскому, который наблюдал его еще в 1900 г. на посту начальника штаба Киевского военного округа, будущий военный министр запомнился таким: «От работы не уклонялся, но ею и не увлекался. Он любил показную сторону, ему надо было, чтобы все шло гладко, было “благополучно”. Он оказался чрезвычайно легкомысленным человеком, ставя на первый план спокойствие и приятное течение жизни»⁷².

Наконец, по словам генерала Ю.Н. Данилова, в первое время фронт и тыл были «разъединены взаимным недоверием». Вследствие этого правительство, на обязанности которого лежало снабжение действующей армии, было склонно расценивать требования Ставки оружия и боеприпасов как преувеличенные и не спешило их выполнять. Даже в Военном министерстве шедшие с фронта «вопли» о недостатке вооружений и боеприпасов в первые месяцы воспринимали недоверчиво (более других упорствовало ГАУ, которое по узко-ведомственным соображениям особенно неохотно увеличивало военные заказы казенной промышленности). Чины Ставки не остались в долгу и, по примеру верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, не стеснялись демонстрировать к кабинету министров отношение, которое один из очевидцев осуждающе назвал «бесцеремонной и суровой критикой, снисходительной насмешкой и высокомерным пренебрежением»⁷³. В конце 1914 — начале 1915 г. сам главноверх, стремясь переломить ситуацию, направил военному министру серию резких телеграмм с упреками в плохом снабжении армии боевыми средствами⁷⁴. Однако первое деловое обсуждение министрами со штабом Ставки государственных мероприятий, необходимых для успешного продолжения войны, состоялось лишь в июне 1915 г.⁷⁵

Учитывая упомянутые августовские 1914 г. инициативы Токио, первая зарубежная военно-закупочная экспедиция, по «высочайшему повелению», была направлена именно в Японию. По правде говоря, шансов на успех у нее было немного — по сути, речь шла о срочном заключении крупных, но неподготовленных сделок в чувствительной и деликатной оружейной сфере между покупателями и продавцами, почти или вовсе друг друга не знавшими и все еще настороженно друг к другу относившимися. Экспедицию возглавил начальник Самарского трубочного завода, заведующий «артиллерийскими приемками» 50-летний генерал-майор Э.К. Гермониус, в подчинение которого были переданы полковники-артиллеристы В.Г. Федоров и М.П. Подтягин, к которым позднее присоединились полковники П.А. Гассельблат и А.А. Феофилакт, штабс-капитаны Заддэ и В.Н. Носков и коллежский секретарь В. Тихонович — химик Охтенских пороховых заводов, специалист по взрывчатым веществам. 25 августа 1914 г. группа Гермониуса спешно выехала на Дальний Восток. Делегация еще собиралась в дорогу, когда японское Военное министерство, с санкции микадо и в виде очередной демонстрации расположения к России, предложило безвозмездно вернуть свои порт-артурские трофеи времен русско-японской войны — 4 пушки и 12 гаубиц с семью тысячами снарядов⁷⁶. После некоторой заминки, болезненно воспринятой в Токио, российское командование с благодарностью приняло дар, подчеркнув, однако, свою заинтересованность в новом вооружении. Торжественная передача порт-артурских трофеев русской стороне

императору и потому влиятельных членов русского кабинета министров. Со своего поста он был смещен только в конце июня 1915 г. Отметим, что в мемуарной и в современной исследовательской литературе продолжают звучать сомнения в обоснованности отставки Сухомлинова, которого объявляют то жертвой интриг его давних недругов, великих князей Николая Николаевича и Сергея Михайловича, то козлом отпущения за технико-экономическую отсталость России, то жертвой обстоятельств — колоссального расхода боевых средств, не предвиденного ни в одной из армий воюющих сторон.

⁷² Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 106.

⁷³ Друцкой-Соколинский В.А., князь. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914-1918 гг.). Орел, 1994. С. 31.

⁷⁴ Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т. 1. С. 59-60.

⁷⁵ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. С. 135.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 158. — Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 6/19 августа 1914 г. № 363.

состоялась в Куаньчэнцзы (Чанчуне) 23 ноября 1914 г., затем в 35-ти вагонах они были доставлены в российскую столицу.

Пока миссия ГАУ была в пути, Петроград через своего и японского военных агентов запросил подтверждения готовности Токио продать «часть орудий тяжелой осадной артиллерии с боевым комплектом и винтовки с патронами, какими вооружена японская армия», и получил положительный ответ с уточнением, что «предварительно дело должно быть решено дипломатическим путем»⁷⁷. К моменту прибытия Гермониуса со товарищи в Токио (10 сентября) посол Малевский заручился обещанием местных властей, что «возможное будет сделано», хотя ситуация осложнилась и здесь. Объявив 23 августа Германии войну и готовясь к захвату Циндао, Япония, естественно, озаботилась боевым снабжением собственного 30-тысячного осадного корпуса; кроме того, она уже имела на руках запрос французов о продаже им 600 тысяч новых винтовок. В сентябре 1914 г. претензии на покупку крупной партии японского стрелкового оружия заявили и англичане. Французский, а затем и российский послы в Токио занялись разработкой проектов общеполитических соглашений с Японией. На встрече с министром Като посол Франции откровенно заявил, что его правительство озабочено последующей судьбой французского Индо-Китая. Като в ответ уверил в неимении его страны претензий на дальневосточные территории западных держав, и этим переговоры о заключении франко-японского союза оказались исчерпаны⁷⁸.

Малевского же на союз с Токио вдохновляла как поддержка собственного руководства, так и открытые намеки японских государственных, военных и общественных деятелей, а равно японской прессы всех направлений (включая упомянутый журнал «Тайо»⁷⁹) на «желательность союза с нами»⁸⁰. О том же осенью 1914 г. писала и российская повременная печать. Однако официальный Токио (особенно в лице проанглийски настроенного министра иностранных дел барона Т. Като) не спешил брать на себя дополнительные внешнеполитические обязательства, опасаясь, помимо прочего, что дальнейшее сближение с Францией и Россией, при гадательности дивидендов, сделает для Японии обязательными как посылку своих войск на европейский театр в помощь армиям Антанты, так и наращивание им своих военных поставок. Япония, между тем, готовилась к боевым действиям против Германии. 2 сентября 1914 г. ее войска высадились на китайском побережье, 16-го числа японский «фарман» бомбил немецкие корабли в бухте Циндао (с начала мировой войны это была первая атака авиации морской цели), а 22 октября началась и сама осада.

Как свидетельствовал адмирал А.Д. Бубнов, в предвоенные годы русское правительство не сделало ничего для обследования производительности заграничной промышленности и установления связей с частными фирмами, занятыми производством вооружений, боеприпасов и военного имущества⁸¹. Поэтому в начале войны в Петрограде оказались поверхностно осведомлены о возможностях военной промышленности Японии, состоянии ее arsenалов и планах командования. После консультаций с помощником японского атташе в России майором Изомэ Рокуро руководство ГАУ поставило перед Гермониусом, как вскоре выяснилось, невыполнимые по местным условиям задачи – в течение двух-трех месяцев попытаться закупить на казенных и частных заводах и отправить в Россию до миллиона винтовок Арисака нового образца (38 года Мэйдзи (1905 г.), с тысячей патронов на каждую), новую осадную артиллерию, шрапнели, взрывчатые вещества (порох, тротил, толуол, мелинит), а затем перенести военно-закупочную деятельность в США. «Заготовки» там также первоначально предполагалось

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75а. Л. 404. – Шифрованная телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова Малевскому. Петроград, 19 августа/1 сентября 1914 г. № 2326.

⁷⁸ *Kajima M.* The Emergence of Japan. P. 221.

⁷⁹ Статья на этот счет в октябрьской (1914 г.) книжке журнала имела подпись: «Государственный сановник». Как установил посол Малевский, под этим псевдонимом скрывался *ээнро* барон Макино Нобуаки, в 1913-1914 гг. глава внешнеполитического ведомства Японии.

⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 69. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 12/25 октября 1914 г. № 289.

⁸¹ *Бубнов А.Д.* В царской Ставке. М., 2008. С. 71.

производить через частных японских посредников — торговые фирмы или комиссионеров⁸². Иллюзией оказался и расчет русского командования параллельно заполучить в Японии 200 тысяч своих трехлинеек, утраченных на полях Маньчжурии в годы русско-японской войны. На месте выяснилось, что трофейные русские винтовки японцы давно запродали в Китай и Абиссинию (современную Эфиопию), где большинство из них уже приведено в окончательную негодность.

После уговоров и пятинедельного томления («все жилы вытянули, так все затягивается, что ужасно делается», — жаловался полковник В.Г. Федоров из Токио жене⁸³) российским артиллеристам удалось приобрести и 17 октября 1914 г. выслать из Йокогама во Владивосток стрелковое оружие, изготовленное в Японии по заказу Мексики⁸⁴ — отличного качества, по умеренной цене, но, будучи калибра 7 мм, не подходившее под русский 7,62-мм патрон. При этом и его оказалось смехотворно мало — лишь 20 350 винтовок и 15 050 карабинов. Старые и уже бывшие в употреблении винтовки Арисака (30 года Мэйдзи) представители ГАУ поначалу отвергли, а против их «покушений» на мобилизационный и неприкосновенный запас новых категорически возражало японское военное руководство. Гермониус так оценивал расстановку сил в правительственных кругах Токио по «ружейному» вопросу: «На стороне отпуска просимых ружей стоят [...] глава кабинета граф Окума, министр иностранных дел Като, даже князь Ямагата, которого здесь все называют самым влиятельным лицом в империи, не говоря уже о членах синдиката Тайхей-Кумиай, которые все на нашей стороне, но военное министерство решительно против выдачи ружей из запасов военного времени и военный министр предпочитает уйти со службы, нежели согласиться на отпуск этих ружей»⁸⁵. Со своей стороны, маршал Ямагата как закулисный, но весьма осведомленный и влиятельный участник этих переговоров заверил Гермониуса, что в вопросе о винтовках японцы не намерены отдавать предпочтения союзникам-англичанам, но в то же время предупредил, что «много они дать не могут, дабы не обезоружить себя, так как они должны всегда стеречь Китай»⁸⁶. Вопрос о приобретении японской осадной артиллерии развивался по не менее извилистой «траектории».

Несмотря на затяжки и недоразумения по частным поводам, в основе которых порой лежало взаимное непонимание или недоверие, Токио и Петроград, однако, скоро продемонстрировали способность к конструктивному сотрудничеству в решении военно-технических вопросов. В течение недели — с 21 по 28 октября 1914 г. — Гермониус смог заключить несколько крупных сделок подряд: о покупке 200 тысяч винтовок Арисака 30 года Мэйдзи, 2,5 млн патронов, артиллерии, полумиллиона шрапнелей, сурьмы и камфары на общую сумму свыше 10 млн иен⁸⁷. Посол Малевский доложил в МИД о «полной готовности японских властей удовлетворять по мере возможности наши

⁸² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4060. Л. 15-15 об. (письмо начальника ГАУ генерала Д.Д. Кузьмина-Караваева начальнику Генштаба генералу М.А. Беляеву. Петроград, 9/22 августа 1914 г. № 2860) и л. 25 (шифрованная телеграмма начальника Хозяйственного отдела ГАУ генерал-лейтенанта Е.К. Смысловского генералу В.К. Самойлову в Йокогама. Петроград, 28 августа/10 сентября 1914 г.); ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 450 (шифрованная телеграмма генерала Монкевица генералу Самойлову в Йокогама. Петроград, 12/25 сентября 1914 г. № 6077); АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 78. Л. 172 (шифрованная телеграмма Сазонова послу в Вашингтоне. Петроград, 15/28 ноября 1914 г. № 4020).

⁸³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — Архив ВИМАИВиВС). Ф. 45р (В.Г. Федоров). Оп. 2. Д. 6 (без нумерации листов). — Письмо В.Г. Федорова жене в Петроград. Токио, 2/15 октября 1914 г.

⁸⁴ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 277.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 51 об.-52. — Копия с секретного донесения Гермониуса Кузьмину-Караваеву. Токио, 9/22 января 1915 г. № 22.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1596. Л. 16. — Копия телеграммы Гермониуса в ГАУ. Токио, не ранее 21 декабря 1914 г./3 января 1915 г. № 147.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 45. Л. 13; РГВИА. Ф. 369. Оп. 23. Д. 24. Л. 3-4. — Сведения о поставках, сделанных заводами Японии по контрактам, выполненным к 18 декабря 1915 г.; Baryshev Ed. The General Hermonius Mission to Japan. P. 31-32.

требования и тем наглядно показать нам сочувствие и солидарность»⁸⁸. Русское армейское руководство тут же постаралось выжать максимум из возникшей благоприятной конъюнктуры. В последних числах декабря 1914 г. министр Сухомлинов, понукаемый Ставкой, трижды обращался к главе российского МИД со спешными секретными посланиями, требуя содействия дипломатов в приобретении в Японии винтовок и патронов «в наикратчайший срок» и не взирая на «разного рода накладные расходы». Сообщив, что только что купленных Гермониусом 200 тысяч японских ружей русской армии совершенно недостаточно, Сухомлинов заявил о «крайней необходимости» в дополнительных 250-300 тысячах японских винтовок с боеприпасами, независимо от их модификации⁸⁹. Военный министр, параллельно телеграфировал Самойлову генерал-квартирмейстер ГУГШ, приказал «приложить все усилия для достижения полного успеха» «в наискорейшем разрешении этого крайне важного вопроса», называя это поручение «главнейшей и ответственной Вашей обязанностью в настоящее время»⁹⁰. Таким образом, в конце 1914 г. срочную потребность в японском стрелковом вооружении русское армейское руководство определяло примерно в полмиллиона единиц. Штаб верховного главнокомандующего, со своей стороны, продолжал настаивать на безотлагательном приобретении в Токио японских орудий и снарядов. «Чем больше можно купить всего этого – тем лучше, – инструктировал его начальник генерал Н.Н. Янушкевич дипломатического чиновника при верховном главнокомандующем в декабре 1914 г. – Чем скорее – тоже тем лучше»⁹¹. И в этом случае модель, калибр и степень износа оружия не играли первостепенной роли – к тому времени в России знали, что японцы посовестятся выставлять на продажу заведомую заваль⁹².

Однако выполнить пожелания своего верховного командования в полном объеме ни русским дипломатам, ни оружейникам было не под силу. Благожелательная позиция японского правительства, а также настойчивость и такт Самойлова и Гермониуса, которые отмечал русский посол, позволили российскому артиллерийскому ведомству к началу 1915 г. приобрести и заказать в Японии: «335 000 винтовок и к ним 87 ½ миллионов ружейных патронов; 351 орудие, из коих 135 крупного калибра и 216 полевых орудий; около 70 000 орудийных снарядов, свыше полумиллиона шрапнелей, несколько сот тысяч пудов бездымного пороха и значительное количество военных припасов и различных предметов артиллерийского снаряжения, как-то: зарядных ящиков, гильз, штыков, пистолетов, серы, камфары, латуни и прочего, всего на сумму до 38 млн иен»⁹³ – при общем среднем расходном бюджете ГАУ в 48-50 млн рублей в год. Таким стал ближайший итог полугодового пребывания в Японии группы Гермониуса.

Купленные ею «мексиканские Арисака» (так русские оружейники называли винтовки и карабины, изготовленные японцами для Мексики) в большинстве были переданы в Заамурский округ пограничной стражи, а также охране и поездным бригадам КВЖД⁹⁴.

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 317 об. – Секретное донесение Малевского Сазонову. 4/17 октября 1914 г. № 73.

⁸⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1868. Л. 97-а, 100, 106. – Спешные секретные, в собственные руки письма Сухомлинова Сазонову. Петроград, 10/23, 14/27 и 18/31 декабря 1914 г. №№ 14022, 14094 и 15006.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4462. Л. 51. – Шифрованная телеграмма генерала М.Н. Леонтьева генералу Самойлову в Токио. Петроград, 18/31 декабря 1914 г. № 15629. Срочно.

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4568. Л. 1. – Шифрованная телеграмма начальника дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем министру иностранных дел. Ставка, 5/18 декабря 1914 г. № 229.

⁹² Не вполне ясно, что имел в виду советский академик В.М. Хвостов, когда писал о том, что наряду с современным вооружением Япония «навязывала» России «устарелый хлам». – *Хвостов В.М. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны // История дипломатии. Том 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Под ред. В.П. Потемкина. М., 1965. С. 6.*

⁹³ Донесение Малевского Сазонову. Токио, 19 января/1 февраля 1915 г. № 7 // МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. М.-Л., 1935. С. 156-157.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1596. Л. 41. – Справка Мобилизационного отдела ГУГШ. 13/26 декабря 1914 г.

Оригинальные же японские ружья (калибром 6,5 мм), которые начали поступать в Россию уже в конце ноября — начале декабря 1914 г., стали направляться в Кавказскую армию, а также в ополчение и в тыловые военные округа (Одесский, Туркестанский) взамен отечественных трехлинейных, изымаемых для действующей на западе армии. Морское ведомство также получило приказ передать свои трехлинейные винтовки сухопутным военным в обмен на японские ружья. В результате этой операции Балтийскому и Черноморскому флотам было отправлено порядка 27,5 тысяч «мексиканских» и, главным образом, — старых винтовок Арисака, а дальневосточным военным морякам достались еще более устаревшие винтовки Мурата образца 1887 г.⁹⁵, снятые японцами с вооружения еще в конце 1890-х гг. Учитывая, что в русских военно-морских силах в общей сложности тогда состояло чуть более 95 тысяч «нижних чинов», можно утверждать, что в 1915 г. каждый третий русский матрос оказался вооружен японской винтовкой. По предварительной договоренности с министром внутренних дел, весной 1915 г. полиция и жандармерия Российской империи, включая столичные силы правопорядка, тоже были вооружены ружьями Арисака вместо изъятых отечественных трехлинейек.

1 марта 1915 г., получив накануне прощальную аудиенцию князя Ямагата в его загородной резиденции, Гермониус отправился на родину под аккомпанемент дифирамбов японской прессы (близкой премьеру графу С. Окума газеты «Хоци») себе, как «ангелу, вернувшему к жизни японские коммерческие круги»⁹⁶. Ему вослед в Петроград полетели грамоты о награждении японскими орденами его самого и коллег. В обширном (почти на 40 лиц) наградном списке, который русскому послу перед отъездом представил сам Гермониус, помимо большой группы японских военных значились мэр Токио барон Сакатани, профессора Токийского университета, один из которых, виконт Иноуэ Киосиро, по отзыву русского генерала, произвел «значительную часть анализов металлов, заказанных мною в Японии»⁹⁷, видные представители журналистского сообщества Японии — председатель Ассоциации токийской прессы, а также главный редактор газеты «Кокумин» Токутоми Сохо. Интересно, что в числе прочих дружественных акций в адрес России редакции «Кокумин» Гермониус отметил организацию конкурса детского рисунка на тему русско-японской дружбы. Из нескольких тысяч полученных рисунков японских детей редакция газеты отобрала 800 наиболее удачных. Они составили четыре альбома, которые японские журналисты вручили Гермониусу для последующего поднесения наследнику русского престола.

Миссия ГАУ оказалась самой приметной и многолюдной, но не единственной русской военно-закупочной делегацией, направленной в Японию осенью 1914 г. На ее «плечах», в конце сентября сюда же для приобретения медикаментов из Владивостока явились представители военно-морского ведомства — старший врач Сибирского флотского экипажа статский советник Бергер и заведующий аптекой морского госпиталя коллежский асессор Кох⁹⁸. Вывоз из Японии импортных лекарств, за которыми, главным образом, и явились эти российские медики, местный закон воспрещал, и для совершения сделки понадобилось личное ходатайство русского посла в японском Военном министерстве. При этом, отметил Малевский, часть медикаментов японские военные отпустили бесплатно, «желая этим выказать свое сочувствие нашим раненым воинам»⁹⁹. В ответ министр

⁹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1596. Л. 5 — Телеграмма начальника Главного морского штаба А.И. Русина в Хабаровск вице-адмиралу А.А. Баженову и во Владивосток вице-адмиралу М.Ф. Шульцу. Петроград, 21 декабря 1914 г./3 января 1915 г.

⁹⁶ Цит. по: *Baryshev Ed. The General Hermonius Mission to Japan*. P. 38. Действительно, во втором полугодии 1914 г. стоимость японского экспорта упала до 222,7 млн иен, или на 24% по сравнению с аналогичным периодом 1913 г. (295 млн иен) (*The European War and Japan's Foreign Trade // The Times. Japanese Section. London, 2.9.1916. P. 18*). В 1915 г. эта стоимость составляла уже 708 млн иен.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1875. Л. 6 об. — Письмо Гермониуса Нератову. Петроград, 23 марта/5 апреля 1915 г. № 703.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 108. — Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 17/30 сентября 1914 г. № 465.

⁹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 68. — Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 11/24 октября 1914 г. № 273.

предписал Малевскому от имени царя благодарить японское правительство. От владивостокского корпусного интенданта поступил заказ на 35 тысяч банок рыбных консервов, которые были высланы из Хакодате в первых числах октября 1914 г. Вместе с лекарствами они-то и стали первой реальной японской поставкой российским военным с начала мирового конфликта.

Между тем, на военного атташе Самойлова и посла Малевского обрушился вал коммерческих предложений. Правительство и частные фирмы Японии норовили продать России разнообразные ткани армейского назначения, военные одежду и обувь, живой скот, всевозможные готовые продукты питания, кавалерийскую амуницию, медикаменты и химические вещества, мотоциклеты, автомобили, аэропланы и многое другое¹⁰⁰. Вице-директор Японо-Русского общества барон Гото Симпэй¹⁰¹ представил Малевскому владельца крупной торговой компании (и одного из самых щедрых спонсоров своего Общества) Окамото Рётаро в качестве возможного поставщика русской армии. Чиновники японского Военного министерства отрекомендовали русскому военному атташе фирму Окура как солидного и проверенного производителя интендантского имущества – котелков, подсумков, сапог, седел, шинельного сукна и т.д. Переговоры с представителями Окура в Петрограде привели к приезду в Токио в ноябре приемщиков Главного интендантского управления (ГИУ) капитанов Поповского, Войнич-Сяноженцкого и Пиленко и военного зауряд-чиновника Хуторова¹⁰², которые под руководством Самойлова к началу 1915 г. купили и заказали здесь военного имущества на 42 млн иен (как ни странно, из этих спешных и хаотичных закупок русской армии ко двору пришлось все, кроме японских седел)¹⁰³. Российское военно-морское ведомство через своего официального представителя в Токио к тому времени также разместило в Японии заказы на общую сумму около 86 тысяч рублей – в основном, на взрывчатые вещества.

Таким образом, через полгода войны общая стоимость русских приобретений и заказов военного назначения в Японии перевалила за 80 млн иен. Как видим, указание историка А.Л. Сидорова о том, что для России из-за нехватки валюты «первые шесть месяцев войны были целиком потеряны для серьезных заказов за границей», к российско-японским связям относить нет оснований¹⁰⁴. Эта сумма сопоставима с тратами русской казны на заказы всей отечественной оборонной промышленности, размещенные в конце 1914 г. (89 млн руб.); она составляла без малого треть средств, которые русское Министерство финансов планировало употребить на все зарубежные военные закупки этого года (250 млн руб.). Совокупные военные расходы России второй половины 1914 г. составили 2,55 млрд руб. – немногим больше, чем поглотила вся полутороговая война с Японией десятилетием раньше. К весне 1915 г. эта сумма удвоилась.

После присоединения к ГАУ и ГИУ четырех других главных управлений военного ведомства – Генерального штаба (ГУГШ), военно-технического (ГВТУ), военно-

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 449, 450, 459 (шифрованные телеграммы Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 25 августа/7 сентября, 31 августа/13 сентября и 9/22 сентября 1914 г. №№ 401, 407 и 433); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4060. Л. 1. – Копия шифрованной телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 29 августа/11 сентября 1914 г. № 218.

¹⁰¹ Гото Симпэй (1857-1929) — барон, виконт. Доктор медицины, в 1898-1906 гг. губернатор Формозы (Тайваня), с 1919 г. президент университета Такусеку, с 1920 г. мэр Токио. Председатель Японо-Русского общества, созданного князем Х. Ито в 1902 г.

¹⁰² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 51.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1869. Л. 23 об. – Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 19 января/2 февраля 1915 г. № 7. Цифра в 32,3 млн руб., приводимая А.Л. Сидоровым (Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 253), не соответствует действительности.

¹⁰⁴ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 210. Не вполне соответствуют действительности и утверждения С.С. Григорьевича, будто японское правительство «пошло на оказание помощи России и Англии вооружением, снаряжением и боеприпасами» лишь после того, как в январе 1915 г. беспрепятственно предъявило Китаю «21 требование» и убедилось в затяжном характере европейской войны. – Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав. Томск, 1965. С. 516.

санитарного (ГВСУ) и военно-воздушного флота (УВВФ) их стало довольствоваться в Японии уже шесть. В отличие от ГАУ, которое снабдило необходимыми полномочиями генерала Гермониуса, заключение контрактов в интересах прочих военных главков было поручено атташе генералу Самойлову. Аналогичные задания военно-морского ведомства в Токио выполнял морской агент капитан А.Н. Воскресенский. Порядок размещения военных заказов и производства закупок в Японии с помощью штатных военных представителей, а не через громоздкие и дорогостоящие межправительственные заготовительные комитеты (как в Великобритании и США¹⁰⁵), был узаконен специальным Положением, которое военный министр Д.С. Шуваев утвердил в конце декабря 1916 г.¹⁰⁶ Учитывая дисциплинированность и обязательность японских поставщиков, а также некоторые местные особенности производства самих поставок¹⁰⁷, в создании в Токио постоянного русского военно-снабженческого учреждения и в самом деле не ощущалось нужды. Действие нового Положения стало распространяться и на ГАУ – к тому моменту из состава миссии Гермониуса в Японии в качестве приемщиков оставались лишь полковник Подтягин и химик Тихонович. Уже в 1915 г. расчеты по военным контрактам и поставкам усложнились настолько, что генерал Самойлов запросил «опытного счетовода или бухгалтера». В помощь ему весной 1916 г. в русское посольство в Токио с полномочиями коммерческого агента был направлен специалист по финансам, на которого, по инициативе министра торговли и промышленности, одновременно были возложены «специальные экономические поручения» – переговоры относительно условий размещения в Японии русских займов¹⁰⁸. Выбор пал на управляющего делами Валютной комиссии по заграничным заказам статского советника К.К. Миллера (брата будущего председателя Русского общевойскового союза генерала Е.К. Миллера), который вместе с Подтягиным проработал в Токио до 1922 г. (с мая 1917 г. Подтягин состоял при военном агенте в Токио официальным представителем ГАУ, а с марта 1918-го исполнял обязанности самого военного атташе).

С началом войны японские военные тоже стали являться в Россию на регулярной основе и во все большем числе. Японскую армию в Ставке верховного главнокомандующего в бытность на этом посту великого князя Николая Николаевича с октября 1914 г. представлял генерал-майор Оба Дзиро. Как и офицеры других союзных армий, японец квартировал в поезде великого князя и на протяжении нескольких месяцев наблюдал жизнь и деятельность русского верховного командования. Боевой уровень

¹⁰⁵ В Русском заготовительном комитете в США, например, на 1 сентября 1917 г. числилось свыше 1200 служащих, на содержание которых, по данным О.В. Будницкого, ежемесячно уходило необычайно много – до полумиллиона долларов, или до миллиона рублей. – *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев и «русские деньги» в Америке // *Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность. Мат-лы международной конференции.* М., 2007. С. 188.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 369 (Особое совещание по государственной обороне). Оп. 20. Д. 6. Л. 12-12 об.

¹⁰⁷ В сентябре 1914 г. посол Малевский, по поручению Петрограда, затеял переговоры с токийским кабинетом об образовании смешанного русско-японского «Комитета экспертов» по делам о русских военных заказах. Японцы, однако, это предложение не поддержали (их ведомства по-прежнему намеревались продавать России предметы военного назначения через частных посредников) и отговорились опасениями, как бы участие в таком Комитете «представителей японских казенных учреждений не поставило последние в затруднительное положение». В итоге было решено, что русская сторона по этим вопросам будет информироваться напрямую – «через посредство товарищей военного и других министров по принадлежности», между тем как сами поставки будут производиться через частные фирмы. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 57, 58 (шифрованные телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 10/23 и 16/29 сентября 1914 г. №№ 233 и 236) и д. 70. Л. 82 (шифрованная телеграмма Малевского-Малевича Сазонову. Токио, 11/24 сентября 1914 г. № 234). По такой же схеме японцы продавали вооружения и Франции. Исключением был шанцевый инструмент – его производили частные предприятия, а в качестве поставщика для русского интендантства выступало японское Военное министерство.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 369. Оп. 17. Д. 1. Л. 18 об. – Секретное письмо министра торговли и промышленности князя В.Н. Шаховского председателю Особого совещания по государственной обороне. Петроград, 31 марта/13 апреля 1916 г. № 383.

вооруженных сил России, «в сравнении со временами русско-японской войны, в некоторых отношениях весьма повысился», сообщал он свои наблюдения новому (с сентября 1914 г.) японскому военному атташе в Петрограде полковнику Одагири Масадзуми, однако «среди начальников частей много таких, военная [подготовка] которых недостаточна», «мало чувства ответственности»¹⁰⁹, «связь между отдельными частями недостаточна»¹¹⁰; «в смысле подвижности и стратегии русская армия уступает германской»¹¹¹. Критические наблюдения не помешали японскому генералу по возвращении на родину в частных беседах и газетных интервью («Асахи») указывать на «необыкновенное одушевление» русских и их «всеобщую готовность вести войну до конца», восхищаться русским солдатом и «неутомимой деятельностью» верховного главнокомандующего. Генерал Оба был убежден, что если «война будет доведена до конца», победа Антанты «обеспечена», хотя не будет ни легкой, ни быстрой¹¹². Он не скрывал гордости стать первым японцем, который был «высочайше пожалован» боевым орденом Св. Владимира с мечами (пусть и 3-й, предпоследней, степени) тем более, что иностранцы, как правило, им прежде не награждались¹¹³.

В годы войны японские вооруженные силы в русской действующей армии единовременно представляли 5-6 офицеров. В 1914-1915 гг. помимо генерала при штабе верховного главнокомандующего в русских войсках в качестве наблюдателей находились полковник Фукуда (при штабе 1-й армии), майоры Сакабимэ Сухо и Хасебэ Сиого (при штабе 2-й армии), майор Нагано Икума (при штабе 3-й армии), ротмистр Хасимото Тораносикэ (при штабе 8-й армии; затем был оставлен в России в качестве помощника военного атташе). В июле 1916 г., первым из иностранных офицеров, разрешение

¹⁰⁹ Представитель русского внешнеполитического ведомства в Ставке основной недостаток «наших руководителей-генералов» усматривал в их «преувеличенном самомнении и ничем не оправдываемой самоуверенности», которые нередко прикрывали лишь «редкое умственное убожество и полную безличность» (Письмо кн. Н.А. Кудашева министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Ставка, 3/16 августа 1915 г. // Красный архив. 1928. № 27. С. 45). Дипломированный военный, великий князь Николай Михайлович («дядя Бимбо», как его звали в семье Романовых, окончил академию Генштаба не на дому, подобно другим великим князьям, а как обычный офицер-слушатель), не обнаружил в окружении своего кузена, верховного главнокомандующего, которого, впрочем, тоже ставил невысоко, «ни одного даровитого советника, а лишь группу случайных людей и даже выскочек режима Сухомлинова» (Записки Н.М. Романова. Запись от 12/25 августа 1914 г. // Красный архив. М.-Л., 1931. Т. 4-5. С. 147). И это — в «сердце армии, ее главном нерве, ее волевом и мозговом аппарате», «квинтэссенции русского военного гения», как воспринимали Ставку сторонние русские наблюдатели. «Низы великолепны. Офицерство строевое превосходное. Но верхи, верхи слабы и слабы», — записал в своем фронтовом дневнике командир Белёвского полка также совершенно в духе наблюдений японского генерала (Отдел рукописей РГБ. Ф. 802 (генерал-майор М.С. Галкин). Картон 2. Д. 4. Л. 283 (запись от 6 июня 1915 г.)). «Подготовка многих старших начальников к началу войны была недостаточна, — свидетельствовал другой русский генерал-фронтовик, — и назначения на старшие должности носили случайный характер» (Холмсен [И.А.]. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 274). Ротация командного состава в русской армии в годы войны, естественно, происходила, но массовых увольнений по служебному несоответствию (как, например, во французской армии, где уже в первые месяцы войны по этой причине до 30% высшего комсостава было освобождено от занимаемых должностей) не производилось никогда.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 21. — Шифрованная телеграмма полковника М. Одагири в Токио, в Главный штаб. Петроград, 18 февраля 1915 г.

¹¹¹ Там же. Л. 19. — Шифрованная телеграмма генерала Дз. Оба в Токио начальнику Главного штаба. Петроград, 16 февраля 1915 г.

¹¹² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 123-124 об. — Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 26 марта/8 апреля 1915 г. № 25.

¹¹³ Первым японским государственным деятелем, который был отмечен высоким русским орденом, стал граф Окума Сигэнобу, еще в начале 1880-х гг. награжденный Св. Анной 1-й степени, а позднее получивший и орден Белого Орла. В годы Первой мировой войны граф, занимая пост премьер-министра, на торжественные церемонии, включая придворные, надевал исключительно японские и русские ордена, тем самым наглядно демонстрируя свои внешнеполитические предпочтения.

состоять при Кавказской армии получил капитан-артиллерист Токинори Цурумацу¹¹⁴ (в августе 1917 г. был перемещен в Ставку армии Румынии); осенью того же года на румынский фронт вместе с полумиллионным русским экспедиционным корпусом в его штаб в Яссы отправились капитан Такэда и подполковник Араки Садао (перед поездкой в русскую Дунайскую армию Араки состоял при 11-й русской армии, а Такэда – при 5-й). При штабе 10-й армии с конца 1914 г. находился капитан Микэ Кадзуо, при штабе Гвардейского корпуса (в сентябре 1915 г., временно) – помощник военного атташе майор Р. Изомэ, при штабе Гренадерского корпуса — капитан Обата, при штабе 2-й армии — подполковник Сицума, при штабе 5-й армии – полковник артиллерии Исидзака Зензиро, в июне 1916 г. за боевые заслуги награжденный орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. В феврале 1917 г. Исидзака, к тому времени получивший генеральские погоны, сменил Одагири на посту военного атташе в Петрограде, сохранив за собой и прежний пост – с весны 1916 г. он представлял японские вооруженные силы в русской Ставке. В апреле 1917 г. преемником Исидзака в Ставке стал полковник Такаянаги Ясутари, летом 1917 г. произведенный в генерал-майоры. Незадолго до Одагири на родину был отозван и его многолетний помощник, теперь уже подполковник Р. Изомэ. Обращаясь к нему как к «милостивому государю Роману Федоровичу», генерал-квартирмейстер ГУГШ засвидетельствовал свои и своих подчиненных «самые приятные воспоминания» о совместной работе с ним¹¹⁵. Столь теплых слов русского командования удостоивался далеко не каждый иностранный офицер.

¹¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 126. – Шифрованная телеграмма военного атташе Одагири в Токио, товарищу военного министра. Петроград, 28 июня/11 июля 1916 г.

¹¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8234. Л. 92. – Письмо генерал-квартирмейстера ГУГШ генерала М.И. Занкевича в Токио Р.Ф. Изомэ, подполковнику 3-го гвардейского пехотного полка. Петроград, 3/16 февраля 1917 г. № 701.

Глава II. Русофильство в Японии, оценки роли и миссии России и Японии в войне

В мае-июне 1915 г., под влиянием русских военных неудач в Галиции, в японской прессе зазвучали голоса в пользу сближения с Германией (в этой связи токийская газета «Ёродзу» предостерегала соотечественников от «излишнего увлечения» этой страной¹¹⁶). Несмотря на постоянные заверения Токио в верности Антанте, вплоть до начала 1916 г. в экономической политике японского правительства, отметил дипломат Г.А. Козаков, также «чувствовалась некоторая сдержанность, как будто оно оставляло дверь приоткрытой для возобновления связей с Германией»¹¹⁷. Однако фронтовые впечатления генерала Оба все же находились в согласии с набиравшими силу русофильскими настроениями его рядовых сограждан. «Японское общественное мнение, – комментировал ситуацию в местной печати посол Н.А. Малевский-Малевич, – вполне сознает, что вся тяжесть настоящей войны лежит до сих пор на нашей доблестной армии»¹¹⁸; «все симпатии на нашей стороне, – констатировал он в другом донесении в МИД, – и Россия никогда еще не имела здесь такой “хорошей прессы”»¹¹⁹. Образ врага — по мнению специалистов, один из самых устойчивых внешнеполитических стереотипов – в сознании японцев постепенно переставал распространяться на русского, представление о котором трансформировалось пусть во не вполне «своего», но все же союзника¹²⁰. Близкая премьеру С. Окума газета «Хоци» подчеркивала мужество и храбрость русских войск, а ветеран японского журналистики, редактор «Кокумин» С. Токутоми, возлагая большие надежды на «будущность славянского племени» (которое, по его мнению, оставалось «еще пока незараженным отрицательными сторонами культуры»), констатировал, что для «японского народа лестно войти в дружбу» с по-прежнему «великой и сильной Державой» – Россией. Националистическая газета «Ямато» также писала о японо-русском союзе, как о «давнишней задаче японской политики», к которой «стремятся государственные деятели Японии»¹²¹.

Тему славянского единения под эгидой России и ее утверждения в черноморских проливах как главных целей в войне в японской печати сочувственно развивал министр-президент граф Окума. Миссию же самой Японии этот старейшина японского политического Олимпа формулировал как «посредничество в согласовании» цивилизаций Востока и Запада в духе «осуществления идеи равенства»¹²². Об общечеловеческой задаче Японии в продолжающейся мировой войне в январе 1917 г. в парламенте рассуждал и вновь назначенный министром иностранных дел виконт И. Мотоно¹²³. В продолжение той же темы «Хоци» именovala свою страну «хозяйкой Дальнего Востока», без ведома и согласия которой немыслимы и невозможны никакие акции западных

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 211. – Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 16/29 июня 1915 г. № 54.

¹¹⁷ Козаков Г. Русско-японское соглашение 3 июля 1916 г. С. 60.

¹¹⁸ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 228. – Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 30 июня/13 июля 1915 г. № 50.

¹¹⁹ Там же. Л. 64 об. – Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 9/22 февраля 1915 г. № 12.

¹²⁰ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. С. 11. Правда, тут же А.В. Голубев и О.С. Поршнева отмечают, что и союзник, как «принадлежащий к миру за пределами освоенной территории (то есть внешнему миру)», все же, как правило, «воспринимается как нечто неустойчивое, сомнительное, потенциально враждебное».

¹²¹ Ямато. 18.3.1915 (статья «Русско-японский союз»); 19.3.1915.

¹²² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 272-272 об. – Перевод статьи графа С. Окума «Англия после войны Наполеона I и Япония после настоящей войны» из августовского (1915 г.) номера журнала «Син-Ниппон».

¹²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 95. Л. 5 об-6. – Перевод речи виконта И. Мотоно в Нижней палате парламента Японии 23 января 1917 г.

держав в регионе¹²⁴. Так, на фоне сближения с Россией, в Японии кристаллизовалась идеология японоцентристского империализма в восточной Азии как антипода его западноориентированному варианту предшествующего, XIX-го, столетия. Агрессивность японского империализма, имевшего целью установить свое монопольное господство в Восточной Азии и в первую очередь в Китае, в 1920-1930-е годы стала главным лейтмотивом работ русских военных обозревателей-эмигрантов, а затем и советских историков-международников.

Специальный сюжет японской публицистики времен «исключительной русско-японской дружбы» – особенности русского национального характера, причины прежних русско-японских «недоразумений» и, исходя из этого, – перспективы отношений двух стран. В годы Первой мировой войны на смену образу вероломного и кровожадного русского варвара десятилетней давности стал приходить имидж добродушного, чистосердечного, искренне расположенного к Японии и вообще духовно близкого азиатам северного соседа, памятливого на добро и действующего, в отличие от англо-саксов, согласно этическим нормам *бусидо*¹²⁵. «Европейцы и американцы все еще пренебрегают народами Востока и их цивилизацией», – по контрасту утверждал граф Окума. «Русские по природе добродушны, не скрытны и выказывают полное расположение к японцам», – отмечал в апрельском (1915 г.) номере журнала «Син-Ниппон» бывший редактор газеты «Июмиури» Адачи, призывая соотечественников отбросить остатки застарелой русофобии, повернуться к России лицом и активно ее изучать¹²⁶. Один из лидеров проправительственной партии «досикай» на страницах журнала «Тайо» доказывал, что между Россией и Японией никогда не было веских поводов к столкновениям, а их недавняя война явилась следствием лишь «неправильного взаимного понимания», подогретого внешними воздействиями, – британской и особенно китайской пропагандой¹²⁷. Когда Япония начнет «двигаться к югу», предсказывал тот же «Ниппон», все возможные причины к конфликтам с Россией и вовсе будут «сами собой устранены»¹²⁸.

Что касается Германии, то, несмотря на уже отмеченные рецидивы пронемецких общественных симпатий, особенно устойчивых в части японского генералитета (многие здешние военачальники учились в Германии), официальный Токио подчеркивал отношение к этой стране и как к военному противнику, и как к потенциально опасному сопернику на Дальнем Востоке и в Азии в целом. Накануне вступления Японии в войну ее пресса в один голос заговорила о том, что «главной причиной всех смут, возникавших в этой части света за последние 20 лет» (то есть и в годы русско-японской войны), стала политика Берлина, и потому цель Японии состоит в том, чтобы «с корнем вырвать германское влияние на Дальнем Востоке»¹²⁹. Правительство поспешило пресечь попытки немецкого информационного агентства «Deutsch-Japan Post» тиражировать тенденциозные слухи о союзниках Японии – телеграммы агентства стали подвергаться строгой цензуре и задерживаться под страхом закрытия агентства и высылки из Японии его сотрудников¹³⁰. В сентябре 1916 г. в Йокогама была прекращена деятельность германского банка, который союзники считали рассадником «немецкого шпионства» на Дальнем Востоке. Японские государственные деятели в своих публичных выступлениях именовали

¹²⁴ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 404. – Перевод статьи «Япония как хозяйка Дальнего Востока» («Хоци», 28 ноября 1915 г.)

¹²⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 474 об. – Перевод статьи Оба Кагеаки в январском (1915 г.) номере журнала «Ниппон».

¹²⁶ Там же. Л. 117. – Перевод статьи Адачи «Современные и будущие японо-русские отношения» в апрельском (1915 г.) номере журнала «Ниппон».

¹²⁷ Там же. Л. 20 об.-22. – Перевод статьи Симада «Наследственный взгляд на Россию» в январском (1915 г.) номере журнала «Тайо».

¹²⁸ Там же. Л. 475. – Перевод статьи Оба Кагеаки в январском (1915 г.) номере журнала «Ниппон».

¹²⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 266. – Секретная депеша Малевского Сазонову. Токио, 13/26 августа 1914 г. № 64.

¹³⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 46. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 16/29 августа 1914 г. № 194.

Германию «истинным виновником» текущей войны и потому «врагом всего человечества»¹³¹. В Токио демонстративно игнорировали заявления немецких официальных лиц о готовности предоставить Японии «полную свободу действий на Дальнем Востоке» после войны. Вслед за публицистами стран Антанты как всегда красноречивый граф Окума видел в мировом вооруженном конфликте «борьбу права против силы, свободы и независимости против милитаризма и угнетения, начал общечеловечества против узких расовых инстинктов»¹³². Министр Мотоно, выступая перед зарубежными журналистами в начале 1917 г., счел «совершенно недопустимыми» даже предположения о возможности заключения его страной сепаратного мира с Германией¹³³.

Симпатии японцев к России и другим странам Антанты проявлялись и более зримо — в виде денежных и иных пожертвований, а также массовых манифестаций, которыми они по традиции отмечали важные политические события. «Сочувственное настроение по отношению к союзным державам со стороны широких масс японского населения, — докладывал в Петроград посол Малевский вскоре после начала мировой войны, — выразилось в многолюдной демонстрации [...]. Не менее 8 тысяч с зажженными фонарями, флагами и музыкой продефилировали перед зданием посольства в вечер 18 августа [1914 г.] с оглушительными криками “банзай”. Я выходил с чинами посольства на подъезд благодарить толпу за сочувственные клики [...] Такие же демонстрации в тот же вечер происходили перед английским и французским посольствами и бельгийской миссией. В них принимали участие лица всевозможных сословий, но главным образом учащая молодежь»¹³⁴. 19 августа 1914 г. две тысячи японских жителей Харбина манифестировали перед зданиями русского, французского и бельгийского консульств, причем особый подъем демонстрантов вызвало приветствие русского консула на японском языке¹³⁵; 25 августа такая же манифестация состоялась в Никольске-Уссурийском¹³⁶. Не менее 40 тысяч жителей японской столицы чествовали великого князя Георгия Михайловича во время его визита в Японию в начале 1916 г.¹³⁷; около 50 тысяч токийцев таким же способом праздновали заключение русско-японского союза полгода спустя¹³⁸. «Грандиозные, общенародные», по словам русского посла, манифестации по случаю подписания этого договора состоялись также в Йокогама, Кобэ, Киото, Осака, в двух десятках других крупных японских городов, японцев в корейских Сеуле и Пусане, в китайских Харбине и Дайрене (бывшем Даляне, или Дальнем).

¹³¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 363. — Секретная депеша Малевского-Малевича Сазонову (Токио, 9/22 октября 1915 г. № 84) с изложением содержания публичной лекции бывшего министра иностранных дел барона Т. Като (по отчету газеты «Ямато»).

¹³² Там же. Л. 332 об. — Приветственное письмо графа С. Окума председателю 5-го Международного конгресса мира в США. Токио, 21 сентября 1915 г.

¹³³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 925. Т. 1. Л. 59 об. — Секретное донесение посла В.Н. Крупенского министру иностранных дел Н.Н. Покровскому. Токио, 27 февраля/12 марта 1917 г. № 15.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 260-260 об. — Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 10/23 августа 1914 г. № 61.

¹³⁵ Новое время. 6/19.8.1914. № 13795. С. 3.

¹³⁶ Новое время. 13/26.8.1914. № 13800. С. 3.

¹³⁷ Новое время. 14/27.8.1916. № 14526. С. 3 (интервью с графом С. Тэразима).

¹³⁸ Сотрудники дипломатического корпуса в японской столице со стажем были не склонны преувеличивать спонтанность таких общественных проявлений. Секретарь русской миссии Д.И. Абрикосов, например, так описывал организацию подобных шествий: «Процессии организовывались очень просто. Все, кто хотел участвовать, получали в полиции фонарь и 25 йен. Результат был весьма впечатляющ. [...] Мимо ворот, в которых стояли посол и весь штат, проходили тысячи несущих фонари японцев, каждый из которых хотел пожать руку чиновника. Это длилось часами, и новичок мог подумать, что и впрямь приобрел огромную популярность среди жителей Токио. На самом деле это было всего лишь результатом свободного вечера и платы в 25 йен». — *Абрикосов Д. Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 302.*

В ноябре 1914 г. руководство российского Красного Креста получило 8 тысяч иен, собранных в Японии почетным президентом Японо-Русского общества принцем Кан-ин в высших японских сферах в виде пожертвований¹³⁹. Горнозаводская фирма Кухара (основана в Осака в 1912 г.), разбогатевшая в годы мировой войны на военных поставках России, в 1915 г. перевела в Петроград 100 тысяч рублей в пользу русских раненых воинов и их семейств, за что получила царскую благодарность¹⁴⁰. В декабре 1916 г. знаменитый японский оружейник, 79-летний отставной генерал барон Мурата Цунейоси преподнес Николаю II самурайский меч «Мукаде-кири-мару», изготовленный собственноручно постом и молитвой «о даровании победы российским армии и флоту»¹⁴¹. Общество помощи увечным воинам союзных государств, созданное в январе 1917 г. графом Тэраучи, к середине того же года собрало пожертвований уже на 2 млн иен. Среди наиболее крупных жертвователей значились председатель Общества князь Токугава Иэсато, вице-председатель Симада Сабуро, барон Сибусава и другие представители японской знати и правящих кругов¹⁴².

Премьер-министр граф С. Окума, министры иностранных дел бароны Т. Като и К. Исии, проправительственный журналист С. Токутоми и другие сторонники русско-японского сближения в области внешней политики предпочитали не выходить за рамки традиционного для Японии союза с Великобританией. Горячими поборниками русско-японского единения, пусть и в ущерб союзническим отношениям с Лондоном, выступали посол в России, а позже министр иностранных дел виконт Мотоно Итиро, маркизы Иноуэ Каору и Мацуката Масаёси, барон Макино Нобуаки (последние трое – *гэнро*), барон Гото Симпэй и другие видные государственные и общественные деятели. Но наибольшую поддержку Россия обрела в том секторе японского бизнеса, который вел с ней коммерческие дела, и особенно – у представителей военного «клана» во главе с маршалом князем Ямагата Аритомо. В общеполитическом плане на сближение с Россией японских государственных старейшин, как показали историки Дж. Морли, П. Бертон и Э.А. Барышев, толкало стремление загодя расколоть послевоенный антияпонский альянс «белых» держав, как им казалось, неизбежный¹⁴³ (иначе говоря – опасения десятилетней давности, времен русско-японской войны). Барышев указывает и на более утилитарную задачу японских военных — перевооружить свою армию на средства, вырученные от продажи оружия государствам Антанты и в первую очередь России; «за модернизацию японской армии платила Россия», – констатирует он¹⁴⁴.

¹³⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 73-75. – Шифрованные телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 29 октября/11 ноября, 1/14 и 12/25 ноября 1914 г. №№ 283, 284, 288.

¹⁴⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 254. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 14/27 ноября 1915 г. № 420.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 9. Л. 243 (письмо отставного генерал-майора барона Ц. Мурата военному министру генералу К. Осима. Токио, 9 декабря 1916 г. Перевод с японского). В свое время этот же японский оружейник преподнес лично изготовленную винтовку собственной конструкции отцу Николаю II, императору Александру III. 12 февраля 1917 г. военный министр М.А. Беляев вручил меч Мурата Николаю II, который просил от своего имени благодарить японского дарителя.

¹⁴² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 94. – Перевод на русский язык шифрованной телеграммы министра иностранных дел виконта Мотоно послу в Петрограде виконту Учида. Токио, 2/15 июня 1917 г.

¹⁴³ Morley J.W. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. New York, 1957. P. 12; Berton P. Russo-Japanese Relations, 1905-1917. From Enemies to Allies. P. 14, 16, 18; Барышев Э.А. Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию // Япония 2007. Ежегодник ИВ РАН. М., 2007. С. 251.

¹⁴⁴ Baryshev Ed. The General Hermonius Mission to Japan. P. 30. Весной 1915 г. на заседании Бюджетной комиссии Нижней палаты парламента военный министр Японии утверждал, что иностранцам «проданы старые образцы вооружения», благодаря чему «японская армия получит возможность с избытком обзавестись новым» (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4533. Л. 3. – Перевод на русский язык разъяснений военного министра в заседании Бюджетной комиссии на запросы о продаже оружия иностранным государствам). Наблюдение Барышева справедливо и в отношении японского военного флота. По данным британского историка Хью Стрэчана, траты японской армии за 1914-1918 гг. выросли менее, чем вдвое (с 87,7 млн до 152 млн иен), тогда как

К неформальной группировке маршала Ямагата примыкали многие ключевые участники русско-японской войны 1904-1905 гг., и, казалось, в силу одного этого, «по старой памяти», злейшие русофобы — фельдмаршал И. Ояма, генералы граф М. Тэраучи, бароны М. Акаси и Г. Танака, М. Фукуда. Генерал-лейтенант Тэраучи Масатакэ, с 1916 г. фельдмаршал и премьер-министр, а ранее (в 1902-1910 гг.) глава Военного министерства, занимая в первые годы мировой войны пост генерал-губернатора Кореи, лоббировал в токийских военных кругах интересы русского военного ведомства; благодаря его настояниям, в 1914-1915 гг. Япония продала России партию осадных и полевых орудий новейшего образца¹⁴⁵. Генерал-лейтенант Фукуда Масатаро, в годы русско-японской войны заместитель начальника штаба Маньчжурских армий, а с весны 1916 г. генерал для поручений начальника Генштаба, в компании с капитаном 1-го ранга Э. Ямамото, полковниками З. Исидзака и М. Одагири, подполковником К. Уэда и капитаном С. Араки, на правах союзников удостоившись 22 июля 1916 г. аудиенции императора в Ставке, а 24 июля в Киеве — матери царя, вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹⁴⁶, в последующие дни посетили штаб гвардейского корпуса и прямо с русских позиций под орудийным огнем наблюдали сражение с немцами в районе Рожище под Луцком¹⁴⁷. В ходе поездок по позициям частей Юго-Западного фронта эта японская военная делегация сполна ощутила «вкус» войны, не раз попадая под вражеский обстрел и бомбежку немецких аэропланов. Командир бригады, а затем помощник начальника Генштаба генерал Танака Гиити до своего назначения в 1918 г. военным министром, как личный секретарь маршала Ямагата, выполнял конфиденциальные поручения своего патрона по делам военных поставок России. О контактах заместителя начальника Генштаба генерала Акаси, в прошлом — военного атташе в Петербурге, а в 1904-1905 гг. главного организатора тайных подрывных операций против России в Западной Европе, с русским военным агентом в августе 1914 г., мы уже упоминали. Не случайно, что имена Акаси, Фукуда и Танака посол Малевский внес в первый же список японских офицеров, представленных им к русским орденам¹⁴⁸. Непосредственным поводом к их награждению летом 1915 г. явилось согласие японского Военного министерства отпустить России из своих неприкосновенных запасов 100 тысяч винтовок Арисака нового образца с запасными частями и 20 млн патронов. Их поставка в Россию была завершена уже к середине июля 1915 г.¹⁴⁹

С самим маршалом Ямагата у русского посла установились настолько тесные и доверительные отношения, что, неоднократно навещая этого всесильного человека в его загородном имении Одавара, Малевский часами обсуждал с ним политические злобы дня, достоинства и недостатки членов кабинета министров и другие особенности и скрытые пружины японского государственного механизма. Переводчиком на этих конфиденциальных встречах, как правило, выступал генерал Танака, который в 1897-1902 гг. стажировался в Новочеркасском пехотном полку, работал военным атташе в Петербурге и потому неплохо говорил по-русски. Конечная цель этих собеседований была одна и та же — преодолеть сопротивление военной бюрократии и найти способ ускорить оснащение русской армии современным японским оружием в ожидаемом Россией количестве и ассортименте. Ямагата неизменно уверял Малевского в своем «сердечном

расходный бюджет ВМФ за тот же период почти утроился (с 83-х до 216 млн иен). — *Strachan H. The First World War. Vol. 1. To Arms (Oxford University Press, 2001). P. 481.*

¹⁴⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 134. — Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 28 марта/10 апреля 1915 г. № 27.

¹⁴⁶ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 516. Оп. 241/2870. 1916 г. Д. 1. Л. 54.

¹⁴⁷ Архив Фонда Русское Зарубежье. Ф. 1. Д. Е-144/2 (дневник генерала В.М. Безобразова). Л. 159, 161. Записи от 14/27 и 15/28 июля 1916 г.

¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 104. — Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 19 мая/1 июня 1915 г. № 175. Кроме них в этом списке фигурировали помощник военного министра (а вскоре министр) генерал Осима Кенъичи и адъютанты военного и морского министров в полковничьих чинах.

¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1462. Л. 350. — Копия шифрованной телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 5/18 июля 1915 г. № 221.

сочувствии» и полной готовности помочь, по словам русского посла – «во внимание к политическому значению ожидаемого нами от Японии содействия для одоления общего врага»¹⁵⁰. Когда что-то не удавалось и совместно выработанный план давал сбой, 77-летний маршал пенял на возраст и отшучивался тем, что «почти все его “сыновья” по службе сошли уже с политической сцены, а теперешние “внуки” не всегда слушаются старших»¹⁵¹. В своей группировке мудрый Ямагата не стремился играть роль диктатора, отмечает американский историк Дж. Морли. Свою задачу он видел в том, чтобы разрешать внутриклановые споры и определять лишь основные линии в решении того или иного вопроса государственной жизни своей страны. При этом, в зависимости от ситуации, престарелый маршал мог вести себя со своими соратниками и как военачальник с офицерами своего штаба, и как великодушный отец с почтительными внуками и детьми¹⁵².

¹⁵⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 46. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 25 февраля/10 марта 1915 г. № 71.

¹⁵¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 96. – Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 26 февраля/11 марта 1915 г. № 18.

¹⁵² *Morley J.W.* The Japanese Thrust. P. 10.

Глава III. Проблема японских войск в Европе

С первых месяцев мировой войны и почти до самого ее окончания в странах Антанты оживленно обсуждали проблему участия регулярной японской армии в военных действиях на европейском театре. Наибольшую заинтересованность в этом выказывала Франция, которая испытывала серьезные затруднения с пополнением своих войск живой силой¹⁵³; она же вплоть до 1918 г. последовательно выступала за скорейшее практическое осуществление этого плана¹⁵⁴. Позицию Великобритании, озабоченную чрезмерным усилением своего азиатского союзника, в целом определяло принципиальное нежелание «выпускать» японскую армию за пределы Азии, что, в свою очередь, пошатнуло доверие Токио к Лондону¹⁵⁵. Россия стремилась без нужды не заострять вопрос, но, при благоприятном стечении обстоятельств, не мешать привлечь японские войска к защите французской территории от немецкого нашествия, либо к действиям союзников на второстепенных театрах. Относительно присутствия японских солдат в самой русской армии главный стратег (генерал-квартирмейстер штаба) Ставки генерал Ю.Н. Данилов задним числом уверял, что на непосредственное участие японских войск в своих операциях на западном фронте «Россия никогда не рассчитывала»¹⁵⁶. В том же ключе («Нам совершенно не нужна японская помощь») в начале сентября 1914 г.

¹⁵³ Всего за годы войны Франция поставила под ружье около 8,2 млн человек, или вдвое меньше, чем Россия (та, по разным подсчетам, мобилизовала от 15,8 до 19 млн человек). При этом по соотношению количества мобилизованных к общей численности населения Франция занимала первое место среди стран Антанты (около 20%), а Россия — последнее (чуть более 8%). Из этого следует, что в демографическом отношении Франция испытала наибольшее «военное напряжение», сравнимое только с германским — Германия мобилизовала 13,2 млн человек, или 19,5% своего населения.

¹⁵⁴ Х. Стрэчан по недоразумению отводит эту роль России. Не более точно и его утверждение, будто Япония «твердо и последовательно отвергала» предложения такого рода, поскольку «японские солдаты могли быть также обеспокоены своей возрастающей тактической и технической отсталостью» (*Strachan H. The First World War*. P. 493). Предшественник Стрэчана, ирландский профессор Т. Фрэйзер полагал, что Япония отказалась принять участие в военных операциях в Европе, поскольку ее генералы опасались выставить свои «плохо обученные и экипированные войска» против германской военной машины (*Fraser, T.G. India in Anglo-Japanese relations during the First WW // History*. 1978. Vol. 63. № 209. P. 381). Как будет показано ниже, в самом Токио в те годы имела хождение противоположная оценка своих вооруженных сил. Один из членов свиты великого князя Георгия Михайловича в 1916 г. по впечатлению с натуры утверждал, что «военное могущество» Японии следует считать «почти равным военной мощи Германии» (ГА РФ. Ф. Р-5787 (проф. Н.М. Могилянский). Оп. 1. Д. 22. Л. 142. В гостях у микадо). Приведенные оценки британских историков, вероятно, навеяны отговорками министра Като, который в сентябре-ноябре 1914 г. свой отказ направить в помощь Великобритании отряды японских ВМФ в Средиземное море и в район Дарданелл мотивировал их «недостаточной оснащенностью для действий наступательного характера в чужих водах». — Цит. по: *Kajima M. The Emergence of Japan*. P. 234.

¹⁵⁵ В августе 1914 г. британский посол в Токио сэр К. Грин в частной беседе с Малевским пояснил, что Англия желала бы разрешить возникший в Европе спор «между своими», то есть без участия Японии. В декабре 1914 г. о нежелании видеть «этих желтых» на европейском фронте говорил и премьер-министр Великобритании лорд Герберт Асквит (*Strachan H. The First World War*. P. 493). Японские газеты, комментируя территориальные рамки, отмежеванные, таким образом, в Лондоне военным операциям своей страны, возмущались, что Япония «работает на Англию как скотина» («Иомиури»), находится в ее «рабском послушании» и «услужении», что одинаково «несовместимо с престижем Японской империи» («Ници-Ници», «Дзи-Дзи»). Англо-японский союз, писал в январе 1915 г. влиятельный журналист С. Токутоми, в нынешних условиях «полезен только для Англии», в то время как в Китае интересы этих двух стран «диаметрально противоположны». — АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1864. Л. 44.

¹⁵⁶ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 259. Это, однако, не помешало ему в декабре 1914 г. «жадно» поддержать предложение французов о призывании в Европу регулярных японских войск. — Письмо кн. Н.А. Кудашева Сазонову. Ставка, 4/17 декабря 1914 г. // Красный архив. 1928. № 26. С. 28.

министр Сазонов по подсказке военных инструктировал посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа, из чего последний заключил, что «помощь со стороны японской армии в России признается нежелательной»¹⁵⁷. Вопреки этому, британская и русская пресса периодически присоединялись к французской в рассуждениях на тему о необходимости призвания японского экспедиционного корпуса на французский или русский фронт, либо в район Дарданелл¹⁵⁸. В критические моменты войны правительства стран Антанты (не исключая и Великобританию) пытались порознь, либо совместно воздействовать на Японию, дабы ее регулярные войска хотя бы в качестве вспомогательных явились на сухопутный западно-европейский театр, преимущественно – во Францию. Впрочем, на практике дело ограничилось зондажем и неофициальными консультациями с японскими властями и до межгосударственных переговоров на эту тему так и не дошло. Формальным запросом западная дипломатия опасалась натолкнуться либо на ответные требования Токио политических или территориальных компенсаций¹⁵⁹, либо, скорее, – на прямой отказ и, таким образом, оттолкнуть дальневосточного партнера, поставив его в неловкое положение, да и самой «потерять лицо».

Официальная позиция самой Японии в вопросе о своем непосредственном участии в европейских боевых операциях не раз подвергалась коррекции. «Отличительной чертой внешней политики Японии всегда был узкий национализм, свободный от всяких предвзятых понятий», – заметил как-то посол Н.А. Малевский¹⁶⁰. Токийский кабинет, по выражению другого русского высокопоставленного дипломата, исходил из «политики здорового эгоизма», суть которого современный японский историк «расшифровал» так: «японцев интересовало не столько то, что происходило в Европе, сколько преимущества, которые война могла принести им в Азии... Как член антигерманского Соглашения Япония могла рассчитывать на выгоды в одно и то же время и нейтральной, и воюющей стороны»¹⁶¹. Поэтому в интересующем нас вопросе официальный Токио балансировал между стремлением, с одной стороны, сохранить кредит в глазах союзников и обеспечить себе полновесный голос на послевоенном дележе германского «наследства» («Вопросы, связанные с миром, были главным занятием японской дипломатии во время мировой

¹⁵⁷ Телеграмма Сазонова послу графу А.К. Бенкендорфу в Лондон. 21 августа/3 сентября 1914 г. № 2367 (МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 205-206) и телеграмма Бенкендорфа Сазонову. Лондон, 28 декабря 1914 г./10 января 1915 г. № 846 (там же. Т. 6. Ч. 2. С. 343).

¹⁵⁸ См.: *Fortnightly Review*. October 1914, p. 808-814 (статья *En Vedette* "The Full Value of the Japanese Alliance"); Биржевые ведомости. 25.11/8.12. 1914 (статья К. Славского «Перевозка японской армии во Францию»); Русское слово. 20.6/3.7.1915; Биржевые ведомости. 24.6/7.7.1915; Новое время. 27.6/10.7.1915, и др. Из русских публицистов самым, пожалуй, ярким сторонником японского подкрепления русской армии выступил бывший флотский офицер Н.М. Португалов. В серии личных посланий министру Сазонову он настаивал на приглашении в Россию, ни много ни мало, полумиллионного японского войска (10 корпусов) в обмен на передачу Японии северного Сахалина, Маньчжурии и даже Камчатки. «Мы никогда не будем в состоянии использовать вышеупомянутые земли надлежащим образом, – объяснял он свою позицию, – да и никогда же не будем в состоянии защитить их от Японии, если только она пожелает их взять» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1861. Л. 211. – Письмо Н.М. Португалова Сазонову. Москва, 20 июня/3 июля 1915 г.). Сазонов не счел нужным вступать в полемику с Португаловым.

¹⁵⁹ К числу таких компенсаций посол Малевский относил гипотетические претензии Японии на Южный Китай, Тонкин и Нидерландскую Индию, как тогда именовали колониальные владения Голландии в Новой Гвинее и на Малайском архипелаге (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 407 об.-408. – Секретная депеша Малевского Сазонову. Токио, 22 декабря 1914 г./4 января 1915 г. № 98). Особенно большие аппетиты Токио русская дипломатия прогнозировала в Южной Маньчжурии, где, по словам советника русского посольства, уже к 1915 г. японцы довели понятие о сфере влияния до пределов, «за которыми недалек следующий шаг – протекторат или аннексия» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 87. – Записка советника посольства М.С. Щекина Малевскому о политике Японии в Китае. Токио, 22 февраля/7 марта 1915 г.). В свою очередь, в Гааге опасались, что первой жертвой японской военной помощи Антанте станут именно азиатские колонии Нидерландов.

¹⁶⁰ Донесение Малевского Сазонову. Токио, 19 июня/2 июля 1915 г. № 47 // МОЭИ. Серия III. Т. 8. Ч. 1. С. 274.

¹⁶¹ *Hata I. Continental expansion, 1905-1941 // The Cambridge History of Japan. Vol. 6. Ed. by John W. Hall et al. Cambridge University Press, 1988. P. 279.*

войны. Первым делом надо было обеспечить себе хорошее положение на будущей мирной конференции», – заметит впоследствии министр иностранных дел К. Исии¹⁶²), а с другой — избегать брать на себя конкретные военные обязательства, дабы свести к минимуму собственные людские и материальные потери. 19 августа 1914 г. министр Като сообщил японским послам в Лондоне и Петрограде о решимости Японии «до конца исполнить обязательства, вызванные обсуждением совместных военных операций с Россией и Францией»¹⁶³; русскую Ставку известили о принципиальной готовности Токио направить регулярные войска в Россию. Однако русское военное руководство не пришло в восторг от перспективы появления японского экспедиционного корпуса на своей территории «ввиду невозможности вполне доверять японцам и отсутствия наших войск в Сибири». 200-250 тысячам японских штыков в Ставке предпочли «осадные средства Японии с их полным личным составом, то есть всего несколько тысяч человек с лошадьми»¹⁶⁴. Министр Сазонов извещил об этом Токио и частным образом обсудил с послами союзных держав общую проблему посылки японских войск в Европу. В ответ Япония немедленно отыграла назад – 7 сентября тот же министр Като предписал послу Мотоно дать в Петрограде понять, что подобная просьба Антанты, если поступит, будет его правительством отклонена¹⁶⁵. Генерал Самойлов из состоявшейся в те же дни беседы с помощником военного министра генералом К. Осима заключил, что в настоящее время ставить перед японцами проблему «посылки на европейский театр войны для совместных действий с нашей артиллерией японской осадной артиллерии» бесполезно, поскольку такая просьба «встретит вероятный отказ»¹⁶⁶. Вскоре вопрос об участии японских военных в европейской войне распался на ряд самостоятельных тем, каждой из которых оказалась уготована собственная судьба.

Первой стала проблема волонтеров-резервистов. Ее, по собственному почину, поднял премьер граф С. Окума, неоднократно в частных беседах с русским послом заговаривая о «многочисленных» запасных японских офицерах, «рвущихся» в Россию воевать с Германией¹⁶⁷. Тот же японский премьер инициировал создание в Японии «Общества отправки войск на европейский фронт» на предмет сбора пожертвований для соотечественников-волонтеров¹⁶⁸. В русском МИД и особенно в Ставке в этом рвении усмотрели многообещающую военно-политическую перспективу: верховный

¹⁶² Исии К. Дипломатические комментарии. Пер. с яп. М., 1942. С. 83.

¹⁶³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 252. – Шифрованная телеграмма министра Като послам в Лондоне (барону К. Иноуэ) и в Петрограде (барону И. Мотоно). Токио, 19 августа 1914 г.

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 4 (секретная телеграмма управляющего дипломатической канцелярией при Ставке верховного главнокомандующего Н.А. Базили в МИД. Ставка, 21 августа/3 сентября 1914 г. № 44). Немного раньше о «крайней нужде» действующей армии в японской осадной артиллерии (желательно, «с личным составом») Сазонова извещил военный министр Сухомлинов. – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4058. Л. 9-10 – Спешное секретное отношение Сухомлинова Сазонову. Петроград, 4/17 августа 1914 г. № 5070.

¹⁶⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 259. – Шифрованная телеграмма министра Като послу в Петрограде Мотоно. Токио, 7 сентября 1914 г.

¹⁶⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1868. Л. 8. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 28 августа/8 сентября 1914 г. № 208.

¹⁶⁷ Советский историк С.С. Григорцевич предположил, что таким способом японский премьер «стремился лишь выяснить позицию России и подчеркнуть дружеское отношение Японии к России» (*Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав. С. 485*). Другой отечественный автор утверждает, что японское правительство свои, якобы, «громкие заявления» о необходимости участия императорской армии в европейской войне делало в надежде оправдать в глазах населения планы увеличения военных расходов (*Пестушко Ю.С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония 2007. Ежегодник ИВ РАН. М., 2007. С. 268-269*). Эта, последняя, точка зрения, очевидно навеяна сообщениями посла Малевского, который, однако, в этом случае комментировал позиции парламентской фракции партии Досикай либо японского «военного клана», но отнюдь не заявления токийского кабинета. – См.: АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 329 об.-330, 391 об.-392. – Секретные депеши Малевского-Малевича Сазонову. Токио, 17/30 октября и 10/23 декабря 1914 г. №№ 78 и 95.

¹⁶⁸ *Пестушко Ю.С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония 2007. Ежегодник ИВ РАН. М., 2007. С. 267.*

главнокомандующий высказался за «крайнюю желательность воспользоваться поступившими предложениями, что не только усилит наши силы на Западе, но закрепит окончательно переход Японии на нашу сторону и обеспеченность наших дальневосточных окраин»¹⁶⁹. При этом, однако, были намечены и меры предосторожности. 25 сентября 1914 г. посылка «вспомогательного корпуса японских добровольцев» в русскую действующую армию получила «высочайшее» одобрение¹⁷⁰ (о чем сообщили и японские газеты), но подвозить японцев по Транссибирской магистрали на свой западный фронт русское командование предпочло «вперемежку с нашими»¹⁷¹, в связи с чем Токио запросили о количестве посылаемых волонтеров и «прочие о них сведения»¹⁷². В ответ и неожиданно для Петрограда токийский кабинет постарался дистанцироваться от этого плана. Посол Малевский, со слов своих высокопоставленных японских собеседников, стал отзываться о нем не более, как «о проекте японского Общества калек», стремящемся извлечь из него материальную выгоду¹⁷³. В декабре 1914 г. «несерьезный» характер этого начинания в разговоре с Сазоновым удостоверял и посол Мотоно, вновь подчеркнувший при этом, что «о посылке японских войск на европейские театры войны» ни под каким видом «не может быть речи»¹⁷⁴.

Несмотря на все это, прошения от японских подданных, желавших воевать на русском западном фронте, продолжали поступать, по крайней мере – в Токио, Хабаровске, а также в Дайрене, Куаньчэнцзы, Харбине, Мукдене и в других городах Южной Маньчжурии. Японское правительство первоначально смотрело на это сквозь пальцы, в самой России «высочайшее соизволение» на прием в действующую армию отдельных японцев «охотниками» последовало в начале декабря 1914 г. К тому времени в штабе Приамурского военного округа их собралось порядка 40, еще около 30 японских волонтеров подали заявления в русское посольство в Токио, 12 – в императорское генконсульство в Харбине¹⁷⁵; свыше 450 аналогичных прошений японцев поступило на имя русского консула в Дайрене к февралю 1915 г.¹⁷⁶. Внешнеполитическое ведомство направило на заключение Генштаба в общей сложности около 500 заявлений граждан Японии, пожелавших попасть в русскую армию в качестве волонтеров или санитаров. Наряду с индивидуальными ходатайствами (самым заметным среди них стало желание одного из сыновей министра юстиции Озаки Юкио, 28-летнего летчика-рекордиста Озаки Юкитэру, воевать в русской авиации¹⁷⁷) русское правительство получало и групповые заявления. Увы, среди последних попадались ходатайства недобросовестного свойства –

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 637. Л. 4-5. – Телеграмма начальника штаба Ставки Янушкевича Сухомлинову и в ГУГШ. Ставка, 10(23) сентября 1914 г. № 4202.

¹⁷⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75-б. Л. 104. – Шифрованная телеграмма Сазонова Малевскому. Петроград, 13/26 сентября 1914 г. № 2911.

¹⁷¹ По распоряжению верховного главнокомандующего, после вступления Японии в войну с Дальнего Востока в добавление к двум корпусам, взятым оттуда ранее в порядке общей мобилизации, на запад были переброшены еще два корпуса – IV-й Сибирский, составлявший гарнизон владивостокской крепости, и пограничные войска, охранявшие КВЖД и полосу ее отчуждения, которые впоследствии также были сведены в самостоятельный корпус.

¹⁷² Письмо князя Н.А. Кудашева Сазонову. Ставка, 13/26 сентября 1914 г. // Красный архив. 1928. № 26. С. 9.

¹⁷³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 76. Л. 393. – Шифрованная телеграмма Нератова Малевскому. Петроград, 20 декабря 1914 г./2 января 1915 г. № 4532.

¹⁷⁴ Там же. Л. 381. – Шифрованная телеграмма Сазонова Бенкендорфу. Петроград, 18/31 декабря 1914 г. № 4497.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 10 (шифрованная телеграмма начальника штаба Приамурского военного округа генерала А.С. Санникова в ГУГШ. Хабаровск, 10/23 ноября 1914 г. № 3767); АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 4 (шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 3/17 января 1915 г. № 4); АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 42 (Список японцев, членов Харбинской колонии, изъявивших о своем желании поступить в русскую действующую армию в качестве добровольцев-санитаров).

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2675. Л. 1. IV-й (дальневосточный) политический отдел МИД – в ГУГШ, 28 марта/10 апреля 1915 г.

¹⁷⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 106-106 об. – Секретное донесение Малевского Нератову. Токио, 27 февраля/11 марта 1916 г. № 181.

например, бывшего полицейского надзирателя Осигэ, который пытался заполучить у русских военных властей значительную сумму на «подъем» двух тысяч японских добровольцев, существовавших лишь в его воображении. В июне 1916 г. газета «Харбинский вестник» сообщила о 12 тысячах японцев, в общей сложности изъявивших желание отправиться на русско-германский фронт¹⁷⁸. В конце лета 1916 г. на горизонте российского посольства в Токио замаячил отряд из 173-х «понимающих по-русски» японских волонтеров¹⁷⁹. Еще более масштабное предложение того же рода поступило в сентябре от крестьянина, уроженца префектуры Гумма Като Кицусабура, который объявил о десяти тысячах своих соотечественников, собранных под знамена уже якобы созданной им добровольческой дружины «Великий путь».

В российском военном ведомстве, в отличие от внешнеполитического, к этим инициативам подданных микадо продолжали относиться очень серьезно. Не столько из военных соображений (недостатка в живой силе русская армия тогда еще не испытывала), сколько опять-таки из военно-политических – дабы отказ не произвел на Токио «неблагоприятного впечатления» и не отразился «нежелательным образом на наших отношениях с Японией»¹⁸⁰, а, значит, и на безопасности русских дальневосточных территорий. Принимать японских волонтеров в действующую армию поодиночке начальник штаба Ставки Янушкевич признал «неудобным» и поставил вопрос о национальных японских формированиях. В свою очередь, ГУГШ высказался против передачи проектируемых японских добровольческих частей под русскую команду из-за «совершенного незнания нашими офицерами японского языка и полного незнакомства их с условиями быта японцев»¹⁸¹. После длительной переписки по этим и другим вопросам и согласований со Ставкой и МИД в сентябре 1916 г. Мобилизационный отдел Генштаба с санкции военного министра приступил к разработке плана формирования в Московском военном округе нескольких национальных японских батальонов, по 1100 пехотинцев в каждом; начать планировали с одного-двух. Вооружить японских добровольцев предполагалось, конечно, ранее купленными японскими же винтовками. Реализацию этого плана русская сторона обусловила, во-первых, официальным согласием японского правительства и, во-вторых, наличием среди волонтеров достаточного числа офицеров, в том числе способных изъясняться по-русски¹⁸².

Однако выполнить эти условия оказалось невозможно: в Токио по-прежнему противились присутствию любых своих воинских подразделений на европейском театре. В сентябре 1916 г. с подачи военного ведомства министр внутренних дел Японии прямо предписал губернаторам «принять меры против возбуждения японскими запасными ходатайств о зачислении их добровольцами в союзные армии». В самом японском Военном министерстве русским дипломатам высказали озабоченность тем, что «японские добровольцы, не знающие русского языка, явятся лишь обузой для русских воинских частей»¹⁸³. Офицеров же среди волонтеров оказались единицы – по оценке посла В.Н. Крупенского, подавляющее большинство добровольцев принадлежало «к самым низким слоям населения, никакого образования не имеет и никто из них в качестве офицера

¹⁷⁸ Цит. по: Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав. С. 485.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 52. – Шифрованная телеграмма Крупенского в МИД. Токио, 15/28 августа 1916 г. № 346.

¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2675. Л. 13 об. – Письмо дежурного генерала при верховном главнокомандующем генерал-лейтенанта П.К. Кондзеровского генерал-квартирмейстеру ГУГШ. Ставка, 22 апреля/5 мая 1915 г. № 634. Секретно.

¹⁸¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 44. – Письмо генерал-квартирмейстера ГУГШ генерала М.Н. Леонтьева в IV-й политический отдел МИД. Петроград, 15/28 мая 1915 г. № 1336. Секретно.

¹⁸² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 61-61 об. – Секретное письмо Мобилизационного отдела ГУГШ в IV-й политический отдел МИД. Петроград, 18 сентября/1 октября 1916 г. № 3327.

¹⁸³ Там же. Л. 59 об. – Секретное донесение Крупенского в IV-й отдел МИД. Токио, 29 сентября/12 октября 1916 г. № 956.

служить не может»¹⁸⁴. По всем этим причинам, но главным образом, ввиду того что «японское правительство совершенно не сочувствует идее набора в Японии добровольцев», который мог бы «продолжаться лишь вопреки желанию» официального Токио, в декабре 1916 г. русский военный министр отказался от идеи формирования японских батальонов¹⁸⁵. В результате ни регулярные подразделения войска микадо, ни батальоны японских «охотников», ни отряды их санитаров в годы Первой мировой войны в русской действующей армии так и не появились.

Вторую тему инициировало уже русское командование – речь идет о его упомянутом хроническом стремлении заполучить укомплектованные части осадной артиллерии японской армии. Первоначально Петроград претендовал всего на два осадных артполка Японское правительство, дважды обсудив эту просьбу своего союзника, в начале ноября 1914 г. ее окончательно отклонило, ссылаясь на трудности практического осуществления, а также на «возможные смуты» в Китае¹⁸⁶. Взятие японцами Циндао и высвобождение их тамошнего осадного парка подстегнуло русское командование усилить нажим тем паче, что в русской Ставке покупку тяжелой японской артиллерии рассматривали не только как способ усилить огневую мощь своей армии на Западе, но и как «необходимую меру предосторожности» на Дальнем Востоке ввиду «полной беззащитности наших дальневосточных окраин»¹⁸⁷. Деятельными сторонниками этой сделки в самой Японии снова выступили маршал Ямагата и принц Кан-ин. В результате их совместных усилий 1 декабря 1914 г. токийское Военное министерство объявило русскому послу, что из освободившихся в Циндао 96 стволов Япония уступит России 60 гаубиц и крупнокалиберных пушек. Крупна со снарядами, причем готова одновременно командировать своих артиллеристов для ознакомления с этими орудиями их русских коллег¹⁸⁸. Стороны согласились, что число таких инструкторов должно быть минимальным: в случае с Японией – «для успокоения общественного мнения» и из соображений престижа – для России¹⁸⁹ (генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович вообще запретил называть японцев инструкторами, находя это «обидным для русской артиллерии»). Официальный японский меморандум, направленный Малевскому в марте 1915 г., специально оговаривал неучастие японских артиллеристов в активных боевых действиях. Их путевые издержки и прочие командировочные расходы брало на себя японское правительство. Русская же сторона обязывалась лишь выплачивать единовременные пособия в случае их ранения, увечья или смерти в диапазоне от 4-х тысяч до 50-ти тысяч иен за каждого погибшего, от «мастерового» до старшего офицера.

¹⁸⁴ Там же. Л. 64 об – Секретное донесение Крупенского в IV-й отдел МИД. Токио, 24 октября/6 ноября 1916 г. № 1052. Такой отзыв Крупенского побудил русский Генштаб выяснить точное число японских военнослужащих, состоявших при русской действующей армии. По собранному Ставкой сведениям, на начало декабря 1916 г. японских офицеров-наблюдателей на фронте оказалось шестеро, а «нижних чинов», как и ожидалось, – ни одного. – РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1430. Л. 440. – Шифрованная телеграмма Управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем в ГУГШ. Ставка, 22 ноября/5 декабря 1916 г. № 4647.

¹⁸⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 67 (спешное секретное письмо Мобилизационного отдела ГУГШ в IV-й отдел МИД. Петроград, 30 ноября/13 декабря 1916 г. № 4133); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2675. Л. 43 об. – Докладная записка и.д. начальника Генштаба генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова военному министру Д.С. Шуваеву. Петроград, 28 ноября/10 декабря 1916 г. № 2351. Секретно.

¹⁸⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 104. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 22 октября/4 ноября 1914 г. № 279.

¹⁸⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1868. Л. 75. – Шифрованная телеграмма кн. Н.А. Кудашева Сазонову (с изложением мнения Янушкевича). Ставка, 13/26 ноября 1914 г. № 204.

¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 76. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 20 ноября/2 декабря 1914 г. № 291.

¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 39 (шифрованная телеграмма Гермониуса в ГАУ. Токио, 12/25 декабря 1914 г. № 115) и л. 85-86 (переписка генерала А.А. Маниковского с ГУГШ. Декабрь 1914 г.).

К началу апреля 1915 г. японская осадная артиллерия несколькими партиями была доставлена из Циндао в российскую столицу. «Замечательна та тщательность и обдуманность, с какою японцами была произведена упаковка и отправка этой артиллерии в Россию, – вспоминал генерал Ю.Н. Данилов. – [...] Вследствие этого последовательная постановка каждого орудия на позицию требовала минимального времени»¹⁹⁰. 16-го апреля 1915 г. в Петроград прибыли и 29 японских артиллеристов, из них 12 офицеров, к которым позднее присоединился переводчик поручик Кимура, во главе с полковником Миягава. От самой Японии их сопровождал помощник военного атташе капитан-«восточник» Н. Осипов, отряженный Самойловым. Официозная “Japan Times” истолковала появление японских артиллеристов в России как недвусмысленное признание Петроградом передовых позиций Японии в военном деле и, одновременно, доказательство отсталости самой русской армии, которая-де «по-прежнему следует тактике времен Наполеона»¹⁹¹. Русская пресса отмолчалась.

После двухмесячного преподавания в Офицерской артиллерийской школе и учебных стрельб на Сергиевском полигоне под Лугой японцы были направлены руководить установкой своих тяжелых орудий в крепости Гродно и Ревеля. В Гродно формирование тяжелого мортирного полка с 280-мм и 229-мм мортирами старого образца и тяжелого пушечного полка вооруженного орудиями, полученными от морского ведомства, началось еще в ноябре 1914 г. В 1915 г. на вооружение этой крепости поступили также 37 приобретенных в Японии крупнокалиберных орудий – 27 гаубиц 128-см и 10 пушек 24-см¹⁹², установленные на позициях под наблюдением японских специалистов. Японская артиллерия также была устаревших систем, но еще вполне боеспособна. Командир стоявшего в крепости армейского корпуса вспоминал переполох, который произвели в немецком штабе в Сопоткинском монастыре в 20 км от Гродно всего 4-5 выстрелов японской артиллерии¹⁹³. В Ревеле как главной оперативной базе Балтийского флота, превращенной в морскую крепость с системой долговременных фортов и береговых батарей, установкой японской крупнокалиберных орудий осенью 1915 г. занималась группа японских инструкторов во главе с капитаном Тайи.

Другая часть японцев продолжила обучение новых русских формирований, но уже в тылу – в Киеве¹⁹⁴, Казани, Одессе, Саратове; по просьбе ГАУ, обучали обращению не только с гаубичной артиллерией, но и с легкой, 75-мм, полевой пушкой Арисака¹⁹⁵. Представляя позднее японских военных советников к наградам, русское командование оценило подготовку ими «целого комплекта офицеров и нижних чинов» артиллерии как «имеющую крайне важное значение»¹⁹⁶. В итоге вместо изначально предполагавшихся трех месяцев командировка большинства японцев растянулась почти на год – 9 из 13-ти их офицеров и 15 из 17-ти «нижних чинов» живыми и невредимыми покинули Россию в

¹⁹⁰ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 260.

¹⁹¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1870. Л. 16. – Вырезка из “Japan Times” за апрель 1915 г. без указания номера (статья “Artillery versus Cavalry & Infantry”). На полях вырезки рукописная помета: «Результат наших благотворительных покупок в Японии» (имелись в виду закупки Россией старого японского вооружения, предпринятые, главным образом, для того, чтобы стимулировать японцев к продаже нового).

¹⁹² Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917 гг.). Т. 1. М., 1948. С. 88, 102.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-6683 (генерал В.Е. Флуг) Оп. 1. Д. 21. Л. 92-93. Воспоминания В.Е. Флуга «Во главе II-го армейского корпуса в Великую войну. 1915-1917 г».

¹⁹⁴ Не исключено, что здесь судьба вторично свела японцев с представителем семейства Гермониусов – на этот раз со старшим сыном уже известного нам генерала-артиллериста, 20-летним Вадимом, новоиспеченным прапорщиком, который по окончании в мае 1915 г. Михайловского артиллерийского училища по 1-му разряду получил назначение именно в штаб Киевского военного округа. – РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 51699. – Послужной список адъютанта 85-й артиллерийской бригады прапорщика В.Э. Гермониуса (на декабрь 1915 г.).

¹⁹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6 (ГАУ). Оп. 1/1. Д. 1535. Л. 333-333 об. – Письмо начальника ГАУ генерала Маниковского полковнику Миягава. Петроград, 11/24 июня 1915 г. № 46092. Отпуск.

¹⁹⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1875. Л. 19. – Письмо ГУГШ в МИД. Петроград, 17/30 августа 1915 г. № 15376.

январе 1916 г. (остальных вместе с Миягава ГАУ задержало до конца 1917 г., в основном – для испытания японских горных орудий, которые предполагало закупить¹⁹⁷). Желание масштабного сотрудничества с японскими артиллеристами русское военное руководство тем временем потеряло. На протяжении 1915 г. в русской армии воевало свыше 200 (216) пушек Арисака образцов 1898 и 1908 гг.¹⁹⁸, к концу этого года в войсках находилось уже 456 орудий всех типов, поступивших из Японии¹⁹⁹; по-прежнему ощущалась серьезная нехватка обученных артиллеристов. Несмотря на это, приглашать японских военных инструкторов на постоянной основе в ГАУ посчитали нецелесообразным «ввиду возможных недоразумений между ними и нашими нижними чинами»²⁰⁰. И не мудрено – 9 из 12-ти приглашенных японских офицеров-артиллеристов воевали с Россией в Маньчжурии в 1904-1905 гг. Враждебная России западноевропейская печать распространяла слухи о трениях, якобы возникавших у японских военных специалистов и с русским командованием²⁰¹.

К идее дополнительно заполучить в Японии тяжелую артиллерию (калибра 6 дм и выше) в 300 и более стволов, сведенных в полностью укомплектованные матчастью и личным составом батареи с большим боезапасом и собственной тягловой силой, великий князь Сергей Михайлович вернулся в ноябре 1916 г. по ходу разработки в Ставке наступательных планов весенней кампании 1917 г.²⁰² Великий князь, вероятно, не подозревал, что для Японии заказ такого масштаба непосилен, а его выполнение даже рискованно с точки зрения обороноспособности страны. Русский военный атташе в Токио подсчитал, что для его удовлетворения японцам понадобилось бы не только опорожнить свои военные запасы, но и разоружить часть действующих прибрежных крепостей и даже военных судов в строю²⁰³. В ответ Токио в качестве «предельной возможности» выразил

¹⁹⁷ Проблема горной артиллерии для русской армии тогда была весьма актуальна: осенью 1916 г., по личному распоряжению царя, в Севастополе в ускоренном порядке началось формирование особой дивизии, предназначенной для десантной операции на Босфоре, так, впрочем, и неосуществленной. Десант предполагалось оснастить облегченными видами артиллерии и стрелкового оружия.

¹⁹⁸ 180 из них (с 1500 выстрелами на каждое) пошли на укомплектование пяти артиллерийских бригад (№№ 85-89), сформированных в Киеве летом 1915 г., а остальные 36 – 104-го и 105-го артиллерийских дивизионов. К концу 1915 г. наряду с тяжелой артиллерией в русскую действующую армию прибыло еще 120 таких орудий (с 3 тысячами выстрелов на каждое), 72-мя из которых были вооружены две новые артбригады (№№ 91 и 92), а 48 оставили про запас – на случай утраты или порчи уже имевшихся. Один из офицеров 87-й (впоследствии 105-й) артбригады следующим образом охарактеризовал полевую пушку Арисака, стоявшую на ее вооружении: «японское орудие, устарелое, но давшее результаты благодаря неограниченному количеству снарядов, так скупно расходуемых тогда русской артиллерией, и благодаря эффекту разрыва “шимозы” – гранаты, рвавшей с необыкновенным шумом, благодаря чему разрыв ее часто принимался за разрыв тяжелого снаряда, а в сырые дни с зеленым удушающим облаком. Очень легкая походная система — 100 пуд. [...] Максимальная скорострельность [...] при ведении заградительного огня — 45 выстрелов в минуту; дальность шрапнели 4 200 и 7 200 м в зависимости от трубки. Орудие без порч с хорошими баллистическими данными; отлично против аэропланов при установке на кругу». – ГА РФ. Ф. Р-5956 (генерал М.М. Чернавин). Оп. 1. Д. 11 Л. 23-24. Воспоминания бывшего поручика 105-й артбригады А. Романицкого «Из жизни 105-й артбригады».

¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1429. Л. 77. – Справка Генерального штаба полковника П.А. Базарова. Ставка, 20 октября/2 ноября 1915 г.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1642. Л. 23. – Протокол совещания Бюджетной комиссии Государственной думы по смете ГАУ. 9/22 ноября 1915 г.

²⁰¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1861. Л. 247. – Отношение IV-го (дальневосточного) политического отдела МИД в ГУГШ. Петроград, 6/18 августа 1916 г. № 694.

²⁰² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1872. Л. 164. – Записка и.д. начальника ГУГШ генерала П.И. Аверьянова в МИД. Ноябрь 1916 г.

²⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 6. Л. 346-347 (шифрованная телеграмма военного атташе полковника В.А. Яхонтова в ГУГШ. Токио, 2/15 января 1917 г. № 1045). То, что не вполне, может быть, понимал великий князь, отлично осознавали его сослуживцы. Отсюда мотив: «Разоружим Японию своими военными закупками и тем окончательно обезопасим свои дальневосточные территории», который порой звучал в секретной переписке русских военных и

готовность продать России лишь 116 орудий крупных калибров, устаревших нескорострельных или неудачных систем, без лошадей, с ограниченным боезапасом и не сведенных в батареи, причем и это – при условии политических или территориальных компенсаций (об этом русские власти известил британский посол в Петрограде)²⁰⁴. Точка в возникших препирательствах была поставлена весной 1917 г. Из предложенного японцами количества генерал Маниковский согласился принять лишь 16 крупнокалиберных гаубиц – уже без артиллеристов, но с большим боекомплектom и тягловой силой²⁰⁵, чего японское военное ведомство предоставлять по-прежнему не желало. Вопрос о компенсациях отпал сам собой.

Третьим сюжетом стал общий план отправки регулярных войск микадо на помощь Франции, реанимированный в странах Антанты фактом взятия японцами Циндао. В начале декабря 1914 г. на заседании парижского кабинета министров французский премьер заявил, что в сложившейся ситуации в призывании японских войск в Европу видит единственное средство спасения Франции от разгрома, причем согласен «уплатить за их помощь любую цену», включая Индо-Китай²⁰⁶. В соответствии с принятым Советом министров решением, глава французского внешнеполитического ведомства Т. Делькассэ тут же обсудил этот вопрос с русским послом А.П. Извольским и поручил своему послу в Петрограде М. Палеологу вновь попытаться сговориться на тот же предмет с министром Сазоновым²⁰⁷. В контексте привлечения сухопутных сил Японии на французский театр Делькассэ вернулся и к идее тройственного – русско-англо-японского – политического соглашения на основе охраны прав этих держав в Азии. Одновременно во французской прессе замелькали проекты сокрушения германской мощи призыванием на европейский театр от 400 до 800 тысяч японских солдат (численность всей сухопутной армии микадо военного времени, по русской оценке, в то время не превышала 825 тысяч²⁰⁸). Однако твердость, с которой в Токио раз за разом отклоняли ходатайства союзников²⁰⁹

дипломатов. – См.: АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1868. Л. 75 (шифрованная телеграмма Кудашева в МИД с изложением мнения Янушкевича. Ставка, 13/26 ноября 1914 г. № 204) и л. 121 об. (личное письмо Самойлова советнику IV-го политического отдела МИД Г.А. Козакову. Токио, 11/24 апреля 1915 г.).

²⁰⁴ Инструктируя посла Крупенского по вопросу об этих компенсациях, министр иностранных дел указал, что за счет самой России они абсолютно исключены и, если все-таки потребуются для приобретения японской тяжелой артиллерии, могут быть предоставлены японцам в Китае, «притом с расчетом, чтобы этим не нарушались существенные интересы наши или наших союзников». – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 96. Л. 35. – Шифрованная телеграмма министра иностранных дел Н.Н. Покровского Крупенскому. Петроград, 4/17 января 1917 г. № 51).

²⁰⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1873. Л. 26. – Секретное отношение за военного министра генерала А.А. Маниковского министру иностранных дел П.Н. Милюкову. Петроград, 16/29 марта 1917 г. № 2280.

²⁰⁶ Цит. по: *Григорцевич С.С.* Дальневосточная политика империалистических держав. С. 485.

²⁰⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1866. Л. 17. – Шифрованная телеграмма посла А.П. Извольского Сазонову. Париж, 27 ноября/11 декабря 1914 г. № 661.

²⁰⁸ По утверждению представителя японской армии в русской Ставке генерала М. Накадзима — не более 600 тысяч.

²⁰⁹ Единственный известный нам случай, когда правительство Японии как будто согласилось сформулировать ответные требования союзникам на их домогательства о отсылке японских войск в Европу, относится к январю 1915 г. На секретном совещании представителей стран Антанты в Лондоне французский посол П. Камбон, со слов своего токийского коллеги Э.-Л. Реньо, сообщил, что Токио готов выполнить это пожелание союзников при условии неприкосновенности Китая (и участия Японии в тамошних экономических предприятиях на равных основаниях с западными великими державами), получения 80-миллионного (в фунтах стерлингов) кредита и положительного решения вопроса о японской иммиграции в английские колонии. Но сделка не состоялась. Российский посол в Лондоне Бенкендорф известил министра Сазонова, что наибольшие возражения Великобритании вызвал заключительный, третий, пункт этих условий (См.: Телеграмма Бенкендорфа Сазонову. Лондон, 28 декабря 1914 г./10 января 1915 г. № 846 // МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 2. С. 342-343). Посол Малевский в искренность согласия Токио направить свои войска в Европу на изложенных выше условиях вообще не поверил. «Японцы едва ли удовлетворятся финансовой поддержкой, расширением экономических их интересов в Китае и

(заключение русско-англо-японского политического соглашения по азиатским делам не устроило Лондон), уже в начале 1915 г. привела Малевского к выводу о несбыточности всяких надежд на этот счет. «У Японии гораздо более широкие планы и аппетиты, – докладывал своему министру русский посол. – [...] Она хранит свою армию вместе с оружием для более близких ей целей, тесно связанных с ее национальными интересами»²¹⁰.

Статьи высокопоставленных японских военных в февральском (1915 г.) выпуске журнала «Тайо» подвели итог многомесячной дискуссии японской печати на ту же тему. Газета «Ямато» и журнал «Гайко-Дзихо» явились единственными крупными печатными органами, которые в ходе этой полемики настаивали на отправке японского экспедиционного корпуса на европейский театр²¹¹. Японские генералы с цифрами в руках доказывали, что снаряжение и доставка в Западную Европу даже 200-300-тысячного контингента затянется на год и потребует огромных трат (4-5 млрд иен) и транспортного флота в 1,8 млн тонн, которыми Япония не располагает. Вдобавок они не исключали, что великие державы, одержав, благодаря Японии, победу над Германией, все равно отведут ей «последнее место при разделе добычи». Наконец, по мнению генералов, «Японии вовсе невыгодно наживать себе в [лице] Германии непримиримого врага», особенно теперь, когда та уже вытеснена с Дальнего Востока²¹². В общем, для общественного мнения Японии этот номер «Тайо» превратился в «похороны» вопроса об отправке японских войск в Европу – именно так редакция журнала и озаглавила упомянутую подборку генеральских статей. Усилия многоопытного французского журналиста Гастона Леру, который в сентябре 1915 г. явился в Токио специально для пропаганды активного вмешательства Японии в европейскую войну, оказались тщетными. Не имели успеха ни попытки высшего французского командования подтолкнуть своих русских коллег к действиям в том же направлении²¹³, ни беседы о желательности участия японских сухопутных сил в войне, которые с русским послом продолжал регулярно вести французский министр иностранных дел²¹⁴. Косвенным результатом провала «японского» плана союзников явилось то, что в дальнейшем ряды французской армии были

допущением японской эмиграции в британские колонии, – предрекал он. – Япония в случае если и согласилась бы послать свои войска в Европу, пойдет на это не иначе, как при уверенности в получении территориальных выгод, на что были ясные намеки в печати. Во всех случаях ее выступление в Европе могло бы состояться лишь при условии пересмотра ее союзных соглашений с Англией и развития ее политических договоров с Россией и Францией». – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 1 – 1 об. – Шифрованная телеграмма Малевского-Малевица в МИД. Токио, 1/14 января 1915 г. № 1.

²¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 17 (шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 22 января/4 февраля 1915 г. № 22). М. Кадзима утверждает, что 11 апреля 1915 г. Россия потребовала, чтобы «японский экспедиционный корпус взял на себя ответственность за сектор Западного фронта в составе британских войск» (*Kajima M. The Emergence of Japan*. P. 234). Ссылки на какие-либо документы японский историк при этом не дает, а нам подобные требования в материалах российских архивах не встречались.

²¹¹ Ямато. 12.11.1914; Гайко-Дзихо. Ноябрь 1914 г. (статья доктора права *Арига Нагао* «К вопросу об отправке Японией войск в Европу»).

²¹² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 70. – Секретное донесение Малевского Сазонову (Токио, 11/24 февраля 1915 г. № 13) с изложением содержания февральского (1915 г.) номера журнала «Тайо».

²¹³ Например, осенью 1916 г. французский верховный главнокомандующий телеграфировал начальнику штаба русской Ставки, что готов его поддержать, «чтобы добиться отправки по меньшей мере одного японского корпуса на русский фронт, если бы он признал проект этот осуществимым» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1431. Л. 159. – Перевод на русский язык телеграммы генерала Жоффра генералу Алексееву в Ставку. Главная квартира французских армий. 21 сентября/4 октября 1916 г.). К слову сказать, сами японцы считали, что появление на европейском театре лишь одного их корпуса в 40-50 тысяч штыков не имело смысла и «ни к чему бы не привело». – АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 925. Т. 2. Л. 81. – Из речи бывшего министра иностранных дел виконта Т. Като на предвыборном митинге в Нагоя. Ноябрь 1917 г.

²¹⁴ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1862. Л. 32. – Шифрованная телеграмма Извольского Сазонову. Париж, 27 ноября/10 декабря 1915 г. № 661.

пополнены полумиллионом арабов и африканцев, выходцев из Сенегала, Мадагаскара, Алжира, Туниса²¹⁵.

На последующих межправительственных совещаниях Антанты Франция продолжала добиваться японских подкреплений. Так, в феврале 1917 г. на межсоюзнической конференции в Петрограде французский министр колоний Г. Думерг предложил союзникам настоять на отправке японских войск к берегам Персидского залива, что, по его мнению, имело бы решающее значения для разгрома Турции и даже могло бы «разрушить планы Германии относительно установления своего господства на Ближнем Востоке»²¹⁶. Вскоре глава Форин офис через посредника, военного обозревателя газеты «Times», попытался склонить Россию и Японию к прямым переговорам о посылке японского экспедиционного корпуса на русский фронт²¹⁷. Соображения о привлечении японской регулярной армии к действиям союзников на европейском сухом пути порой посещали и русское военное руководство²¹⁸, но, как и предсказывал Малевский, безуспешно. В октябре 1917 г. в связи с очередным всплеском интереса к подобному плану французской прессы преемник Малевского В.Н. Крупенский, ссылаясь на многих «государственных людей» в Токио, констатировал, что «японское правительство уже давно бесповоротно решило этот вопрос в отрицательном смысле и своего отношения к делу не изменит»²¹⁹. Характерно, что теперь такие прогнозы разделяли не только британский, но и французский «сотоварищи» русского посла. Осенью 1917 г. токийский Генштаб в специальном секретном докладе своему правительству подтвердил, что результаты японской военной экспедиции в Европу не сопоставимы с сопутствующими ей расходами и жертвами, а само предприятие такого рода противоречит курсу Японии на поддержание своих вооруженных сил в состоянии, способном выдержать будущее соперничество с великими державами в Китае²²⁰. Отголоском таких настроений японского командования стали публичные рассуждения генерала Кусуносэ Сачихико о том, что союзнический долг Японии следует толковать как продолжение военных поставок странам Согласия, а отнюдь не в виде присутствия своих солдат в Европе²²¹. Большая часть японской прессы согласилась с точкой зрения этого отставного военного министра своей страны.

В первой половине 1918 г. державы Антанты и вновь по инициативе Парижа, но уже, разумеется, без участия Кремля, в очередной раз попытались побудить Японию направить свой экспедиционный корпус — на этот раз в Россию для восстановления ее антигерманского фронта. На этот раз Токио в принципе согласился послать от 250 до 400 тысяч солдат, но не в Европу, а для того только, чтобы «нейтрализовать австро-германское влияние к востоку от Иркутска» (имелось в виду искоренить отряды

²¹⁵ *Пегушев А.М.* Первая мировая война и колониальный мир: ретроспектива с учетом этнофактора // Первая мировая война. Пролог XX века / Под ред. В.Л. Малькова. М., 1998. С. 409.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 797. Л. 8 об. -9. — Всеподданнейший доклад министра иностранных дел Н.Н. Покровского о работах союзнической конференции в Петрограде.

²¹⁷ *Morley J.W.* The Japanese Thrust. P. 29. В своих воспоминаниях К.Д. Набоков, поверенный в делах России в Великобритании, сообщает, что об изложенном ему плане «некоторых военных авторитетов в Лондоне» направить 200 тыс. японских солдат на русский фронт он летом 1917 г. известил Петроград, «но идея эта встретила отпор со стороны нашего верховного командования и движения не получила». — *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 219.

²¹⁸ Так, осенью 1916 г. начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев в беседах с руководителем своей дипломатической канцелярии неоднократно высказывал мысль о привлечении японского корпуса на македонский фронт немедленно, либо в ближайшем будущем, куда союзники по Антанте упорно добивались направить русские войска. — Письма Базили Нератову. Ставка, 15/28 сентября и 4/17 октября 1916 г. // Красный архив. 1928. № 29. С. 15, 34.

²¹⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1861. Л. 367. — Шифрованная телеграмма Крупенского министру иностранных дел М.И. Терещенко. Токио, 3/16 октября 1917 г. № 439.

²²⁰ *Morley J.W.* The Japanese Thrust. P. 30.

²²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3519. Л. 25-25 об. — Изложение содержания газетной статьи генерал-лейтенанта С. Кусуносэ.

военнопленных немцев и австрийцев, якобы вооруженных большевиками)²²². Но и этот план лопнул – в первую очередь, из-за противодействия Соединенных Штатов, которые устами своего президента расценили его как «опасную химеру». В специальной ноте странам Антанты от 5 марта 1918 г. правительство США подтвердило свой прежний взгляд, согласно которому японская интервенция в Сибирь способна лишь усилить «реакционные и экстремистские силы» в России и заставит ее общественное мнение еще больше «отвернуться от Запада»²²³. В результате долгих переговоров было решено, что военная экспедиция в Восточную Сибирь будет носить не исключительно японский, а совместный, общесоюзнический характер.

В годы мировой войны основные военно-политические усилия Японии были нацелены на расширение своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В результате к западу от Урала появились лишь небольшие группы японских военных специалистов (артиллеристов и водолазов), а также несколько десятков наблюдателей и других официальных представителей японских вооруженных сил. В боевых действиях на сухопутном европейском театре большинство из них участия не принимало. Японские военнослужащие, командированные в Европу, лишь внимательно наблюдали за боевыми операциями и тщательно изучали опыт ведения войны. «Япония, – докладывал осенью 1917 г. из Токио русский военный атташе, – не бесцельно следила за ходом европейской войны, пропустив несколько сот своих офицеров через штабы и войсковые части всех союзных армий; опыт войны, профильтрованный тщательным изучением и сопоставлением и систематизированный особыми комиссиями, дал достаточно данных японскому Военному министерству как отправная точка для выработки программы переконструирования армии, перевооружения ее и снабжения всевозможными средствами техники, выдвинутыми войной»²²⁴. В 1917 г. один из руководителей Артиллерийского департамента Военного министерства выступил в газете «Осака Майнити» с обширной статьей, в которой, основываясь на опыте европейской войны, указал на «невероятное количество» снарядов и взрывчатых веществ, потребных для успеха современных боевых операций, и призвал уже в мирное время развивать соответствующие отрасли японской промышленности, загодя думая об обеспечении их сырьем.

²²² По данным русского военного ведомства, из 1,96 млн германских, австрийских, турецких и болгарских пленных офицеров и солдат (1,74 млн из них были подданными Австро-Венгрии), которые осенью 1917 г. находились на русской территории, в Омском, Иркутском и Приамурском военных округах их содержалось около 260 тысяч (257 688 человек, из них в Иркутском и Приамурском округах — немногим более 50 тысяч. Подсчитано нами по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1462. Л. 28-29. «Сведения о числе военнопленных в военных округах» и «Сведения о числе военнопленных, взятых с начала войны по 1 сентября 1917 г.». 18/31 октября 1917 г.). Примерно такую же цифру военнопленных (200 тысяч человек) в феврале 1918 г. называл французский генконсул в Иркутске, отмечая при этом, что пленные австро-германцы отчасти имеют оружие и физически находятся в «хорошем состоянии». Французский дипломат не исключал, что, будучи освобождены и поголовно вооружены, эти пленные способны взять под контроль обширные территории Сибири и, таким образом, сыграть роль «обменного фонда» держав германского блока «в момент, когда они начнут переговоры с Японией» (Депеша генконсула А. Буржуа послу Франции в Петрограде. Иркутск, 16 февраля 1918 г. № 9 // Красный архив. 1929. Т. 3 (34). С. 145). Последующие передвижения японских войск по Сибири настолько тревожили германское командование, что в конце 1918 г. сведения и даже слухи на этот счет немецкая контрразведка целенаправленно собирала среди беженцев из советской России сразу после пересечения ими границы. – См.: *Друцкой-Соколинский В.А., князь*. На службе Отечества. С. 403.

²²³ *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М., 1997. С. 23; *Stevenson D.* The First World War. P. 210-211.

²²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3519. Л. 8.

Глава IV. Миссии великого князя Георгия Михайловича и принца Кан-ин

Военные представители Японии продолжали находиться в Ставке русского верховного главнокомандующего и после принятия этого поста Николаем II в конце августа 1915 г. и перебазирования самой Ставки из Барановичей в Могилев. Как и его августейший предшественник, император ежедневно общался с делегатами союзных армий за обеденным столом, а также (и это была уже новация) в своем рабочем кабинете во дворце местного губернатора — как правило, после оперативного доклада начальника своего штаба. Изменился и стиль общения с иностранцами — он стал более откровенным, открытым. «Государь с ними вошел в непосредственный контакт, советуясь с ними и обмениваясь мнениями, — сообщал дипломатический чиновник при Ставке князь Кудашев министру Сазонову. — Генералы от этого в восторге, и это понятно, ибо при великом князе они говорили только с Янушкевичем, так как великий князь, кажется, из осторожности избегал откровенностей с ними»²²⁵. По наблюдению Могилевского вице-губернатора, японские офицеры, состоявшие при Ставке, «работали не покладая рук», «все видели, все замечали и все добросовестно изучали». Бегло говоривший по-русски глава японской военной миссии как постоянный сосед князя Друцкого за царскими трапезами имел обыкновение подробно (и по заранее составленному вопроснику!) расспрашивать его о вещах, на первый взгляд, войне посторонних — об устройстве губернских земско-городских учреждений и ходе столыпинских аграрных преобразований, об институте земских начальников и волостном суде. И вице-губернатор, не испытывая к японскому генералу ни «малейшего недоброжелательства», старался как можно более точно и ясно удовлетворить любопытство своего собеседника. «Качественный состав остальных пребывавших тогда в Могилеве иностранных военных миссий, — утверждал князь Друцкой, — был, на мой взгляд, значительно слабее и легковеснее японской»²²⁶.

В Ставке верховного главнокомандующего с момента ее образования в августе 1914 г. был введен порядок, согласно которому каждый иностранный военный наблюдатель прикомандировывался к штабу конкретной русской боевой части лишь однажды, сразу до конца войны, и только если давал слово офицера «не отправлять никаких корреспонденций и писем о военных действиях» без предварительного просмотра военной цензурой, как личных, так и служебных и тем более зашифрованных²²⁷. В противном случае иностранный офицер рисковал не только не попасть на фронт, но и быть высланным из России. С появлением Николая II на посту верховного главнокомандующего представители союзных армий стали чаще и свободнее перемещаться из одного армейского штаба в другой. Они были официально признаны «заслуживающими полного доверия» и начали заметно лучше информироваться — регулярно получать карты военных действий, еженедельные секретные сводки сведений о противнике, составленные в штабе Ставки, в ГУГШ, в штабах фронтов и в Морском Генеральном штабе, а также открытые материалы — обзоры зарубежной прессы, подготовленные в высших штабах, сообщения для печати верховного главнокомандующего и периодические издания фронтовых штабов²²⁸.

Бытовые условия представителей союзных армий при Ставке также улучшились. Они получили возможность сменить походное обиталище в поезде главковерха на более

²²⁵ Письмо Кудашева Сазонову. Могилев, 28 августа/10 сентября 1915 г. // Красный архив. 1928. № 27. С. 56.

²²⁶ Друцкой-Соколинский В.А., князь. На службе Отечеству. С. 82-84.

²²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1426. Л. 130 (телеграмма генерал-квартирмейстера штаба Ставки Ю.Н. Данилова в Белосток начальнику штаба Северо-Западного фронта генералу В.А. Орановскому. Ставка, 13/26 августа 1914 г. № 3300. Секретно. По прямому проводу) и л. 131 (того же содержания — в Ровно начальнику штаба Юго-Западного фронта генералу М.В. Алексею за № 3299).

²²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1429. Л. 15-15 об. — Рапорт штаб-офицера для делопроизводства и поручений при штабе верховного главнокомандующего полковника П.А. Базарова генерал-квартирмейстеру штаба Ставки генералу М.С. Пустовойтенко. Ставка, 27(14) сентября 1914 г. № 12.

комфортное съемное городское жилье, обзавестись аппаратами помощников (почему с тех пор стали именоваться «военными миссиями») и гражданской прислугой. Иностранцев офицеров разместили вместе с собственными (русскими) штабистами в одной из лучших могилевских гостиниц «Бристоль», освобожденной от обычных постояльцев и наново отремонтированной. У самих сотрудников Ставки рядовые члены японской военной миссии не оставили сильных впечатлений – вероятно, те попросту затерялись в толпе служащих Ставки, число которых при новом верховном увеличилось с 60 сразу до 250-300 человек. «Ставка потеряла свой прежний походный характер, – вспоминал генерал Ю.Н. Данилов увиденное в Могилеве после годичного перерыва летом 1916 г., – и превратилась в крупный бюрократический центр. Офицеры и чиновники штаба жили в Могилеве семьями, с женами и детьми»²²⁹. У штабистов появился досуг, который они заполняли светскими развлечениями, театром и кинематографом. В памяти адмирала А.Д. Бубнова, например, японцы запечатлелись поклонами и почтительным «шипением» при встречах с адмиральской четой именно в ложе городского театра (чем всякий раз пугали адмиральшу)²³⁰.

В январе 1915 г. Дз. Оба был произведен в генерал-лейтенанты и в феврале отозван в Японию командовать дивизией, пробыв, таким образом, в русской Ставке менее полугода. Скупой на похвалы русский верховный главнокомандующий, засвидетельствовав японцу «особое уважение», расстался с ним «с сожалением»²³¹. Ему на смену Токио направил в Ставку 45-летнего генерал-майора Накадзима Масатакэ, который прибыл в Барановичи в середине марта 1915 г. В 1910-1911 гг., еще будучи полковником, Накадзима состоял военным атташе в Петербурге, а непосредственно перед новым назначением в Россию в 1915 г. занимал пост вице-директора Бюро военной статистики Военного министерства. «Ветерану» Ставки, протопресвитеру армии и флота, этот японский офицер запомнился участием в застольных шалостях 11-летнего цесаревича Алексея, наследника русского престола²³², а журналисту М.К. Лемке — как уехавший на коронационные торжества в Токио во время ознакомительной поездки иностранцев по русским военным заводам в конце 1915 г.²³³

Самое яркое воспоминание, которое генерал Накадзима оставил по себе после годичного пребывания в Ставке, был совет русскому императору направить в Японию личного представителя, данный незадолго до своей упомянутой отлучки на родину. Николай II на удивление быстро согласился: «Решил послать Георгия в Японию», – записал он в дневнике 12 декабря (29 ноября) 1915 г.²³⁴, имея в виду великого князя Георгия Михайловича – старшего из своих родственников, состоявших в Ставке при его персоне. Великому князю надлежало поздравить молодого японского императора с коронацией, благодарить за помощь в снабжении русской армии и тем, по словам князя Кудашева, «создать почву для более успешного ведения переговоров о поставках нам из Японии предметов военного снаряжения»²³⁵. Особый вес поездке Георгия Михайловича

²²⁹ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. Пер. с фр. М., 2000. С. 204.

²³⁰ Бубнов А.Д. В царской ставке. М., 2008. С. 122-123.

²³¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1109. Л. 7. – Телеграмма Кудашева Козакову в МИД. Ставка, 10/23 января 1915 г. № 24.

²³² о. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 363.

²³³ Лемке Мих. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). СПб., 1920. С. 274. Приказ своего правительства состоять при русском великом князе в ходе его поездки в Японию генерал Накадзима получил по телеграфу, в поезде, по пути на Дальний Восток.

²³⁴ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 560.

²³⁵ Письмо Кудашева Сазонову. Царская Ставка, 1/14 декабря 1915 г. // Красный архив. 1928. № 28. С. 20. Историк Э.А. Барышев высказал предположение, что дальневосточная командировка великого князя стала плодом намерения маршала Ямагата побудить Токио к началу дипломатических переговоров с Петроградом, для чего ему, якобы, понадобилось «заманить» в Японию влиятельного представителя российских политических кругов» (которым, добавим от себя, Георгий Михайлович в действительности не являлся; к тому же русского представителя для этого вовсе не требовалось куда-либо «заманивать» – с не меньшим успехом переговариваться можно

придавало то, что это было первое поздравление нового микадо с коронацией от европейского монарха и первый же визит в Японию представителя русского императорского дома после русско-японской войны 1904-1905 гг. С начала мировой войны в токийских коридорах власти российским представителям не раз давали понять, что дело военных поставок можно сильно двинуть вперед прямым обращением Николая II к микадо. Сверх того, царь поручил Георгию Михайловичу посетить сибирские и дальневосточные лагеря немецко-австрийских военнопленных (что характерно — без предварительного оповещения об этом местных властей). Осмотрев несколько таких лагерей по пути из Японии домой, великий князь и его свита смогли воочию убедиться в весьма гуманном обращении в России со взятыми в плен.

Если верить тому же Кудашеву, для Георгия Михайловича, далекого от политики 52-х летнего хлебосола, гурмана и нумизмата, на протяжении 20 лет управляющего Русским музеем, «высочайшее» поручение отправиться в Японию стало полной неожиданностью²³⁶. По свидетельству другого осведомленного современника, этот великий князь «отличался добродушной простотой и доступностью в обращении со всеми [...] В нем не было ни тени какого-либо высокомерия и чванства принадлежности к “высочайшим особам императорской фамилии”»²³⁷; «наиболее русский по душе, прямой и добрый человек», — отзывался о нем долго наблюдавший его в Ставке протопресвитер армии и флота²³⁸. Министру Сазонову великий князь без обиняков объявил, что пришел к убеждению, что ему поручена лишь «внешняя сторона этого чрезвычайного посольства, то есть оказание японцам внимания с целью снискать их расположение», а политических вопросов он не должен касаться вовсе, «не считая себя подготовленным к обсуждению таковых»²³⁹. Сазонов вполне согласился с подобной трактовкой задач великого князя как главы делегации.

Проконсультировавшись по поводу предстоящей поездки в МИД и получив прощальную аудиенцию в Царском Селе, 28 декабря 1916 г., напутствуемый сотрудниками японской дипломатической миссии во главе с послом Мотоно, в собственном салон-вагоне Сибирского экспресса Георгий Михайлович отправился в путь, и уже 12 января 1916 г. в токийском дворце микадо состоялся его парадный прием. Отвечая на приветствие японского императора, августейший посланец Николая II благодарил за радушную встречу и заверял, что «проявленное со времени настоящей войны сочувствие к России со стороны правительства и народа Японии оставит неизгладимые следы в истории дружеских отношений между соседними странами»²⁴⁰. За обеденный стол великий князь и члены его свиты, по словам одного из них, уселись уже «декорированными японскими звездами, солнцами и крестами»²⁴¹. При всей высокой статусности визита внешне чествование Георгия Михайловича порой приобретало комические черты. «Весь японский двор с императором во главе, — вспоминал очевидец, — поражались его росту, и каждый хотел постоять с ним рядом, чтобы лучше

было в российской столице через посла Мотоно как открытого и убежденного сторонника русско-японского сближения, что вскоре и произошло). По логике Барышева, генерал Накадзима, таким образом, выступил в русской Ставке орудием тонкой интриги японского маршала (*Барышев Э.А. Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г. С. 252-254*). Впрочем, тут же историк признает, что ему не известно, была ли согласована «великокняжеская» инициатива Накадзима с самим Ямагата, что с неизбежностью рушит всю предложенную им версию. Сказанное, однако, нисколько не ставит под сомнение отмеченную выше приверженность князя А. Ямагата союзу с Россией.

²³⁶ Письмо Кудашева Сазонову. Царская Ставка, 1/14 декабря 1915 г. // Красный архив. 1928. № 28. С. 19.

²³⁷ ОР РГБ. Ф. 307 (воспоминания генерала Е.З. Барсукова). Папка 6. Д. 2. Л. 177.

²³⁸ о. *Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. С. 340.

²³⁹ Дневник Министерства иностранных дел. Запись от 3/16 декабря 1915 г. // Красный архив. 1928. № 31. С. 46-47.

²⁴⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 84. Л. 331. — Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 30 декабря 1915 г./12 января 1916 г. № 546.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5787 (проф. Н.М. Могилянский). Оп. 1. Д. 22. Л. 64. В гостях у микадо (дневник).

почувствовать разницу»²⁴². Разумеется, широко обменивались обещаниями и подарками – преимущественно, в виде наград, причем не только генералитету, придворным и сановникам. Так, осмотрев морской арсенал (сталелитейный и снарядно-орудийный завод с 20-ю тысячами рабочих) в Курэ, великий князь, по донесению сопровождавшего его русского военно-морского агента, «соизволил благодарить чинов и рабочих за старательное выполнение наших заказов [и] раздать рабочим 30 медалей за усердие»²⁴³. Триумфаторов взятия Циндао генерала Камии и вице-адмирала Като Томосабуро Георгий Михайлович увенчал орденами Св. Владимира 2-й степени с мечами, а престарелому маршалу А. Ямагата вручил орден Св. Александра Невского с бриллиантами. Приобретенные членами великокняжеской делегации в Японии книги, научные и художественные коллекции, подарки, полученные от японцев, а также фотоснимки заморских достопримечательностей собственного изготовления позднее пополнили собрание этнографического отдела Русского музея столицы и его библиотеку. Омрачила поездку великого князя только совпавшая с ней тяжелая болезнь военного атташе В.К. Самойлова, в помощь которому, особенно по военным заказам, из Китая еще в октябре 1915 г. был выписан полковник Н.М. Морель. «Горловая чахотка» свела Самойлова в могилу 14 февраля 1916 г., и командировка Мореля в Токио затянулась до самого конца 1916 г., когда его сменил полковник В.А. Яхонтов²⁴⁴.

Как и ожидал генерал Накадзима, несмотря на неопытность Георгия Михайловича в дипломатических делах, в общеполитическом плане его поездка вполне удалась. Визит получил в Японии широкий и благоприятный общественный резонанс, будучи, по словам русского посла, приветствован прессой всех направлений «как радостное событие, закрепляющее дружественные между обеими державами отношения»²⁴⁵. С одним микадо русский великий князь за полмесяца пребывания на японской земле встретился пять раз. Министр иностранных дел барон Исии сообщил послу Великобритании в Токио, что после этого отношения между Россией и Японией из дружеских превратились прямо в «сердечные»²⁴⁶. Министр Сазонов в думской речи отметил «особенно предупредительный прием», оказанный в Японии августейшему русскому гостю и его спутникам, заметив, что ныне «последние остатки былых предубеждений» во взаимоотношениях двух стран рассеяны²⁴⁷. В общем, всем казалось, что предвоенный «холодок» русско-японских отношений растаял безвозвратно. 27 января 1916 г. генерал Накадзима вместе с Георгием Михайловичем и его свитой на броненосце «Касима» вернулись на материк. 19 февраля они прибыли в Петроград и 28-го явились в царскую Ставку.

В те же февральские дни (5/18-го числа) посол Мотоно вручил министру Сазонову ноту о согласии токийского кабинета вступить в переговоры с Россией, а 13 марта передал ему же проект документа, который и лег в основу русско-японского союзного

²⁴² *Абрикосов Д.* Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 301. «Рядом с крупной фигурой великого князя, высокого роста ген. Татищева и грандиозной фигурой полковника Г.В. Каховского в императорской стрелковой форме, которая делает его особенно крупным, – зарисовал с натуры один из членов великокняжеской свиты, — микадо и его окружающие кажутся еще миниатюрнее». – ГА РФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 22. Л. 59. В гостях у микадо (дневник Н.М. Могилянского).

²⁴³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4538. Л. 7. – Шифрованная телеграмма капитана А.Н. Воскресенского в Главный морской штаб. Ицукусима, 14/27 января 1916 г. № 798.

²⁴⁴ Яхонтов Виктор Александрович (1881-1978) — Генерального штаба генерал-майор; с 1909 г. офицер органов разведки штаба Приамурского военного округа, с октября 1916 г. военный агент в Японии. В октябре-ноябре 1917 г. помощник военного министра Временного правительства А.И. Верховского, в 1919 г. выехал в США, в 1975 г. вернулся в СССР.

²⁴⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 285. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 4/17 декабря 1915 г. № 469.

²⁴⁶ Телеграмма секретаря по иностранным делам Э. Грея послу в Петрограде Дж. Бьюкенену с изложением телеграммы английского посла в Токио с описанием разговора последнего с бароном Исии. Лондон, 12/25 января 1916 г. № 274. // МОЭИ. Серия III. Т. 10. М., 1938. С. 42.

²⁴⁷ Государственная дума. IV-й созыв. Стенографич. отчеты. Сессия 4-я. Заседание 9(22) февраля 1916 г. Пг., 1916. Стлб. 1245-1246.

договора, подписанного в Петрограде летом 1916 г. В упомянутой думской речи 22 февраля 1916 г. Сазонов, имея в виду только что начатые переговоры, призвал японское правительство «теснее согласовать свои взаимные интересы и надежным образом предохранить себя от общих опасностей», понимая под последними в первую очередь «политическое и экономическое засилье Германии в Китае»²⁴⁸. По мнению русского министра, услуги, которых России следовало в первую очередь добиваться от Японии как отныне полноценной союзницы, должны были по-прежнему заключаться в «широком облегчении нам удовлетворения вызванных войной наших потребностей» в оружии и кредитах²⁴⁹. Русско-японский союз еще не был заключен, а русская пресса либерально-буржуазного направления уже возвестила своим читателям, что «последняя тень былых счетов и недоразумений между Россией и Японией» рассеяна и отношения двух стран вступают в «новую эру дружбы и доверия». Особо подчеркивалось, что в годы текущей войны «с истинным благородством, достойным великой нации, Япония открыто пошла навстречу России»²⁵⁰. С точки зрения общесоюзных интересов немаловажно и то, что русско-японский договор 1916 г., будучи (в своей «открытой» части) вписан в сложившуюся к тому времени систему гласных международных обязательств России и Японии, способствовал упрочению Антанты, явившись дополнительной скрепой франко-русского союза с англо-японским.

Однако в российских военных кругах русско-японский союз и особенно сопутствовавшие ему устные договоренности расценили без тени восторга: имея в виду грядущую продажу Токио южной ветки КВЖД²⁵¹, – как «громаднейшую уступку Японии» и (в виде отдельного укола дипломатического ведомства за чрезмерную сговорчивость) – как результат «всей истории нашей работы на Дальнем Востоке от момента заключения Портсмутского договора»²⁵². Оценки и прогнозы солдатской массы, в то время настроенной резко критически по отношению ко всем союзникам за их пассивность в военных действиях (особенно к англичанам), шли еще дальше. Относительно Японии в окопах поговаривали, что она-де «велит нашим пуце наступать», поскольку в глубине души мечтает ослабить Россию и «выудить от нее выгодные договоры», дабы заполучить сначала русские железные дороги в Китае и Сахалин, а после – и всю Сибирь²⁵³. В

²⁴⁸ Там же. Стлб. 1246.

²⁴⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1865. Л. 71. – Письмо Сазонова председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру. 20 июня/3 июля 1916 г. № 571. Секретно.

²⁵⁰ Русское слово. 2/15.4.1916. № 76 (передовая статья «Русско-японский союз»). После подписания договора о нем, как об «акте исключительной политической важности», писали «Биржевые ведомости» (24.6.1916. № 15638), «Новое время» (24.6./7.7.1916. № 14475), «Русское слово» (24.6.1916. № 145) и другие русские газеты. При этом о недавней русско-японской войне русская пресса отзывалась, как об «одном из крупнейших недоразумений нашего прошлого», «роковой исторической ошибке», «раны» которой, однако, уже «закрылись».

²⁵¹ В текст самого договора этот «железнодорожный» вопрос включен не был. Его подняла японская сторона в ходе предварительного обмена мнений Сазонова с Мотоно «относительно взаимных услуг, которые новые союзники могли бы оказать друг другу». Русское правительство, в принципе не возражая против продажи Японии интересующей ее железнодорожной ветки, указало, однако, что вопрос о ней не входит в его компетенцию и должен стать предметом особого соглашения японцев с Обществом КВЖД как «учреждения частнопроводного характера». – Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 г. М., 2008. С. 445. – Особый журнал Совета министров 27 августа и 14 сентября 1916 г. «По вопросам, возникающим в связи с заключенным 20 июня 1916 г. между Россией и Японией политическим соглашением» с одобрительной резолюцией Николая II.

²⁵² АВПРИ. Ф.150. Оп. 493. Д. 1865. Л. 131 (сообщение секретного сотрудника в Японии в ГУГШ о японо-русском союзе. В копии представлено ГУГШ в IV-й отдел МИД 2/15 августа 1916 г.). Особую тревогу у военных вызвала ожидаемая продажа японцам железнодорожного участка Куаньчэнцзы-Лошагоу. И в штабе Иркутского военного округа, и в Генеральном штабе в такой перспективе усмотрели серьезную угрозу для намеченного на случай новой войны с Японией района сосредоточения 1-й Забайкальской армии с риском потери Харбина «в первые же недели» этой войны. – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7788. Л. 4-5. – Доклад начальнику Генерального штаба по ГУГШ. Секретно. 12/25 августа 1916 г. № 12613.

²⁵³ Солдатские письма образца 1916 г., задержанные военной цензурой, цит. по: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника. С. 158.

русских низах и маргинальных слоях очевидно оставался жив прежний, времен русско-японской войны, этнокультурный архетип коварного, вероломного и хищного японца.

По свидетельству посла Крупенского, Япония «искренне пошла навстречу нашему последнему политическому соглашению», вся страна встретила договор «с крайним сочувствием»²⁵⁴. Впоследствии даже англофил и политический оппонент графа Окума, бывший министр иностранных дел Т. Като, став премьером, оформление своим предшественником союзнических отношений с Россией назвал одним из «наиболее крупных достижений» его кабинета²⁵⁵. 8 июля 1916 г., спустя несколько дней после подписания договора, микадо принял решение направить в Россию своего 51-летнего двоюродного брата Кан-ин-но-Мия Котохито. Его поездка состоялась в сентябре-октябре 1916 г. и стала ответом Токио на визит в Японию Георгия Михайловича. В Киеве, в обеих российских столицах и в Царском Селе посланца японского императора встречали столь же торжественно и радушно, как и русского великого князя в Японии прошедшей зимой — салютом, хлебом-солью, почетными караулами и с участием высших гражданских, военных и придворных чинов, руководителей органов местного самоуправления и общественных организаций. Александровский (ныне Белорусский) вокзал Москвы по случаю приезда японского принца был украшен тропическими растениями, а на Царскосельском (ныне Витебском) вокзале Петрограда даже воздвигнута триумфальная арка. По России принц Кан-ин путешествовал под звуки японского и русского гимнов, приветственные возгласы толп встречающих и сенью национальных флагов двух стран. На военной платформе Могилева вместе с почетным караулом Георгиевского батальона 24(11) сентября 1916 г. дальневосточного визитера встречали премьер-министр и министр императорского двора, великие князья, представители дипкорпуса и союзных армий, чины штаба Ставки во главе с генералом М.В. Алексеевым²⁵⁶. На парадном завтраке во дворце Могилевского губернатора Николай II собственноручно прикрепил к генеральскому мундиру высокого японского гостя высший российский орден Св. Андрея Первозванного, отметив в своем тосте «услуги, оказанные японским правительством в деле снабжения моей армии оружием»²⁵⁷. Однако выдвигать в беседах с ним просьбы о новых подобных услугах начальник штаба Ставки (тогда, фактически, — распорядитель всех вооруженных сил российского государства) не рекомендовал²⁵⁸, несмотря на намеки токийского военного ведомства на этот счет, а также то, что японского принца сопровождали личный адъютант микадо генерал от артиллерии Уцияма Кодзиро (в прежние годы дважды бывший военным агентом в России) и полковник-артиллерист Накадзима Мисао.

В развитие недавно подписанного союзного договора и в соответствии с его секретными статьями Петроград и Токио намеревались заключить военную конвенцию. Для переговоров на этот счет и подписания самого документа в состав делегации Кан-ин-но-Мия первоначально предполагалось включить группу высших руководителей армии и флота и в их числе графа Тэраучи, который по этому случаю был удостоен длительной аудиенции микадо. Однако последовавшие консультации показали, что вопрос о послевоенной дислокации русских войск на Дальнем Востоке еще не выяснен, и в Токио согласились с предложением Петрограда отложить заключение конвенции до конца

²⁵⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7788. Л. 3. — Копия депеши Крупенского министру иностранных дел. Токио, 19 декабря 1916 г./1 января 1917 г. Весьма секретно.

²⁵⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75. Л. 43-43 об. — Донесение Крупенского в МИД. Токио, 7/20 ноября 1916 г. № 72.

²⁵⁶ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1431. Л. 22-25. Высочайше утвержденная программа пребывания его императорского высочества принца Кан-ин Японского в России; Новое время. 13(26).9.1916. № 14556 (редакционная статья «Прибытие принца Кан-Ина»).

²⁵⁷ Со своей стороны, японский принц, будучи в России, направил в Тифлис генерала З. Исидзака для вручения бывшему верховному главнокомандующему, а теперь заместнику на Кавказе и главнокомандующему Кавказским фронтом великому князю Николаю Николаевичу ордена Хризантемы. Отправляясь в путь, Исидзака выхлопотал себе разрешение русской Ставки на 10-дневное пребывание в частях этого фронта для посещения «некоторых его участков». — РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1431. Л. 270. — Рапорт полковника Базарова генерал-квартирмейстеру штаба Ставки. Ставка, 21 сентября/3 октября 1916 г. № 667.

²⁵⁸ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1865. Л. 155. — Телеграмма Базили в МИД. Ставка, 15/28 сентября 1916 г. № 1013.

войны. В итоге руководство японских вооруженных сил в планировавшемся масштабе в делегации принца Кан-ин представлено не оказалось — названные офицеры-артиллеристы входили в его свиту²⁵⁹. В общем, если не считать кратких бесед японского принца с премьером Штюмером в Ставке и Петрограде относительно будущей уступки Японии южной ветки КВЖД, его визит в Россию оказался преимущественно ознакомительно-протокольным.

Хотя в Токио Георгий Михайлович также выполнял в основном представительские функции (понимая неуместность прямых просьб из своих уст и следуя совету генерала Накадзима: «Seulement pas un mot des fusils!»²⁶⁰), после подписания союзного договора между Россией и Японией летом 1916 г. японские газеты отметили «содействие его заключению» недавнего приезда посланца русского императора²⁶¹. Политические собеседования вел сопровождавший великого князя руководитель IV-го (дальневосточного) политического отдела МИД камергер Г.А. Козаков, которому министр Сазонов поручил первым делом «подвинуть» переговоры с Токио относительно вытеснения Германии из дальневосточного региона — о нанесении немцам «удара на китайской почве»²⁶². Состоявшийся обмен мнений выявил тождественность взглядов сторон на опасность продолжения экономического и возобновления военно-политического засилья Германии в Китае. Как впоследствии утверждала газета «Русское слово» в статье, очевидно инспирированной МИД, осознание необходимости не допустить превращения Поднебесной в орудие немецкого реванша послужило «основной базой» для русско-японского соглашения, оформленного договором 1916 г.²⁶³ И руководители русского МИД, и русская печать (газеты «Русское знамя», «Голос Руси», «День» и др.) в дальнейшем указывали на оборонительный характер русско-японского союза и подчеркивали его антигерманское острие. В свою очередь, современная описываемым событиям германо-австрийская пресса (Schlesische Zeitung. 8.7. и 13.7.1916; Hamburger Nachrichten. 9.7.1916; Vessische Zeitung. 9.7.1916; Neue Freie Presse. 22.7.1916; Kreuz' Zeitung. 26.7.1916 и др.) в только что подписанном русско-японском договоре усмотрела в основном антибританскую и антиамериканскую подоплеку. Под еще более фантастической шапкой в том же смысле его полный текст в малограмотном переводе с французского в декабре 1917 г. опубликовали советские «Известия»: «Тайное соглашение между Россией и Японией, имеющее в виду вооруженное выступление сообща против Америки и Англии на Дальнем Востоке ранее лета 1921 года»²⁶⁴.

Второй исходной точкой предварительных переговоров Козакова в Токио стал вопрос об увеличении японских военных поставок в Россию. В доверительных беседах с графом Тэраучи и с министром иностранных дел бароном Исии русский дипломат вновь намекнул на возможность продажи Японии в расчете на рост этих поставок участка КВЖД от Чанчуня до р. Сунгари²⁶⁵. Россия в знак признательности за «чрезвычайно любезное

²⁵⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 139, 142, 149, 150. — Шифрованная переписка посла Мотоно из Петрограда с министром Исии в Токио. Август 1916 г.

²⁶⁰ Только ни слова о ружьях! — *фр.*

²⁶¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75. Л. 15. — Донесение Крупенского министру иностранных дел. Токио, 2/15 июля 1916 г. № 44.

²⁶² Козаков Г. Русско-японское соглашение 3 июля 1916 г. С. 60.

²⁶³ Русское слово. 25.6/8.7 1916. № 146. С. 3 (статья без подписи «Россия и Япония»).

²⁶⁴ Известия ЦИК и Петросовета. 6.12.1917. № 244. С. 15.

²⁶⁵ Для русско-японских отношений к тому моменту это был уже далеко не новый сюжет. Первый зондаж о продаже японскому Обществу ЮМЖД железнодорожного участка «Латунгоу-Куанчендзы» в обмен на уступку России 200-300 тысяч винтовок японское правительство провело еще весной 1915 г. через фирму Окура (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4454. Л. 175. — Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Токио, 29 апреля/12 мая 1915 г. № 618). Русский Совет министров рассмотрел такую возможность и, как позднее утверждал Сазонов, принципиально одобрил ее на заседании 28 июня/9 июля 1915 г. под председательством царя (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 98. Т. 2. Л. 673. — Письмо Сазонова Штюмеру. Петроград, 20 июня/3 июля 1916 г. № 571; Особый журнал Совета министров 27 августа и 14 сентября 1916 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 г. С. 444). Состоявшееся решение позволило Сазонову в августе 1915 г. дать понять японскому послу, что «российское правительство было бы готово уступить свою часть Маньчжурской железной дороги в японской сфере влияния»

отношение императорского правительства в вопросе о военных материалах как будто бы намерена нам уступить ветвь Восточно-Китайской железной дороги», – известил министр Исии посла Японии в Петрограде²⁶⁶. В свою очередь, Козаков телеграфировал своему руководству о принципиальном согласии японского правительства в виде ответного дружеского жеста отпустить 20 млн патронов к полумиллиону ружей Арисака, приобретенных к тому времени Россией в Японии и Великобритании²⁶⁷. Таков был ответ японцев на просьбу русского Генштаба немедленно продать 50 млн патронов для «питания» японских винтовок в частях «боевого назначения» ввиду их участия в намеченном вскоре наступлении²⁶⁸. Впрочем, из параллельной секретной переписки министра Исии с послом Мотоно Петроград был осведомлен о готовности Токио («в случае, если Россия действительно согласится на уступку железной дороги между Чанчунем и Харбином») поставить дополнительно 120 тысяч винтовок и 60 млн патронов и, таким образом, с лихвой перекрыть упомянутый запрос русского командования²⁶⁹. Не удивительно, что, по позднейшему признанию генерала М.А. Беляева, ставшего к тому времени военным министром, с тех пор на уступки Японией вооружений и боеприпасов в русском военном ведомстве стали смотреть «как на часть компенсаций, имеемых нами получить за участок Китайско-Восточной дороги, подлежащий передаче Японии»²⁷⁰. Таким образом, японские военные поставки в Россию все больше превращались в разменную монету русско-японских отношений в целом.

Вопрос о продаже России винтовок и артиллерии, в которых по-прежнему остро нуждалась ее действующая армия, за время пребывания в Японии великого князя не продвинулся вперед ни на шаг. Известие об этом неприятно удивило Николая II, однако не смогло поколебать репутацию Японии в Петрограде как «счастливое исключение из всех наших заграничных заказов»²⁷¹. Еще осенью 1915 г. на заседании думской Бюджетной комиссии представители ГАУ свидетельствовали, что заказы их ведомства выполняются в

(Телеграмма посла Дж. Бьюкенена сэру Э. Грею в Лондон. Петроград, 1/14 августа 1915 г. № 1158 // МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. С. 80-81). В сентябре 1916 г. Николай II дал окончательное согласие на продажу японцам части южной ветки КВЖД протяженностью в 96,5 верст («между станциями Куиньчэнцзы и Лао-ша-гоу») и на японское коммерческое судоходство по р. Сунгари (ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 121. Л. 1. – Всеподданнейшая записка Штюрмера. 22 сентября/5 октября 1916 г.). Дальнейшие переговоры на этот счет вращались уже вокруг стоимости железнодорожного участка. Общество КВЖД и стоявшее за ним русское правительство претендовали на сумму в 80 млн руб., впоследствии сниженную до 64-х, затем до 45-ти, а летом 1917 г. – и до 23 млн руб., тогда как японцы соглашались выплатить лишь 10 млн – меньше стоимости его постройки, которая составила 12,6 млн руб. Характерно, что с самого начала российская сторона напрямую связывала эту сделку с вопросом наращивания японских военных поставок России и размещением в Японии очередного российского займа. Теми же условиями Петроград обставлял свою поддержку послевоенных претензий Токио на китайский Шаньдунь и бывшие германские колонии в Тихом океане.

²⁶⁶ Шифрованная телеграмма министра иностранных дел Исии послу в Петрограде Мотоно. Токио, 14 февраля 1916 г. // МОЭИ. Серия 3. Т. 10. С. 206.

²⁶⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 108. Л. 11. – Шифрованная телеграмма Козакова Сазонову. Кобэ, 10 января 1916 г.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 4. Л. 117. – Шифрованная телеграмма генерала М.А. Беляева в Токио, военному атташе полковнику Н.М. Морелю. Петроград, 4/17 января 1916 г. № 393

²⁶⁹ Перевод шифрованной телеграммы министра Исии послу Мотоно в Петроград. Токио, 4/17 февраля 1916 г. // МОЭИ. Серия 3. Т. 10. С. 223 (Примечание).

²⁷⁰ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1873. Л. 13-13 об. (секретное письмо военного министра М.А. Беляева министру иностранных дел Н.Н. Покровскому. Петроград, 25 февраля/10 марта 1917 г. № 1746). По позднейшему признанию современника, в общественном мнении России, как и в ее военных кругах, слухи о грядущей уступке Японии южной оконечности КВЖД в целом произвели неблагоприятное впечатление. Многие усмотрели в них «вымогательство со стороны Японии, пользующейся нашими затруднениями и своим выигрышным положением, чтобы сверх извлеченных из наших заказов прибылей, получить такое ценное приобретение, как участок железной дороги, имеющий громадное политическое, торговое и стратегическое значение». – *Нин-ин*. Японский десант во Владивостоке и общая политика Японии // Международная политика и мировое хозяйство. Двухнедельный журнал. Пг., 1918. № 5. С. 80.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-6173 (генерал Э.К. Гермониус). Оп. 1. Д. 26. Л. 40.

Японии «всегда с высочайшей точностью и добросовестностью» («чего, к сожалению, нельзя сказать о других заграничных поставках, в особенности американских»), и отмечали качество оружия японского производства («тщательность выделки, высокие баллистические свойства»), хотя бы речь шла о бывших в употреблении его образцах²⁷². «Я могу определенно констатировать, – писал ведущий русский оружейный технолог генерал Гермониус, человек, по отзыву осведомленного современника, «безупречный, стоящий выше всяких подозрений в смысле честности и добросовестности»²⁷³, – что такого точного исполнения в отношении качества металла и соблюдения всех размеров, как на казенных заводах Японии, мне не приходилось видеть [...]. Ни на казенных заводах, ни при исполнении заказов на частном рынке в Японии мне ни разу не приходилось слышать жалоб на строгость наших технических условий, о чем постоянно твердили при заказах в других странах. Все наши требования исполнялись беспрекословно. Впечатление было такое, что японцы рады были случаю поднять качественно свое производство, исполняя заведомо строгие требования»²⁷⁴. В отличие от американских и даже французских военных промышленников, наиболее искушенных по части военных поставок России, их японским коллегам не понадобилось много времени, чтобы учесть и другие технические тонкости и особенности русского военного заказа. В середине 1915 г. русское Военное министерство официально одобрило «технические условия, кои приняты на японских заводах», и согласилось контроль качества орудий, снарядов и пороха, изготовленных на японских предприятиях для России, передоверить местным военным властям²⁷⁵. С тех пор компетенция представителей ГАУ в Японии ограничилась приемкой винтовок, ружейных патронов, ручных гранат и артиллерийского оборудования (дистанционных трубок, оптики и т.д.). Контроль принимаемого стрелкового оружия облегчался тем, что с лета 1915 г. японцы, не желая и далее опустошать свои неприкосновенные армейские запасы, поставляли в Россию почти исключительно свежепроизведенные винтовки Арисака по мере их изготовления. «Старых ружей более нет», – телеграфировал Самойлов в ГУГШ в августе 1915 г.²⁷⁶ Главный интендант Д.С. Шуваев, со своей стороны, требовал от посланцев своего ведомства в Токио «отрешиться от мелочных требований в приемках как несоответствующих ни серьезности переживаемого момента, ни достоинству нашей родины» и «идти навстречу» японским сдатчикам «с полным доверием и благожелательностью»²⁷⁷.

«Япония, – не раз констатировал военный министр А.А. Поливанов, – является поставщиком в высшей степени добросовестным и аккуратным. Как японское правительство, так и частные промышленники выполняют заказы хорошо, всегда в срок и несравненно дешевле, чем нам приходится платить в других союзных и нейтральных странах»²⁷⁸. Важным достоинством Японии являлась всесезонность и сравнительная с европейскими морскими путями безопасность доставки ее военных грузов вглубь России, даже несмотря на сверхнапряжение ее транспортной системы лавинообразным ростом импорта из Японии и большие затраты времени для их транспортировки по Сибирской

²⁷² РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1642. Л. 7 об., 5 об. Протокол совещания Бюджетной комиссии Государственной думы для предварительного рассмотрения сметы ГАУ. 9 и 10 ноября 1915 г. Весьма секретно.

²⁷³ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 194.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-6173. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.

²⁷⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1870. Л. 61-62 об. «Памятная записка по поводу пожеланий Военного министерства в отношении приобретения у японского правительства некоторых артиллерийских средств. 15/28 июня 1915 г.». Такая, упрощенная, схема технического контроля устроила и японцев – в демонстративной медлительности и сверхпридирчивости некоторых русских военных приемщиков они подозревали вымогательство мзды.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5801. Л. 15 об. – Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Токио, 20 июля/2 августа 1915 г. № 750.

²⁷⁷ Там же. Л. 20 об. – Копия шифрованной телеграммы генерала Д.С. Шуваева военному агенту в Японии. Петроград, 24 августа/6 сентября 1915 г. № 6261.

²⁷⁸ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 (секретное письмо военного министра А.А. Поливанова Б.В. Штюмеру. Петроград, 12/25 марта 1916 г. № 2857); секретное письмо военного министра А.А. Поливанова С.Д. Сазонову. Петроград, 17/30 января 1916 г. № 670 // МОЭИ. Серия 3. Т. 10. С. 123.

магистрала²⁷⁹. «Японский рынок очень нужен России, и я намерен использовать его в полной мере», — признавал тот же генерал Шуваев, став преемником Поливанова на министерском посту²⁸⁰. И действительно: с каждым следующим месяцем мировой войны коммерческая активность российских военных на японском рынке лишь нарастала при том, что русское правительство, испытывая большие сложности с валютой и стремясь свести к минимуму вывоз золота за рубеж, неоднократно и категорически требовало от военных ведомств ограничить свои заграничные приобретения только «самой крайней необходимостью»²⁸¹. В 1916 г. общая сумма вывоза в Россию из Японии, по сведениям токийского Русско-Японского общества, составила 151,2 млн иен, почти в половину (на 62 млн иен) превысив аналогичный показатель годичной давности²⁸².

В общем, на закупки российских военных в Японии не могут быть распространены замечания военного историка И.И. Ростунова об «огромных трудностях» с доставкой грузов в Россию из-за рубежа и потому «неоправданности» размещения ее военных заказов за границей²⁸³. И в начале общеевропейской войны, и после проведения мобилизации русской промышленности для военных нужд российские власти оставались твердо убеждены, что военные заказы, размещенные в Японии, «имеют настолько существенное значение, что всякое замедление или затруднение в этом отношении неблагоприятно отзовется на снаряжении нашей армии» и успехе ее военных операций²⁸⁴. Опираясь теми же аргументами, русские власти добивались от своих западных союзников более или менее устойчивой финансовой «подпитки» своих военных закупок в империи микадо.

²⁷⁹ Доставка в центр России грузов из Японии в силу ее отдаленности и ограниченной провозоспособности Сибирской дороги, как правило, занимала полтора-два месяца. Для сравнения отметим, что грузы из Великобритании прибывали в Архангельск уже на 10-15-е сутки. Однако дальше следовали задержки и замедления — к началу войны северное побережье России было связано с центром страны узкоколейной железной дорогой, шедшей до Вологды. Сам же Архангельский порт, замерзающий на 5-6 месяцев, имел близ этой узкоколейки лишь одну грузовую пристань, причем деревянную и недостаточно глубокую для приема и разгрузки океанских судов. Железная дорога от вновь построенного порта Романов (нынешнего Мурманска) вошла в строй лишь в начале 1917 г.

²⁸⁰ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3. Л. 220. — Весьма секретное письмо Шуваева Нератову. Петроград, 14/27 сентября 1916 г. № 31/с.

²⁸¹ См., напр.: Особый журнал Совета министров 6 марта 1915 г. «О заграничном по военному ведомству заказе» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 130. Как бы в ответ на скрытый упрек этих требований Совета министров начальник ГАУ в октябре 1916 г. следующим образом охарактеризовал положение дел в частном секторе отечественного машиностроения в военные годы: «Наши машиностроительные заводы [...] с жадностью набросились прежде всего на наиболее “доходные” изделия, а что касается станков, то из них делали и делают лишь те *грубые ходовые типы* [курсив документа. — Авт.], которые служат цели той же легкой наживы. В результате — чуть кому понадобится станок поделикатнее и поточнее, волей-неволей приходится добывать валюту и обращаться за границу [...] За все время войны наше частное машиностроение не построило сколько-нибудь значительного числа точных станков и наша потребность в этом отношении удовлетворяется тою же “заграницей”». — РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 3 об. — Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября/2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно.

²⁸² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7931. Л. 1. Русский же вывоз в Японию в те же годы уменьшился: если в 1915 г. он составил 4,2 млн иен, то в 1916 г. — только 2,87 млн. Похожие тенденции наблюдались в торговых балансах Японии и с другими странами Антанты. По сведениям токийского Министерства финансов, за годы войны стоимость вывоза японских товаров в Англию (включая Канаду и Австралию) возросла с 45 до 93 млн иен, а ввоза оттуда — упала с 136 до 76 млн иен (там же. Л. 3).

²⁸³ Ростунов И.И. Российский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 386.

²⁸⁴ Шифрованная телеграмма Сазонова Бенкендорфу. Петроград, 12/25 сентября 1915 г. № 4756 // МОЭИ. Серия III. Т. 8. Ч. 2. С. 365; АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1872. Л. 7 (письмо Поливанова Сазонову. Петроград, 5/18 января 1916 г. № 105. Секретно); АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 77. Т. 1. Л. 304 (шифрованная телеграмма министра иностранных дел послу в Токио Петроград, 25 марта/7 апреля 1916 г.).

Глава V.

Военные поставки в Россию и их место в японо-русских отношениях

Военные поставки Японии своему северному соседу явились локомотивом и стержнем отношений Петрограда и Токио 1914-1917 гг.; по своим масштабам торговые операции такого рода беспрецедентны в истории отношений двух стран. В августе 1915 г. военный агент в Петрограде Одагири из беседы с начальником русского Генштаба вынес впечатление, будто в ответ на партию в 300 тысяч винтовок Россия готова уступить Японии северный Сахалин²⁸⁵. Продажа южной ветки КВЖД, о которой в бытность в Японии в 1916 г. толковал Козаков, также подразумевала наращивание японских военных поставок. Любой сколько-нибудь важный русско-японский политический или фискальный документ военных лет, будь то таможенный тариф 1915 г. или новый Устав тихоокеанского рыболовства, в той или иной степени принимал в расчет продажу Японией русской армии и флоту стрелкового оружия, артиллерии, кораблей, боеприпасов, снаряжения, амуниции, военных материалов, медикаментов — как номенклатуры и сроков поставок, так и условий и порядка их финансирования. Эти поставки стали серьезным импульсом к развитию военной промышленности самой Японии (начальник ГАУ задним числом фиксировал «сознательную помощь» России такого рода этой стране²⁸⁶), заметно оздоровили ее экспортно-импортный баланс и общее финансово-экономическое состояние.

После войны 1904-1905 гг. среднегодовой торговый оборот России и Японии выражался скромной цифрой в 2 млн иен; предвоенный максимум, достигнутый в 1914 г., составил 13,4 млн — при общем внешнем товарообороте России и Японии в 2,7 и 1,1 миллиардов рублей/иен, соответственно²⁸⁷. Но уже за первый год мировой войны русские платежи Японии только по военным поставкам перевалили за 150 млн, превышение общего японского вывоза над ввозом в 1915 г. составило 176 млн иен. Впервые за много лет внешнеторговый баланс этой страны стал положительным, оставаясь таковым на

²⁸⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 158 (шифрованная телеграмма Одагири военному министру в Токио. Петроград, 28 августа 1915 г.) В Токио искренности этого предложения не поверили, а Петроград поспешил его дезавуировать. Начальник русского Генштаба генерал Беляев, объясняясь по этому поводу с военным министром, утверждал, что в упомянутой беседе с Одагири политических вопросов вообще не касался и под компенсациями Японии имел в виду лишь приобретение там «известного количества изношенного и устарелого вооружения». Об этом МИД немедленно известило японскую сторону. С тех пор уступка Россией северной части Сахалина, о которой прогерманская пресса распускала провокационные слухи с 1914 г., исчезла из повестки русско-японских переговоров. Более того, в русских военных кругах (например, А.Н. Куропаткин в упомянутой всеподданнейшей записке 1915 г.) полагали, что «на путь прочного соглашения с Японией» Россия может стать лишь при условии восстановления русско-японских границ 1903 г., то есть возврата России и южной части спорного острова. Японская печать, однако, продолжала время от времени возвращаться к старому «северо-сахалинскому» сюжету. В итоге в апреле 1920 г. эта часть острова была оккупирована японскими войсками (до 1925 г.). Однако время показало, что в силу своих климатических и вообще природных условий Сахалин не годится для массовой японской миграции. До данных А.И. Деникина, к началу 1930-х гг., то есть по прошествии 25 лет обладания южной его частью, там укоренилось не более 120 тысяч японцев, или седьмая часть ежегодного прироста населения митрополии. Для сравнения: в Южной Маньчжурии за тот же срок осело 180 тысяч японцев, а в Корее — свыше 400 тысяч. — *Деникин А.И.* Русский вопрос на Дальнем Востоке. Париж, 1932. С. 5-7.

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 5 об. (доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября/2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно). Напротив, русский военный атташе в Токио был озабочен бурным развитием военной промышленности Японии и полагал, что проистекающий отсюда «известный вред для наших интересов» можно минимизировать размещением русских заказов на государственных арсеналах, а не в частном секторе японской промышленности — чтобы не создавать стимула к росту последнего. — Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6294. Л. 43 об. — Шифрованная телеграмма Яхонтова в ГУГШ. Токио, 29 апреля/12 мая 1917 г. № 22286.

²⁸⁷

Тодорович Д.Н. (Токио). Японско-русская торговля. Харбин, 1916. С. 25.

всем протяжении мировой войны²⁸⁸. В 1916 г., составив 117,7 млн иен, вывоз в Россию занял третье после США (340,2 млн) и Китая (192,7 млн) место в экспорте империи микадо. Основная часть золотого запаса Японии, хранившаяся в Лондоне (до осени 1915 г. большинство русских платежей по военным заказам в Японии осуществлялось в счет британского кредита и шло через отделение в столице Великобритании полуправительственного Йокогама Специального Банка²⁸⁹), выросла до невиданных прежде 300 миллионов, а в самой Японии — до «выдающихся», по оценке «Japan Times», 170 млн иен²⁹⁰. К концу 1916 г. золотая наличность японского казначейства составляла 710 млн иен²⁹¹, спустя еще год приблизилась к миллиарду, а в 1918 г. достигла уже 1,6 млрд иен²⁹². Таким образом, за четыре военных года золотой запас Страны восходящего солнца увеличился в пять раз.

В конце лета 1915 г. в Токио под председательством помощника военного министра было созвано секретное Особое совещание, призванное выработать меры к увеличению производства стрелкового оружия и боеприпасов на казенных и частных предприятиях для удовлетворения растущих заказов России, энергично поддержанных правительствами других стран Антанты. Не остался в стороне и морской министр Японии, который одновременно предложил русским дипломатам услуги заводов своего ведомства для изготовления орудий разных калибров по русским чертежам²⁹³. В сентябре 1915 г. правительство микадо по итогам работы своего Особого совещания объявило, что способно в течение ближайших пяти лет (до декабря 1920 г. включительно) поставить России 1,9 млн винтовок и около 1,5 млрд патронов²⁹⁴. В ответ российское военное ведомство выразило готовность немедленно инвестировать в расширение казенного военного производства и милитаризацию частной японской промышленности от 10 до 15 млн иен (в счет будущих поставок), но саму инициативу Токио вежливо отклонило — главным образом, по причине отдаленности сроков исполнения контрактов²⁹⁵. К тому же,

²⁸⁸ Ogawa G. and Yamasaki K. The Effect of the World War Upon the Commerce and Industry of Japan. New Haven, Yale University Press, 1929. С 1919 г. внешнеторговый баланс Японии вновь получил отрицательные значения.

²⁸⁹ Русское военно-морское ведомство свои заказы в Японии, как правило, оплачивало через другие банки — Русско-Азиатский либо Гонконг-Шанхайский.

²⁹⁰ The Japan Times. 29.8.1915 (статья «Japan and the Russian Order»).

²⁹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75. Л. 58-59; АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 925. Т. 1. Л. 3 об. — Секретное донесение Крупенского Покровскому. Токио, 2/15 января 1917 г. № 1.

²⁹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3519. Л. 30 об. (краткая сводка сведений по Японии генерал-квартирмейстера ГУГШ по сведениям на 1 октября 1917 г. Петроград, январь 1918 г. Сведения экономического характера); *ген. Н. Головин, адм. А. Бубнов*. Тихоокеанская проблема. С. 37.

²⁹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 173 (шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 3/16 сентября 1915 г. № 302). Дело закончилось заказом японскому Морскому министерству 120 42-хлинейных полевых пушек и 120 тысяч снарядов к ним. Заказ, выполнить который японская сторона обязалась к середине 1917 г., был оформлен через русского морского агента. Сумма сделки составила немногим более 5 млн иен.

²⁹⁴ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 317-318. — Проект контракта, представленный заместителем министра иностранных дел Японии Мацуи Кейсиро Малевскому-Малевичу 8/21 сентября 1915 г.

²⁹⁵ Секретное письмо Поливанова Сазонову. Петроград, 29 сентября/12 октября 1915 г. № 7874 // МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. С. 479. На примере этих переговоров историк А.Л. Сидоров, смешивая размеры военных заказов со сроками их исполнения, поспешил заключить, что «японская промышленность так и не была полностью использована Россией для вооружения своей армии» (*Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). С. 397). Напротив, токийская печать («Ници-Ници») в годы войны утверждала, что «японские арсеналы, заводы и промышленность заняты исключительно русскими заказами» (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1865. Л. 1-б. — Сообщение корреспондента Петроградского телеграфного агентства из Токио, 11/24 февраля 1916 г.). Из донесений русского военного атташе в Японии известно, что для закупок материалов, необходимых для выполнения русских военных заказов, токийский арсенал не останавливался перед отправкой своих представителей в далекие зарубежные командировки, главным образом — в США (см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4455. Л. 3. — Шифрованная телеграмма

«военное ведомство не предполагает совершать перевооружение наших войск японскими винтовками», – отметил военный министр Поливанов в только что цитированном письме Сазонову, намекая, что японские винтовки, в отличие от отечественных трехлинейных, требуются России не в столь грандиозном числе²⁹⁶, а главное – исключительно на время войны, которая, по прогнозам, ни при каких обстоятельствах не могла продлиться еще пять лет. Но исполнения Японией уже подписанных военных контрактов и заключения новых на более щадящие русские интересы сроки упомянутый российский афронт вовсе не отменял. Петроград тут же начал хлопоты о немедленной поставке винтовок Арисака нового образца «в количестве, соответствующем тому, которое должна была бы израсходовать японская армия, если бы она принимала активное участие в сражениях против наших общих врагов»²⁹⁷. В записке, которую министр Поливанов лично передал в Петрограде послу Мотоно в сентябре 1915 г., это количество было определено в 200 тысяч стволов, что составляло тогдашнюю среднемесячную потребность в винтовках русской действующей армии.

В 1915 г. ситуация с ними здесь действительно была близка к катастрофической при том, что с весны этого года державы германского блока именно на русский фронт перенесли центр тяжести своих военных операций. Уже в январе 1915 г. одна винтовка в русских запасных батальонах приходилась на 10-х человек²⁹⁸, в то время как месячную производительность оружейных заводов Российской империи удалось поднять с 55 тысяч винтовок в конце 1914 г. лишь до немногим более 123,5 тысяч год спустя²⁹⁹. «Качество пополнений, в смысле подготовки, ниже всякой критики, так как все это — скороспелки и из-за того же недостатка ружей почти не обучены стрельбе, – докладывал императору верховный главнокомандующий в начале лета 1915 г. – При таких условиях никакая стратегия неприменима. Инициативу забрать в свои руки мы не можем. Приходится ограничиваться парированием ударов. Больно и обидно, что благодаря отсутствию должного количества снарядов, патронов и ружей наши воистину сверхгеройские войска несут неслыханные потери. [...] Считаю, что пока мы не получим должного количества огнестрельных припасов и ружей, рассчитывать на успех нельзя, так как придется ограничиться в общем оборонительного характера действиями»³⁰⁰. Начальник штаба Ставки генерал Янушкевич писал министру Поливанову о снабжении боеприпасами как

Самойлова в ГУГШ. Токио, 25 июня/8 июля 1915 г. № 722 о командировании в США майора Кондо, капитана Мики и инженера Гото).

²⁹⁶

Для сравнения: Тульский, Ижевский и Сестрорецкий оружейные заводы с начала войны и до 1 января 1918 г. в общей сложности произвели 3 575 622 трехлинейных винтовки (ГА РФ. Ф. Р-6173. Оп. 1. Д. 26. Л. 12). Подробнее об экономической политике правительства, состоянии экономики и военной промышленности России в годы Первой мировой войны см.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Китанина Т.М.* Россия в первой мировой войны в 1914-1918 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914-середина 1916. СПб., 2002; *Поликарпов В.В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008.

²⁹⁷

Памятная записка российского министерства иностранных дел послу барону Мотоно. Петроград, 12/25 февраля 1916 г. № 153. // МОЭИ. Т. 10. С. 273.

²⁹⁸

Таковы были усредненные данные по всем сухопутным вооруженным силам. Генерал от кавалерии Г.О. фон Раух свидетельствовал, что в запасных батальонах 6-й Отдельной армии, начальником штаба которой он тогда состоял, в начале 1915 г. «ружей вовсе не было; имелось только по несколько учебных винтовок на батальон, и обучение производилось с палками» (ГА РФ. Ф. Р- 6249 (Г.О. фон Раух). Оп. 1. Д. 9. Л. 11. Мои воспоминания за время Великой войны и революции, 1914-1917 гг.). И это в армии, призванной оборонять столицу!

²⁹⁹

Архив ВИМАИВиВС. Ф. 45р. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об. (копия письма начальника Генштаба генерала М.А. Беляева начальникам штабов армий Юго-Западного и Северо-Западного фронтов. Петроград, 2/15 января 1915 г. № 5); РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1642. Л. 66 (протокол совещания Бюджетной комиссии Государственной думы по смете ГАУ. 19 декабря 1915 г./1 января 1916 г.).

³⁰⁰

ГА РФ. Ф. 601 (Николай II). Оп. 1. Д. 611. Л. 1 об. -2 об. – Всеподданнейший доклад верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. 25 мая/7 июня 1915 г.

«самом кошмарном» вопросе действующей армии, перед которой грядущие сражения поэтому «стоят черным призраком» – нечем воевать³⁰¹.

По данным Ставки, во второй половине 1915 г. недостаток трехлинейных винтовок на Западном, Северном и Юго-Западном фронтах приблизился уже к миллиону (975 тысяч)³⁰². Председатель Госсовета и глава Наблюдательной комиссии при Особом совещании по государственной обороне статс-секретарь А.Н. Куломзин, лично изучив вопрос, пришел к заключению, что очередная острая потребность русской армии в ружьях удовлетворима «только путем обращения к японскому правительству»³⁰³. Однако попытка срочно разместить в Японии заказ на этот миллион винтовок успехом не увенчалась — по уверению японских военных властей, их «дальнейшая выдача» привела бы «к обезоружению японской армии»³⁰⁴. Незадолго перед тем генерал Самойлов известил свое руководство, что в деле снабжения союзников оружием и боеприпасами японское Военное министерство вообще «твердо держится основания не уменьшать боевой готовности [своей] армии, совершенно забывая обязанности союзной державы и считая свою роль в союзе как бы поконченной»³⁰⁵. Не смогли помочь делу ни торжественные заверения Петрограда, что удовлетворением этой его просьбы «японское правительство окажет нам услугу, которая не забудется в России и определит навсегда дружественное Японии направление русской политики», ни готовность русских властей сделать условия этой сделки «возможно выгодными для Японии»³⁰⁶.

Однако в данном случае отказ Токио объяснялся не забвением японцами своего союзнического долга или его нежеланием и дальше крепить отношения с Петроградом. Как мы помним, старых винтовок Арисака, годных к употреблению, у японцев к тому времени уже практически не осталось. Что же касается новых, то, согласно подсчетам британского военного атташе в Японии полковника Сомервиля, с начала их промышленного выпуска в 1906 г. и до 1914 года их было изготовлено никак не более 825 тысяч штук, из которых к середине 1915 г. странам Антанты было продано 230 тысяч. Таким образом, на момент упомянутого запроса России на японских военных складах и в войсках могло находиться лишь 595 тысяч таких винтовок. Иными словами, даже совершенно разоружив собственную армию, немедленно выполнить миллионный ружейный запрос Петрограда Япония была просто не в состоянии. Не имело смысла командировать по этим вопросам в Токио особо уполномоченное авторитетное лицо, на чем настаивал Куломзин. Учитывая производительность японских арсеналов (не более 500 винтовок в сутки), удовлетворение и этого русского заказа грозило во всяком случае затянуться на годы вперед.

В такой ситуации русскому командованию снова пришлось скрести по сусекам. Еще в начале 1915 г. в частях действующей армии были созданы специальные команды для сбора винтовок на поле боя и мобильные мастерские по их ремонту. Летом 1915 г., по инициативе военных, внутренние силы правопорядка были повторно за последние месяцы перевооружены – взамен только что полученных винтовок Арисака, теперь также изъятых для «перволинейных войск», российские полицейские были оснащены

³⁰¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4387. Л. 2. – Письмо Янушкевича Поливанову. Совершенно доверительно. 1/14 июля 1915 г.

³⁰² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1165. Л. 39. – Справка штаб-офицера для делопроизводства и поручений при Штабе верховного главнокомандующего в Штаб. Ставка, 7/20 ноября 1915 г. № 302.

³⁰³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1871. Л. 75-75 об. – Письмо председателя Особого совещания по обороне военного министра Поливанова Сазонову. Петроград, 20 сентября/3 октября 1915 г. № 7629. Секретно.

³⁰⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 156. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 12/25 августа 1915 г.

³⁰⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5388. Л. 2. – Шифрованная телеграмма Самойлова в ГУГШ. Йокогама, 5/18 июня 1915 г. № 688.

³⁰⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1870. Л. 92 об.-93. – Шифрованная телеграмма Сазонова Малевскому. Петроград, 29 июля/11 августа 1915 г. № 3879 с изложением заявления министра японскому послу Мотоно.

винтовками Бердана и более легкими карабинами японского изготовления³⁰⁷. Затем аналогичная операция была произведена относительно конвойных команд, пограничников и рабочих рот, а также запасных и тыловых армейских частей. Одних «берданок» с воинских складов было выдано до 450 тысяч штук. Полученные, таким образом, японские винтовки на этот раз в основном были отправлены на Северный фронт. Ими же почти целиком была вооружена и 6-я Отдельная армия, прикрывавшая дальние подступы к Петрограду и все балтийское побережье, включая Финляндию³⁰⁸. Поскольку к концу 1915 г. японское стрелковое оружие оказалось на вооружении всех трех западных фронтов, в действующей армии начали распространяться типографски изданные инструкции и наставления по обращению с винтовками Арисака³⁰⁹. На них же стали упражнять в стрельбе воспитанников некоторых русских юнкерских училищ.

Однако принятые экстренные меры не меняли ситуацию с оружием в действующей армии по существу. Дипломатические и военные представители стран-союзниц России сообщали своим правительствам об «ужасе повседневной борьбы» русской армии, «в которой артиллерия без снарядов и половина пехоты без винтовок»; по оценке французского посла М. Палеолога, летом 1915 г. русская армия находилась «на том пределе» своих усилий, который предшествует утрате духа³¹⁰. Опасения близости предела «моральной упругости» русского воинства тогда, к счастью, оказались преждевременными. Однако военные неудачи все же не прошли даром — они породили надежды фронтовиков на скорый приток свежих сил либо выступлением на стороне Антанты Румынии, либо переброской с Дальнего Востока на запад нескольких регулярных японских дивизий в обмен на уступку Японии северной части Сахалина. Выдавая желаемое за действительное, в войсках стали поговаривать, что переговоры с Токио на этот счет будто бы уже ведутся³¹¹, а кое-кто уже и видел японцев в тылу «собственными глазами» — «массовая галлюцинация», справедливо заметил по этому поводу командир лейб-гвардии Гренадерского полка, автор цитируемого письма Поливанову³¹². «Создалось такое положение, — писал в июле 1915 г. тому же военному министру главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев, — когда недостаточность притока вновь изготавливаемых ружей заставляет прибегать для покрытия все растущей потребности (в особенности в периоды крупных боев) к собиранию винтовок, что называется, по крохам, беря их отовсюду, где только хотя сколько-нибудь допустимо, и в буквальном смысле по десяткам. Такое положение крайне тягостно. Оно сковывает всякую инициативу в вопросе новых формирований и заставляет начальника лишаться значительной силы, в каковую могли бы, например, обратиться все ополченские части, в настоящее время так разнообразно вооруженные от берданок до японских ружей включительно, не говоря уже о том, что вследствие недостатка в ружьях войска фронта поневоле всегда будут не в полном комплекте»³¹³ (подчеркнуто в документе. — *Авт.*).

Впрочем, на первое по важности место в ряду проблем снабжения действующей армии будущий начальник штаба царской Ставки ставил недостаток даже не винтовок, а

³⁰⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1596. Л. 218. — Письмо за военного министра генерала М.А. Беляева управляющему министерством внутренних дел князю Н.Б. Щербатову. Петроград, 9/22 июня 1915 г. № 14877. Спешно.

³⁰⁸ Там же. Л. 338.

³⁰⁹ См., напр.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 114. Л. 4-4 об. (приказание по XII-й армии № 87 от 17 декабря 1915 г. с приложением «Практических указаний по обращению с винтовками Арисака») и л. 94-95 об. («Практические указания по обращению с винтовками Арисака образца 1897 и 1905 гг.»).

³¹⁰ Цит. по: *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 186, 187.

³¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 21. Л. 138. — Воспоминания В.Е. Флуга «Во главе II армейского корпуса в Великую войну. 1915-1917 г.» (речь идет о фронтовых настроениях весны 1915 г.).

³¹² Цит. по: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939. Т. 2. С. 144.

³¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1951. Л. 13 об. — Личное письмо главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала М.В. Алексеева военному министру генералу А.А. Поливанову. 9/22 июля 1915 г. № 4013. Секретно.

артиллерийских снарядов. «Полевые мортиры уже давно сидят совсем без патронов, – подтверждал эти сведения генерала Алексеева в своем фронтовом дневнике командир II-го армейского корпуса, – легкие пушки не получают гранат и только скудно снабжаются шрапнелями; даже ружейные патроны, которые до последнего времени отпускались без отказа, приказано теперь беречь во что бы то ни стало. Винтовок не хватает: саперы перевооружаются немецкими винтовками, чтобы их ружьями воспользоваться для пехоты». Не удивительно, итожил генерал Флуг, что при таких условиях немцы пользуются «нашей беззащитностью» и «лезут вперед самым нахальным образом». Начиная с весны 1915 г., в ходе «великого» пятимесячного отступления русская армия, потеряв более миллиона человек, оставила Варшаву, Перемышль, Львов, Ивангород, Ломжу, Ковно, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Гродно, Луцк. Было от чего «впасть в патриотическую скорбь»! – признавался сам себе этот боевой генерал³¹⁴.

«Ружейный голод» русских в своих секретных донесениях в Токио свидетельствовал и генерал М. Накадзима. В 1915 г. от имени верховного главнокомандующего ему было официально заявлено: «В распоряжении России имеются солдаты, но нет оружия. Если Япония могла бы нас снабдить опять ружьями, мы сочли бы это за великое счастье»³¹⁵. Накадзима этот запрос поддержал: по его данным, с января по октябрь 1915 г. число винтовок на русском фронте уменьшилось с 1,5 млн до «ужасающих» 600 тысяч, что, по его мнению, было чревато дальнейшими военными неудачами России, а затем и нарастанием внутренней напряженности. В общем, выводил Накадзима, «будущее всей войны зависит всецело» от того, удастся ли «восстановить боевую силу русской армии»³¹⁶. Следуя той же логике, дипломат Исии впоследствии утверждал, что своими военными поставками Япония стремилась поднять боеспособность русской армии, но прежде всего – предотвратить «внутренние потрясения» в России и тем самым «косвенно задержать» ее «стремление к сепаратному миру»³¹⁷. Эти соображения были далеко не беспочвенны – русские полицейские источники фиксировали прямую зависимость общественных настроений в России от состояния дел на фронте³¹⁸. Что касается последствий возможного сближения Петрограда с Берлином, то в подобном повороте русского курса, по компетентному мнению Козакова, в Японии главным образом усматривали опасность возвращения России, под германским влиянием, к прежней политике «территориального расширения» на Дальнем Востоке.

По данным правительств Антанты и русского Генштаба, до конца 1915 г., то есть на протяжении первого года своих военных поставок, Япония продала и отправила в Россию

³¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 21. Л. 154, 169. В своих мемуарах генерал В.Е. Флуг констатировал, что тяжелую артиллерию «хорошего качества и с нормальным числом снарядов» в первый раз он получил в свое распоряжение лишь в конце 1915 г. – к исходу года командования армейским корпусом на передовой. «До того арт[иллер]ия этого вида бывала в моих руках только спорадически и больше для того, чтобы “попугать” противника, чем для нанесения ему действительного вреда, т.к. относительно орудий меня часто предупреждали, что они имеют сильно расстрелянные каналы и могут не выдержать даже десятка выстрелов, а снарядов к ним имелось – “что кот наплакал”. При этих условиях о систематическом употреблении арт[иллер]ии не могло быть и речи». – Там же. Д. 23. Л. 41.

³¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 89. – Шифрованная телеграмма генерала М. Накадзима в Токио товарищу военного министра. Петроград, 15 мая 1915 г.

³¹⁶ Шифрованная телеграмма генерала М. Накадзима в Токио, начальнику Генштаба генералу Ё. Хасэгава. Ставка, 14/27 октября 1915 г. // МОЭИ. Серия 3. Т. 9. С. 80-81.

³¹⁷ Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 84. Начальный зондаж на этот счет Берлин и Вена провели еще зимой 1914/1915 гг., а вскоре через Парвуса (псевдоним А.Л. Гельфанда) немецкое правительство передало большевикам первый миллион марок на «развертывание революционной пропаганды» в интересах скорейшего выхода России из войны. Всего за годы войны Берлин предпринял не менее восьми документально зафиксированных, серьезных попыток склонить официальный Петроград к сепаратному миру. Однако всякий раз русская сторона эти попытки отменяла.

³¹⁸ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой. М., 2009. С. 63.

немногим более 450 тысяч винтовок³¹⁹ — существенно меньше, чем Франция (641 тысяча) и США (657 тысяч), но почти столько же, сколько Италия и Великобритания, вместе взятые (528 тысяч)³²⁰. По вычислениям Э.А. Барышева, к тому времени в русской действующей армии уже почти каждая десятая винтовка была японской³²¹. Авторитетный военный специалист, генерал-фронтовик Н.Н. Головин подсчитал, что в течение 1915 г. Япония суммарно поставила России оружия и боеприпасов на 200 млн иен³²². В начале 1916 г. общая стоимость срочно необходимых новых военных заказов и закупок в Японии, по оценке русского правительства, приблизилась уже к 290 млн иен³²³. Это составляло лишь 11% от тогдашней потребности России в заграничных военных материалах (их суммарная стоимость была исчислена в 2 млрд 567 млн руб.³²⁴), но, одновременно, — более половины всех поступлений государственного бюджета самой империи микадо (557 млн). Иными словами, ёмкость японского рынка приближалась к предельной. Несмотря на это, летом 1916 г. военный министр Шуваев в письме премьеру Штюрмеру, ссылаясь на трудности с «нашими заготовлениями» в Англии и Скандинавии, настаивал на дальнейшем расширении военных закупок в Японии — в тот момент, первоочередно, меди для увеличения производства снарядов на отечественных оборонных заводах³²⁵. Петроград требовал от своего военного атташе отслеживать появляющиеся в Японии изобретения и новинки военной техники для их «использования во время текущей войны»³²⁶. Однако главный интерес в Японии русского военного руководства долгое время концентрировался вокруг тех же вооружений и боеприпасов. Из 2,7 млн винтовок, поступивших в русскую действующую армию на протяжении 1916 г., японской вновь оказалась каждая десятая (271 651)³²⁷; русские военные заводы за тот же год смогли произвести 1,32 млн трехлинеек. Для «питания» вновь приобретенных винтовок Арисака было закуплено 320,6 млн патронов, или почти шестая часть от 1,87 млрд ружейных патронов, поставленных фронту за тот же год (в самой Японии было приобретено 114 млн патронов, а остальные 206,6 млн закуплены в Великобритании, которая наладила их массовое производство).

Нужда русской армии в японских вооружениях, которые поступали по линии ГАУ, утратила остроту только к концу 1916 г., когда отечественные, особенно казенные, заводы

³¹⁹ АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 346/349. Л. 5 (шифрованная телеграмма Бенкендорфа Сазонову с изложением текста секретной телеграммы министра иностранных дел Великобритании (с одобрения министров военного и военных снабжений) английскому послу в Токио. Лондон, 21 ноября/4 декабря 1915 г. № 817). В декабре 1915 г. товарищ военного министра генерал Фукухара сообщал японскому военному атташе в Париже о полумиллионе винтовок, уступленных Японией России с начала войны (Там же. Л. 8).

³²⁰ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. С. 279.

³²¹ Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914-1917 гг.). С. 250.

³²² Ген. Н. Головин и адм. А. Бубнов. Тихоокеанская проблема в XX столетии. Пер. с англ. Прага, 1924. С. 36.

³²³ Нота российского министерства финансов английскому послу в Петрограде Дж. Бьюкенену. Петроград, 23 января/5 февраля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 147.

³²⁴ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3. Л. 30. — Справка о количестве иностранной валюты (в рублях), необходимой для предполагаемых в потребность до 1 июля 1917 г. заказов за границей. Петроград, 12/25 апреля 1916 г.

³²⁵ Там же. Л. 167-167 об. — Секретное письмо Шуваева Штюрмеру. Петроград, июль 1916 г. Отпуск.

³²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5396. Л. 346 (шифрованная телеграмма полковника Каменского (Отдельное делопроизводство при помощнике военного министра) русскому военному агенту в Токио. Петроград, 8/21 ноября 1915 г. № 5490); д. 5392. Л. 434 (шифрованная телеграмма начальника ГВТУ генерал-лейтенанта Г.Г. Милеанта военному агенту в Токио. Петроград, 1/14 декабря 1915 г. № 7196).

³²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2335. Л. 20-20 об. (краткий отчет о деятельности Военного министерства за 1916 г. Секретно). Для сравнения: французских винтовок (Гра, Гра-Кропачек, Лебель) за тот же год поступило менее 84,5 тысячи, а итальянских (Веттерли) — 7 тысяч.

и арсеналы сумели кратно увеличить свою производительность³²⁸. Это позволило постепенно убирать с фронта пушки Арисака и заменять их отечественными 3-хдюймовыми, а среднесуточный расход снарядов на орудие поднять с 3-5-ти в 1914-1915 гг. до 14-ти в 1916-м³²⁹. В связи с этим закупки в Японии по линии ГАУ стали постепенно сокращаться, но тут же взлетели масштабы заказов других военных главков, особенно ГИУ и ГВСУ³³⁰, а также военно-морского ведомства. Одни военные моряки, в 1915 г. закупившие в Японии снаряжения, оружия и военных материалов на 4,2 млн иен, в течение следующего года заявили о намерении приобрести здесь «предметов и припасов» уже на 23,5 млн иен³³¹, не считая тех 16,2 миллионов, что в общей сложности пошли на выкуп захваченных японцами в годы русско-японской войны эскадренных броненосцев «Пересвет» (в японском ВМФ – «Сагами», после покупки был переклассифицирован в броненосный крейсер) и «Чесма» (до 1905 г. «Полтава», в японском флоте – «Танго») и крейсера «Варяг» («Сойя»), а также на последующие довооружение, ремонт и переоборудование этих судов³³². Последний контракт на 7,8 млн иен (с уплатой 5% краткосрочными обязательствами российского казначейства) русский военный атташе подписал с синдикатом Тайхей-Кумиай 5 сентября 1917 г.³³³ 7 ноября того же года в японском порту Цуруга русский «доброволец» «Симбирск» принял на борт заключительную партию в 20 тысяч стволов из предусмотренных этим контрактом 150 тысяч винтовок Арисака нового образца, купленных для пополнения убыли ранее приобретенных или замены пришедших на фронте в негодность.

По сведениям генерала Маниковского, который возглавил ГАУ в мае 1915 г., всего за годы войны Япония продала российскому артиллерийскому ведомству 635 тысяч винтовок и 1135 орудий с 5,6 млн выстрелов (без учета тяжелых снарядов), или четвертую-пятую часть соответствующего вооружения, суммарно купленного и полученного от всех союзников (около 2,5 миллионов винтовок и 5 625 орудий)³³⁴. Сами

³²⁸ Например, Тульский завод, до войны производивший не более 700 пулеметов в год, теперь стал ежемесячно вырабатывать их 1 200 штук, а авиазавод товарищества «В.А. Лебедев» – 30 аэропланов в месяц вместо довоенных шести.

³²⁹ У союзников, например, французов, средний ежедневный расход составлял 87 выстрелов на единицу артиллерии.

³³⁰ Главное интендантское управление за рубежом заказывало главным образом военную обувь — при средней потребности действующей армии в 2,2 млн пар сапог в месяц отечественные предприятия были в состоянии выработать (или, как говорили в те годы, «построить») ежемесячно не более 1,3 млн пар. Всего за период с 1914 г. по 1 июля 1917 г. в России было произведено 43,5 млн пар сапог, в за границей куплено 15,5 млн пар, в том числе не менее 3-х миллионов пар сапог и военных ботинок – в Японии. У японской фирмы «Айсакс» для Северного, Западного и Кавказского фронтов зимой 1915/1916 гг. ГИУ закупило свыше 1,3 млн ручных и ножных грелок с 7 млн угольных патронов к ним. Русская интендантская служба интересовалась и формой, и снаряжением японской армии — к 1917 г. в коллекции Интендантского музея в Петрограде имелся полученный из Японии полный комплект снаряжения и обмундирования японских военнослужащих (исключая гвардию).

Для Главного военно-санитарного управления Япония выступила основным поставщиком гигроскопической ваты и санитарных пакетов.

³³¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4711. Л. 31-33 (рапорт Воскресенского в Морской Генеральный штаб. Токио, 14/27 июля 1916 г. № 1702); Особый журнал Совета министров 25 ноября 1916 г. «О некоторых заказах в Японии» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 558-559.

³³² По авторитетному свидетельству морского министра Григоровича, цена в 15 млн иен, назначенная японцами за эти три военных корабля, была «весьма незначительна» и составляла «лишь то, что они потратили на их ремонт по поднятию и исправлению» (*Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра*. С. 169). Русское Морское министерство планировало сделать эти суда боевым ядром формируемой флотилии Северного Ледовитого океана с базой в Архангельске, главная задача которой тогда заключалась в сопровождении северных союзнических конвоев и охране океанского побережья.

³³³ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 57. Контракт с фирмой Тайхей-Кумиай № 650 на поставку 150 тысяч винтовок образца 38 года Мэйдзи.

³³⁴ *Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну*. С. 291, 410. Для сравнения укажем, что за годы войны Япония продала Франции 50 тысяч (при заказе в 600

японцы считали, что в общей сложности (то есть с учетом поставок и военным морякам) в Россию они продали порядка 820 тысяч ружей³³⁵, подсчеты автора этих строк дают округленную цифру в 870 тысяч винтовок. Более половины из них пошло вспомогательным, тыловым и военно-морским частям, а в сухопутную действующую армию (в основном на Кавказский и Северный фронты) японских винтовок поступило около 300 тысяч³³⁶. Во внутренних караульных подразделениях их использовали по крайней мере до начала 1920-х гг.³³⁷

Стоимость всех произведенных в 1914-1917 гг. японских продаж военного назначения в Россию значительно превысила 400 млн иен³³⁸, составив около половины суммы всех военных заказов, размещенных в Японии странами Антанты в военные годы (свыше 1 млрд иен³³⁹). Примерно две трети этих 400 млн составлял долг³⁴⁰ под золото в качестве обеспечения. Порядок оплаты русских военных заказов скорректировал сам Токио — осенью 1915 г. японский главный интендант выразил русскому военному атташе пожелание, чтобы впредь эти платежи производились не столько в Лондоне, как ранее, сколько «или золотом в Японии, или выпустив здесь же краткосрочный заём» (вскоре о том же от лица Военного министерства японское внешнеполитическое ведомство

тысяч), а Англии (включая и предвоенные поставки) — 150 тысяч (при заказе в 435,4 тысяч) своих винтовок и карабинов, почти 130 тысяч из которых в 1915-1916 гг. перекупила Россия.

³³⁵ Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914-1917 гг.). С. 239.

³³⁶ ГА РФ. Ф. Р-6173. Оп. 1. Д. 26. Л. 212, 221.

³³⁷ См., напр.: Центральный архив ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 468. Л. 51 об. — Сводка-доклад Пензенской губернской ЧК о проверке бдительности охраны военно-хозяйственных складов г. Пензы. Июнь 1920 г. (чекистская проверка зафиксировала японские винтовки на вооружении охраны пензенской фабрики Гознак).

³³⁸ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). С. 505. 300 млн иен, которые в этой связи упоминает Исии (*Исии К.* Дипломатические комментарии. С. 85), представляется суммой явно заниженной. В 1916 г. одно русское Военное министерство оценило общий объем своих предстоящих в 1916-1918 гг. платежей Японии в 404 млн иен; военно-морское ведомство аналогичную сумму тогда же исчислило в 11,5 млн, итого — 415,5 млн иен (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8204. Л. 7, 16 об.). Для сравнения: по оценке А.А. Маниковского, за три года войны только Соединенным Штатам таких заказов Россией было выдано на 1,29 млрд долларов (*Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 622). Тот же генерал в одном из своих докладов военному министру военных лет в этой связи отмечал: «Без особо ощутительных результатов для нашей армии нам пришлось влить в американский рынок колоссальные количества золота и оборудовать на наши деньги массу военных предприятий; другими словами, произвести за наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности». — РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 5 об. — Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября/2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно.

³³⁹ Ген. Н. Головин, адм. А. Бубнов. Тихоокеанская проблема. С. 36.

³⁴⁰ Размер государственного долга досоветской России Японии точно не установлен. Оценки простираются от 365,5 млн иен (по позднейшим данным советской прессы) до 220-256 млн иен, согласно подсчетам самих японцев. По сведениям историка У. Кобаяси, к 1918 г. ценных бумаг русского правительства в Японии находилось на сумму 255,9 млн иен (*Kobayashi U.* The Basic Industries and Social History of Japan, 1914-1918. New Haven, 1930. P. 260). Советское правительство, аннулируя государственные займы своего предшественника по декрету ЦИК от 3 февраля (21 января) 1918 г., в качестве государственного долга Японии указало сумму в 275 млн руб. (*Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке. С. 14). А.Л. Сидоров, который специально изучал этот вопрос, наиболее достоверными признал подсчеты экспертов Генуэзской конференции, которые определили ее в 240,9 млн иен. Примерно ту же цифру (240 млн иен) приводят в этой связи и зарубежные историки (См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). С. 503, 525; *Lockwood W.W.* The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change, 1868-1938. Princeton University Press, 1954. P. 42. См. также: *Пестушко Ю.С.* Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). Хабаровск, 2008. С. 211 (приложение)). Краткосрочные российские заимствования в Японии составляли половину здешних займов всех западных стран (518 млн иен) и были на треть меньше суммы кредитов, выданных японцами, например, Китаю (336 млн иен).

официальной запиской известило и русского посла)³⁴¹. В дальнейшем русская сторона широко использовала все три способа — прежний «лондонский» (то есть в счет британского военного кредита³⁴²), а также оба «японских» — заёмный и золотой. К концу 1915 г. первоначальный 6-миллионный (в фунтах стерлингов и выделенный специально для закупок в Японии) британский кредит для России оказался исчерпан, а новый английский правительством открывать не спешило. В такой ситуации военный министр Поливанов стал усиленно склонять коллег по кабинету министров к санкции на вывоз в Японию русского золота для разрешения «жизненного для нас вопроса» — продолжения японских военных поставок³⁴³. В специальном послании министру финансов П.Л. Барку Поливанов фактически предложил полностью рассчитаться с Токио звонкой монетой — «в количестве, необходимом для расплаты по нашим заготовкам, производимым в этой стране»³⁴⁴. Столь «крайней меры», впрочем, удалось избежать. К весне 1916 г. ситуацию смягчило увеличение британскими финансовыми властями «японского» кредита России до 13,5 млн фунтов стерлингов³⁴⁵ и одновременное размещение русским казначейством краткосрочного займа в Японии на 50 млн иен. Однако добытых в результате всего этого 120 млн иен было достаточно для покрытия лишь менее трети платежей, которые предстояли русским военным ведомствам в этой стране в 1916-1918 гг. (как указывалось выше, на общую сумму 415,5 млн иен).

Резоны Поливанова в конце концов были услышаны его коллегами-министрами. В марте 1916 г. русское правительство одобрило заключение с Токио финансового соглашения под условие «выпуска некоторого количества» своего золота в Японию в виде возвратной ссуды³⁴⁶. Первая партия русского золота в обстановке строжайшей секретности (об этой операции первоначально не был поставлен в известность даже русский посол в Токио) была отгружена во Владивостоке на крейсера «Токива» и «Читозе» еще в декабре 1915 г. (по всей вероятности, на сумму 15 млн руб.); вторую (на 30 млн руб.) в июне 1916 г. взяли на борт крейсера «Ниссин» и «Касуга»; третью (на 200 млн руб.) из Владивостока на Японские острова в декабре 1916 г. доставили тот же «Ниссин» и крейсер «Сацума». Часть русского золота была переправлена в Канаду и США по

³⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 170, 176 (шифрованные телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 1/14 и 5/18 сентября 1915 г. №№ 296 и 306); Ф. 150. Оп. 493. Д. 1871. Л. 43. — Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 3/16 сентября 1915 г. № 300.

³⁴² Главное неудобство в пользовании британским кредитом для России заключалось в необходимости заблаговременно получать согласие Лондона на любые зарубежные военные закупки, включая производимые в Японии. При этом процедура использования английских заёмных средств требовала предварительной санкции Комиссии по распределению валюты (органа петроградского Особого совещания по обороне), что, в свою очередь, было обставлено собственными бюрократическими рогатками: потенциальному покупателю требовалось представить документально подтвержденные сведения о предмете будущей поставки, фирме-поставщике, цене, условиях и сроках самих поставок и платежей по ним. Все перечисленные инстанции должны были быть пройдены до заключения договора с поставщиком.

³⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5404. Л. 4. — Секретное письмо Поливанова Сазонову. Петроград, 5/18 января 1916 г. № 98.

³⁴⁴ Там же. Л. 13 (секретное письмо Поливанова Барку. Петроград, 5/18 января 1916 г. № 99). «Возражения о том, что нам нельзя вывозить за границу золото, — писал Поливанов премьер-министру Штюрмеру, — теоретически неоспоримо, но, однако, практически избежать этого едва ли возможно, как это показало соглашение с Великобританией. Если мы не встанем на этот единственно правильный путь, то мы не получим сразу всего нужного нам кредита, а впоследствии те же заказы обойдутся нам несравненно дороже. По существу же дела при таких условиях военное ведомство не будет обеспечено необходимыми кредитами и не в состоянии будет заказать своевременно всего того, что необходимо для действующей армии, а это может пагубно отразиться на дальнейшем развитии военных действий». — Там же. Л. 162-162 об. — Секретное письмо Поливанова Штюрмеру. Петроград, 12/25 марта 1916 г. № 2857.

³⁴⁵ В январе 1917 г. британское правительство выделило России еще 20 млн иен для платежей по старым японским заказам. — РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6283. Л. 65. — Шифрованная телеграмма генерал Маниковского полковнику Яхонтову в Токио. Петроград, 31 января/13 февраля 1917 г. № 1378.

³⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5404. Л. 182. — Особый журнал Совета министров 18/31 марта 1916 г.

условиям займов в Великобритании, заключенных Петроградом в 1915-1916 гг.³⁴⁷ За «труды по двукратной приемке и доставке в Японию и Америку золотой валюты» в 1916 г. контр-адмирал Идэ Кендзи и группа его подчиненных, японских морских офицеров, была награждена русскими орденами. С начала войны и до марта 1916 г. за военные поставки русское правительство заплатило Японии чистоганом в общей сложности около 145 млн руб. (144 589 522 иены), из которых в самой Японии — порядка 50 млн, а остальные — в Англии и США³⁴⁸. Сумма краткосрочных займов, размещенных в Японии русским казначейством для оплаты тех же военных закупок, к лету 1916 г. перевалила за 60 млн руб.

Заключительная партия русского желтого металла на 4 млн фунтов стерлингов (или на 41 млн руб., вероятно, также в рамках расчетов за британские кредиты) была вывезена из Владивостока в Майдзуру в марте 1917 г. японскими линкорами-«близнецами» «Касима» и «Катори»³⁴⁹.

Наряду с центральными и местными (дальневосточными) военными учреждениями заказы в Японии размещали общероссийские общественные организации, работавшие на оборону и финансировавшиеся казной, — Красный Крест, Центральный военно-промышленный комитет, Главный уполномоченный по снабжению металлами. Осенью 1916 г. запрос на японские поставки одного ведомства генерала от инфантерии А.З. Мышлаевского («Металлического комитета») «потянул» аж на 104 млн иен³⁵⁰. Не отставали и гражданские министерства — торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия, финансов. Первое закупало в Японии портовые краны, землечерпалки (у компаний Мицубиси и Кавасаки), машины для угледобычи (у Исикавадзима); второе — свинец (у Мицуи), аппараты Морзе (у Окура) и паровозы; третье — удобрения и медикаменты. Министерство финансов в 1916 г. организовало чеканку русской серебряной монеты на монетном дворе в Осака на сумму 22,5 млн руб. (вместе с перевозкой сырья и готовой продукции эти работы обошлись русской казне в 8,1 млн руб.³⁵¹). Подводя итоги развития отечественной экономики в 1916 г., японские газеты единодушно отметили «быстрый рост японской промышленности, являющийся прямым следствием усиленного вывоза в Россию»³⁵².

³⁴⁷ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. С. 369.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 5. Л. 95.

³⁴⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 198, 314 (шифрованные телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 28 сентября/11 октября и 17/30 декабря 1915 г. №№ 343, 499); РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1123. Л. 129, 263 (шифрованные телеграммы командующего Сибирской флотилией вице-адмирала М.Ф. Шульца морскому министру И.К. Григоровичу. Владивосток, 20 июня/3 июля и 14/27 декабря 1916 г. № 633); Д. 1125. Л. 28 (шифрованная телеграмма вице-адмирала Шульца в Главный морской штаб. Владивосток, 8/21 марта 1917 г. № 133). Всего за годы войны Англии было передано русского золота более, чем на 640 млн руб. — Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917). М., 2003. С. 98.

³⁵⁰ По оценкам ГАУ, в годы войны общая ежемесячная потребность русских оборонных предприятий в металле, которую теоретически и должен был удовлетворять «Металлический комитет», составляла 25 млн пудов, или 400 тысяч тонн. Однако на деле металла хронически не хватало отчасти потому, что «многие сотни тысяч» его пудов превратились в предмет рыночной спекуляции, «самой бессовестной и открыто происходящей» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 730. Л. 8 об. — Доклад начальника ГАУ военному министру. Петроград, 20 октября/2 ноября 1916 г. № 165392. Сов. секретно). И это при том, что, благодаря политике синдикатов («Продуголь», «Продамет» и др.), еще в 1908-1914 гг. в России цены на металлы фактически удвоились — как отмечает современный исследователь, «для отечественного предпринимательства государственные военные заказы стали поводом его синдикализации с целью искусственного завышения рыночных цен» (Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 227). В результате, летом 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего в письме императору констатировал «тяжелый кризис» отечественных оборонных заводов с обеспечением металлами (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 4. Всеподданнейшая записка начальника штаба Ставки верховного главнокомандующего генерал-адъютанта М.В. Алексева. 15/28 июня 1916 г.).

³⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1462. Л. 22. Справка о военных расходах России за время с начала войны по 1 апреля 1920 г.

³⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7931. Л. 1. — Обзор состояния экономики и финансов Японии, подготовленный для ГУГШ штабом Приамурского военного округа. 1917 г.

Хорошо известно, что мировая война расстроила экономику и финансы европейских государств, вызвала огромную инфляцию, резкое сокращение бюджетных доходов, часто – прямое обнищание и моральную деградацию населения. Для Японии же военные годы стали временем бурного промышленного роста (по приблизительной оценке полковника В.Г. Федорова, одни оборонно значимые сектора выросли здесь в 10 и более раз³⁵³), невиданного прежде финансового благополучия. Из многолетнего должника империя микадо внезапно превратилась в международного кредитора, способного ссужать крупные суммы не только России, но также Франции, Англии, Китаю. Посол Крупенский отмечал на японском финансовом рынке «обилие капиталов, ищущих выгодного помещения»³⁵⁴. В 1917 г. доходы государственного бюджета Японии составили 813,3 млн иен, превысив сметные расчеты на 212 млн; бюджетный профицит в том же году выразился цифрой в 222,5 млн³⁵⁵, что составляло почти 40% государственных поступлений всего двухлетней давности. К 1919 г. профицит ее зарубежных активов составлял 1,3 млрд иен, хотя еще в 1913 г. внешний государственный долг Японии превышал один миллиард³⁵⁶. Одному Китаю и только за 1917-1918 гг. Япония предоставила кредитов на 180 млн иен, или вполтину больше, чем за несколько предшествующих десятилетий (120 млн)³⁵⁷.

По сравнению с довоенным уровнем, к 1918 г. число фабрично-заводских рабочих в стране увеличилось с 916 тысяч до 1,4 млн (по другим данным — до 2 млн), капиталистов почти удвоилось, количество миллионеров к концу мировой войны приблизилось к десятку тысяч, число промышленных предприятий выросло с 32 тысяч в 1914 г. до 44 тысяч в 1919 г. Вчетверо-впятеро увеличились средние дивиденды, которые японские компании выплачивали своим акционерам — с 14,2% от вложенного капитала в конце 1914 г. до фантастических 60-80% в 1918-1919 гг.³⁵⁸ Совокупный тоннаж японского торгового флота за годы войны почти удвоился — с 1,58 млн тонн в 1914 г. до 2,84 млн в 1919-м, общая стоимость промышленной продукции за те же годы выросла практически впятеро — с 1,37 млн иен до 6,74 млн³⁵⁹. В 1914-1918 гг. совокупные финансовые вливания в японскую промышленность (по данным газеты «Дзи-Дзи») составили порядка 3 млрд иен. Дальнейшее развитие японского капитализма, писал русский очевидец, «в ближайшем будущем приведет к еще более глубоким изменениям во всем укладе японской жизни, политической и экономической», и в первую очередь — к росту «политической роли крупных промышленников и капиталистов» с последующим усилением во внешней политике этой страны «интересов материального характера». «Культурное» же будущее Японии, одновременно предрекал он, «еще более велико»³⁶⁰.

Таким образом, в годы Первой мировой войны Россия выступила крупнейшим покупателем японского оружия и военных материалов и этим внесла важный вклад в экономический рост и модернизацию Японии, которая в основном была завершена к 1930 г.³⁶¹ Уходила в прошлое «первобытная элементарность» японского «фабричного уклада»,

³⁵³ Федоров В.Г. В поисках оружия. М., 1964. С. 60.

³⁵⁴ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1872. Л. 307. — Шифрованная телеграмма Крупенского Покровскому. Токио, 16 февраля/1 марта 1917 г. № 73.

³⁵⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 95. Л. 69. — Секретное донесение Крупенского Терещенко. Токио, 25 сентября/8 октября 1917 г. № 68.

³⁵⁶ Lockwood W.W. The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change, 1868-1938. Princeton University Press, 1954. P. 39, 257.

³⁵⁷ Kajima M. The Emergence of Japan as a World Power, 1895-1925. Rutland, Vermont, Tokyo, 1968. P. 381-382.

³⁵⁸ Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав. С. 480-481. В то же время рост цен в стране, по официальным данным, составил 250-300%, тогда как доходы основной массы населения увеличились незначительно. — См.: Ген. Н. Головин, адм. А. Бубнов. Тихоокеанская проблема. С. 37-38.

³⁵⁹ Lockwood W.W. The Economic Development of Japan. P. 39; Hardach, Gerd. The First World War, 1914-1918. Penguin Books, 1987. P. 260.

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 22. Л. 141, 142. В гостях у микадо (дневник Н.М. Могилянського).

³⁶¹ Beasley W.G. Japanese Imperialism, 1894-1945. Oxford, 1987. P. 251.

которую в разгар войны наблюдал Малевский³⁶². Экономическое процветание сказалось и на повседневной жизни подданных микадо — за годы войны личные сбережения японцев выросли с 376 млн иен в 1913 г. до 2,05 млрд в 1919 г., или в 5,5 раз³⁶³. В начале 1920-х гг. другой русский дипломат замечал, как японский народ, «увеличивший за время войны свое благосостояние, становился все более и более европеизированным»³⁶⁴, хотя вместе с быстрым развитием экономики, по словам генерала Н.Н. Головина, Япония вкусила и «резко подчеркнутые отрицательные стороны капитализма», в первую очередь — инфляцию и обострение социальных проблем³⁶⁵. В 1905-1918 гг. Японию сотрясли массовые выступления протеста³⁶⁶ — эти годы вошли в ее историю как «эпоха народного гнева».

³⁶² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 131. — Секретное донесение Малевского-Малевича Сазонову. Токио, 28 марта/10 апреля 1915 г. № 27.

³⁶³ *Lockwood, William W.* The Economic Development of Japan. P. 42.

³⁶⁴ *Абрикосов Д.* Судьба русского дипломата. С. 360-361.

³⁶⁵ *Ген. Н. Головин, адм. А. Бубнов.* Тихоокеанская проблема. С. 38.

³⁶⁶ Подробнее о них см.: *Gordon A.* The Crowd and Politics in Imperial Japan: Tokyo 1905-1918 // *Past and Present. A journal of historical studies.* November 1988. Vol. 121. P. 141-170.

Глава VI.

Частный бизнес в японо-русском сотрудничестве. Обмен делегациями. «Желтый труд» в России

Все оружие, боеприпасы и львиную долю других военных поставок России осуществлял синдикат Тайхей-Кумиай, через который Япония прежде продавала вооружение в Китай, Мексику и в Таиланд (тогдашний Сиам). Синдикат объединял крупные частные экспортно-импортные фирмы Мицуи, Окура и Таката и, по соглашению с японским Военным министерством, обладал 10-летней монополией на право продажи за рубеж предметов вооружения, «ненужных военному ведомству» и изготовленных преимущественно на государственных предприятиях. Согласно официальной версии, комиссия Тайхей-Кумиай по зарубежным военным поставкам составляла всего 3-5%³⁶⁷, из чего следует заключить, что большую часть своих прибылей синдикат перечислял в казну. Многолетние военные поставки России способствовали превращению первоначального желания частных японских предпринимателей разово и выгодно продать уже произведенное в организованную систематическую торговлю, и не только предметами военного назначения, с перестройкой собственного производства в соответствии с потребностями и пожеланиями контрагента. Благодаря русским казенным заказам и закупкам, в Японии появлялись новые или расширялись и перепрофилировались имевшиеся промышленные предприятия – был заново отстроен большой механический завод Мацуда Сэйсакучи в Осака, стал пороховым бывший целлулоидный комбинат Абоси Иваи и т.д.

По наблюдениям профессора Д.Н. Тодоровича, частный японский бизнес стремился использовать благоприятную конъюнктуру для упрочения экономических связей с Россией в расчете и на послевоенный период³⁶⁸. В 1914-1916 гг. на российский рынок вышли (или заявили заинтересованность в этом) многие другие крупные японские фирмы: Мицубиси, Исикавадзима (судостроительное и механическое производства), Сузуки, Карацу (сталелитейное производство и экспортно-импортные операции), Асано (цемент), Фурукава (медь), Оки (электро- и телефонное оборудование), Токичи Ивамото, Тамайя, Г. Накамура, Г. Мацумото, К. Томода (медикаменты, аптекарские товары, медицинское оборудование), поставщик двора Нисимура (изделия из шелка), Общество Южно-Маньчжурской железной дороги (пассажирские и грузовые железнодорожные и водные перевозки, туризм) и др. Летом 1916 г. члены японского Союза торговых палат с энтузиазмом откликнулись на призыв премьера графа С. Окума развить торговлю с Россией в таких масштабах, чтобы Япония обеспечила за собой по меньшей мере половину германского довоенного ввоза в Россию. Токийская торговая палата, при поддержке японского Министерства торговли и промышленности, хлопотала о проведении в Киеве японо-русской торгово-промышленной выставки. Беспрецедентная активность в России частного японского бизнеса рождала в воображении петроградского корреспондента римской газеты "Giornale d'Italia" картины японских пароходов, бороздящих русские реки, и мужиков, пахущих бескрайние русские поля плугами японского же изготовления. Итальянский журналист заключал, что «японцы поставили своей задачей завоевание одного из первых мест в ввозе в Россию всевозможных машин и инструментов»³⁶⁹.

Отставной русский премьер и министр финансов, председатель Русско-Японского общества граф В.Н. Коковцов также оптимистически оценивал перспективы торгово-экономического сотрудничества двух стран. По его мнению, после войны Япония способна «создать в России весьма крупные экономические интересы», одновременно

³⁶⁷ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 181 об. (Из речи министра иностранных дел барона Като в Нижней палате парламента 22 мая 1915 г.); РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4533. Л. 3-3 об. (Разъяснения военного министра в заседании бюджетной комиссии парламента на запросы о продаже оружия иностранным государствам).

³⁶⁸ Тодорович Д.Н. Японско-русская торговля. С. 25-26.

³⁶⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1867. Л. 208. – Перевод статьи А. Дзанетти «Японцы в России» из "Giornale d'Italia" от 9.10.1916.

выступив «отличным рынком» для русской промышленности³⁷⁰. Самая высокотиражная российская газета «Русское слово» писала о заинтересованности России «в товарах высокоразвитой японской промышленности», особо приветствуя развитие «японской предприимчивости» на Дальнем Востоке: «Если японские капиталы устремятся на пустынные берега нашего тихоокеанского побережья, русская колонизация Приамурья может только выиграть». В этой связи значение русско-японского союза как одного из «важнейших этапов на пути обеспечения всеобщего мира», по прогнозу русской прессы, должно было в полной мере сказаться лишь по окончании мировой войны³⁷¹.

Весной 1915 г. крупнейшие японские чаепроизводители на собрании в загородной резиденции *гэнро* маркиза К. Иноуэ в Окицу (близ Сидзуока, центра чайных плантаций Средней Японии) обсуждали переориентацию своей продукции с американского на русский рынок. Посол Малевский из бесед с представителями японского торгово-промышленного мира вынес убеждение в заинтересованности Японии не только в традиционных статьях российского экспорта (кожах, зерне, бобах), но и в листовом железе, нефти, древесине, стекле, солоде, хмеле, шерсти и в других товарах, до войны шедших сюда из Германии и Австрии³⁷². Отставной генерал-лейтенант Мудзимура в 1915 г. изучил перспективы наращивания японо-русского экономического сотрудничества в Маньчжурии и Монголии и представил послу Малевскому обстоятельную записку на этот счет. В начале 1916 г. в коммерческих и финансовых кругах Японии обсуждали создание в Токио Русско-Японского банка с уставным капиталом в 30 млн иен – ввиду «колоссального увеличения торгового оборота между обеими державами» и, специально, дабы «финансировать заводы по изготовлению военных припасов»³⁷³. Год спустя токийские дипломаты зондировали открытие в Петрограде и Москве отделений Йогоама Spezi Банка³⁷⁴.

Стремление к расширению военного и торгово-экономического сотрудничества с северным соседом диктовало необходимость разностороннего изучения потенциального партнера и установления так называемых «прямых отношений» в его военных, политических и торгово-промышленных кругах. Свои постоянные представительства в Петрограде, Москве и Владивостоке, несмотря на сопряженные с этим существенные затраты, учредили Кухара, Мицуи, Мицубиси, Таката, Окура, Кавагуси и другие японские компании. В годы войны рутинным делом стали посещения японскими делегациями российских действующей армии, оборонных объектов и промышленных предприятий, многомесячные командировки военных и гражданских чиновников. В феврале 1915 г. генерал Оба побывал на передовой 3-й и 8-й русских армий в Галиции. Летом в крепости Гродно японские инструкторы-артиллеристы получили разрешение посетить русские войска на боевых позициях³⁷⁵. Осенью того же года артиллерийский склад в Ревеле осмотрели представители японского морского ведомства во главе с капитаном 1-го ранга Осуми³⁷⁶.

³⁷⁰ Голос Руси. 5/18.6.1916. № 857 (Статья А. Куприянова «Русско-японские отношения (беседа с бывшим руководителем финансового ведомства)»).

³⁷¹ Русское слово. 2/15.4.1916. № 76 (передовая статья «Русско-японский союз»); 24.6./7.7.1916. № 145 (статья В. Михайловского «Новый союз»); 25.6/8.7.1916. № 146 (статья без подписи «Русско-японский союз»); Колокол. 25.6/8.7.1916 (статья А.Б.В. «Заслуга С.Д. Сазонова»); Биржевые ведомости. 25.6/8.7.1916.

³⁷² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 136-137 об. – Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 8/21 апреля 1915 г. № 28.

³⁷³ Секретное донесение Малевского Сазонову. Токио, 27 февраля/11 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 381-382.

³⁷⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 4, 11, 34. – Телеграфная переписка министра иностранных дел виконта Мотоно из Токио с поверенным в делах в Петрограде Марумо и послом виконтом Учиды, 5/18 и 10/23 января и 18 февраля/3 марта 1917 г.

³⁷⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 428. Л. 112. – Телеграмма Данилова в Седлец генералу А.А. Гулевичу. Ставка, 7/20 июля 1915 г. № 2194.

³⁷⁶ Пестушко Ю.С. Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония 2007. Ежегодник ИВ РАН. М., 2007. С. 272.

В сентябре-октябре 1915 г. генерал М. Накадзима наблюдал применение в 8-й армии японских винтовок и артиллерии. По возвращении в Могилев он представил в штаб Ставки соображения о некоторых технических усовершенствованиях, желательных изменениях в номенклатуре русских военных закупок в Японии (учитывая пожелания русских артиллеристов, Накадзима предложил заказывать больше гранат-«шимоз», а также запасных частей к механизмам всякого рода), а равно о логистике всех японских военных поставок в Россию. Принимая в расчет ограниченные мощности замерзающего Владивостокского порта, японец полагал целесообразным в зимнее время большую часть грузов из Японии направлять через всегда свободный ото льда корейский Пусан с последующей перегрузкой на широкую «русскую» колею в Харбине. Во избежание путаницы и трудноисправимых ошибок в направлении затребованных войсками предметов, он также советовал устроить в Москве или Киеве промежуточную базу для сортировки военных грузов и правильного распределения их потоков. «Одной из наиболее существенных мер, – заметил японский офицер, – является дальнейшее развитие и правильное оборудование Владивостокского порта, а также увеличение до высшего предела провозоспособности Сибирской железной дороги». В штабе Ставки предложения Накадзима оценили по достоинству: «Своевременно установленная и со всей строгостью поддерживаемая организация в деле снабжения армии поступающими из-за границы боевыми материалами приобретает в настоящее время чрезвычайно важное значение», – согласились там, направив соответствующую реляцию в Генеральный штаб «на зависящие распоряжения»³⁷⁷. Военный агент в Японии получил приказ начальника ГАУ при дальнейших закупках следовать указаниям Накадзима о соотношении шрапнелей и «гранат», а равно, по его же совету, изучить возможность окраски дыма от разрыва снаряда – так как «современный разрывной снаряд, дающий белое облако, чрезвычайно затрудняет пристрелку на покрытой снегом местности»³⁷⁸.

В ходе состоявшихся в Ставке бесед представитель японской армии особо подчеркивал, «что в Японии принимаются все меры и работают с полной энергией в целях довести до высшего предела производительность всей промышленности, поставляющей оружие, патроны и предметы снаряжения для русской армии, причем стоимость всего поставляемого Японией рассчитывается по самой низкой, заготовительной цене»³⁷⁹. Высшие японские должностные лица не уставали указывать русскому послу, что их

³⁷⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1429. Л. 54-56 (доклад полковника Базарова генерал-квартирмейстеру Ставки. 17(4) октября 1915 г. № 4912), л. 216-217 об. (записка генерал-квартирмейстера Ставки генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. Ставка, 29 октября/11 ноября 1915 г. № 5591).

³⁷⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5396. Л. 331. – Шифрованная телеграмма Маниковского русскому военному агенту в Токио. Петроград, 27 ноября/10 декабря 1915 г. № 121508.

³⁷⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1429. Л. 215 об. Отпускные цены синдиката Тайхей-Кумиай, по оценке русских экспертов, были невысоки и на протяжении большей части войны составляли 32 иены 76 сен за одну новую японскую винтовку со штыком («тесаком») и 14 иен 58 сен — за старую (в 1917 г. стоимость одной новой винтовки Арисака в связи с инфляцией поднялась до 52 иен. Американские винтовки – в годы войны США явились главным иностранным поставщиком стрелкового оружия для русской армии – с самого начала продавались вдвое дороже японских: по 30-38,2 долларов за штуку). Японские орудия старого образца, по свидетельству генерала Гермониуса, обходились русской казне втрое дешевле однотипной артиллерии отечественного производства. Расценки же частных японских производителей и торговцев были заметно выше. В декабре 1915 г. владелец фирмы Кухара доверительно сообщил русскому послу о намерении построить ружейный завод специально для того, чтобы в период с 1916 по 1920 гг. поставить России 600 тысяч новых винтовок Арисака по цене от 36 до 100 иен за штуку (в зависимости от срока поставки: чем раньше поставка – тем дороже винтовка). В январе 1917 г. торговый дом Мэйдзи предложил русскому военному агенту 6-10 тысяч таких же винтовок, но уже по 80 иен за штуку. У более мелких японских коммерсантов несколько тысяч старых ружей Арисака можно было купить и по 108 иен за экземпляр. – АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 290-291, 293 (шифрованные телеграммы Малевского Сазонову. Токио, 6/19 и 7/20 декабря 1915 г. №№ 474 и 476); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6284. Л. 37 (шифрованная телеграмма полковника Яхонтова в ГУГШ. Токио, 7/20 января 1917 г. № 22003); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5804. Л. 24 (шифрованная телеграмма полковника Мореля в ГУГШ. Токио, 30 января/12 февраля 1916 г. № 114). Русское военное министерство отклоняло подобные предложения.

военные поставки России не следует рассматривать, как заурядную коммерческую операцию или выполнение какого-либо заказа, поскольку они производятся главным образом «по мотивам политического свойства», нередко – в ущерб обороноспособности самой Японии³⁸⁰. В своей внутренней переписке японские дипломаты сетовали, что в Петрограде не всегда верно воспринимают и адекватно оценивают услуги Токио, ограничиваясь лишь словесными благодарностями³⁸¹.

Весной 1916 г. упомянутый петроградский завод акционерного общества «В.А. Лебедев» (один из шести авиазаводов, существовавших тогда в России) посетила группа японских офицеров во главе с морским атташе капитаном 2-го ранга Сузуки Отомэ³⁸². В марте-апреле 1916 г. крепости Кронштадта и Ревеля осматривали начальник отдела Морского министерства (а в годы русско-японской войны – начальник штаба всего японского флота) контр-адмирал Акияма Санейюки и капитан 2-го ранга Яманаси, попутно, по-союзнически, получившие в петроградском Морском Генеральном штабе схемы движения русских тральщиков³⁸³ и такие же совершенно секретные сведения об организации в России немецкого шпионажа³⁸⁴; потом японский адмирал как глава временной японской морской миссии представлялся в Ставке русскому императору³⁸⁵. Генерал М. Фукуда с сослуживцами в июле-августе 1916 г. объехал несколько оборонных предприятий Петрограда и губернии (Путиловский, Патронный, Охтенские пороховые заводы, русско-американскую резиновую мануфактуру «Треугольник» и др.), осмотрел военные училища, арсеналы, военные заводы и железнодорожные мастерские Киева и Москвы, Тулы (оружейные) и Казани (пороховой)³⁸⁶. Тогда же на Северный фронт наведальсь специалист автомобильного дела подполковник Кавасэ, летчики поручики Савада и Сакамото вместе с майором Канао и поручиком Исивара³⁸⁷. По подсчетам военного атташе Одагири, только за первую половину 1916 г. российские оборонные предприятия посетили 8 японских делегаций, а действующую армию — 5. Иногда «одна партия еще не успела вернуться с фронта, – жаловался на свою хлопотливую жизнь японский атташе, – как уже прибывает следующая»³⁸⁸.

Потребность в японской бумаге в издательствах и типографиях Одессы выясняли представители крупных японских бумажных фабрик³⁸⁹. В ноябре 1916 г. для участия в подъеме дредноута «Императрица Мария» водоизмещением 22,6 тысяч тонн, затонувшего в конце октября в результате пожара и взрыва пороховых погребов (столб пламени и дыма взметнулся тогда на 300-метровую высоту), по просьбе русского морского ведомства, в Севастополь были командированы 12 японских водолазов и техников во

³⁸⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 115. – Шифрованная телеграмма Малевского Сазонову. Токио, 5/18 июня 1915 г. № 196 с изложением телеграммы министра Като послу в Лондоне Иноуэ.

³⁸¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 29 об. – Шифрованная телеграмма министра барона Исии послу в Петрограде барону Мотоно. Токио, 15 февраля 1916 г.

³⁸² РГВИА. Ф. 802 (ГВТУ). Оп. 4. Д. 3013. Л. 7-8.

³⁸³ Русские специалисты морского минного дела считались тогда одними из лучших в мире — это признавали противники-немцы, у них же не считали зазорным учиться и союзные британские военные моряки.

³⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4485. Л. 6 об. (шифрованная телеграмма Воскресенского в ГМШ. Токио, 12/25 февраля 1915 г.); Д. 4533. Л. 9 (доклад начальника ГМШ адмирала А.И. Русина морскому министру адмиралу И.К. Григоровичу. Петроград, 22 апреля/5 мая 1916 г. № 189). Японский Генштаб, как и обещал Самойлову еще в первые дни войны, в свою очередь знакомил русское командование с секретными сведениями о противнике, полученными от своих военных атташе. — См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2953. Шифрованные телеграммы военного агента в Японии со сведениями, полученными японским Генштабом о военных действиях Австрии и Германии и передвижениях германо-австрийских войск.

³⁸⁵ Русское слово. 6/19.4.1916. № 79. С. 2.

³⁸⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1109. Л. 23.

³⁸⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8218. Л. 215.

³⁸⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 151, 165. – Шифрованные телеграммы полковника Одагири в Токио в Генштаб. Петроград, 17/30 августа и 28 августа/8 сентября 1916 г.

³⁸⁹ Новое время. 9/22.9.1916. № 14552. С. 3.

главе с капитаном 1-го ранга Танака Котаро³⁹⁰. В декабре того же года произведенный в генералы артиллерист Миягава в сопровождении своего адъютанта осматривал Ригу и Рижский укрепрайон³⁹¹, а группа японских кавалеристов (майоры Умезаки и Огата, ротмистр Фукуда, капитаны Канэко, Синозука и Оосима и переводчик поручик Кимура) — кавалерийские части Северного фронта³⁹². Интендантскую службу Западного фронта в январе 1917 г. изучали полковник Ковачи, капитан Ичоо и подполковник Фуруя Киоси. Весной с российским коннозаводством и состоянием казачьих частей действующей армии познакомился японский ротмистр Юс, посетивший Москву, Воронеж, Харьков, Полтаву и полудюжину других русских городов и центров коннозаводства. В июне 1917 г. в Павловское военное училище наведались 11 старших офицеров во главе с полковником Х. Мацуи. На следующий день эта же японская военная делегация отправилась на авиазавод Лебедева, моторный Русско-Балтийский завод, а затем — на мебельную фабрику торгового дома «Ф. Мельцер и Ко», на которой тогда также строились самолеты³⁹³.

Десятки младших офицеров японских армии и флота в годы войны были направлены в многомесячные командировки в Россию «с научными целями» или «для изучения русского языка». Русское командование, понятно, не горело желанием открывать свои секреты для пусть союзнических, но все-таки сторонних глаз. «Нигде так широко не открывают двери своих планов для всякого постороннего глаза, как у нас. Это уже не гостеприимство, а недостаток», — указал в 1916 г. начальник штаба Ставки по поводу очередного ходатайства японского офицера об ознакомительной поездке на фронт³⁹⁴. Однако, принимая во внимание «трудность отказать», вынужденно соглашалось на посещение действующей армии даже теми японцами, о которых в русской контрразведке имелись «неблагоприятные сведения» (майор К. Фуруя, подполковник медицинской службы Иноуэ и др.)³⁹⁵. Согласие Ставки на присутствие в действующей армии, например, майора С. Араки (который, будучи помощником военного атташе в России, в начале 1912 г. в ходе поездки по Туркестану был арестован по подозрению в шпионаже) последовало лишь после того, как генерал Самойлов телеграфировал из Токио, что этот офицер пользуется «особым расположением» помощника начальника

³⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4538. Л. 137 (письмо адъютанта морского министра капитана 1-го ранга Осума Минэо военно-морскому атташе капитану 1-го ранга А.Н. Воскресенскому. Токио, 22 ноября 1916 г.). Капитан К. Танака состоял при великом князе Георгии Михайловиче во время его визита в Японию в начале 1916 г. До этого он несколько лет служил морским агентом в России, говорил по-русски и представлялся русским как «Константин Кириллович». Работы по подъему «Императрицы Марии» и переводу линкора в док были окончены только в 1918 г. В 1927 г. корабль был разобран на металлолом; в годы Второй мировой войны снятая с него тяжелая артиллерия участвовала в обороне Севастополя.

³⁹¹ В сентябре 1917 г. Миягава «по болезни» был отозван на родину, и в исправление должности руководителя японских артиллерийских инструкторов вступил подполковник Фуруя, состоявший наблюдателем при 5-й армии.

³⁹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1430. Л. 424, 429. — Шифрованные телеграммы генерала М.И. Занкевича в Ставку генералу М.С. Пустовойтенко. Петроград, 19 ноября/2 декабря и 21 ноября/4 декабря 1916 г. №№ 500 и 502.

³⁹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8282. Л. 90. — Отношение генерал-квартирмейстера ГУГШ генерала Потапова военному атташе Японии в Петрограде генералу Исидзака. Петроград, май 1917 г. № 2832.

³⁹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1430. Л. 214. — Резолюция генерала М.В. Алексеева на телеграмме штаба Северного фронта о ходатайстве капитана Такэда о временном прикомандировании к одному из корпусов 5-й армии. 29 августа 1916 г.

³⁹⁵ Сведения такого рода поступали, главным образом, от полиции и из военных округов и аккумулировались в специальной картотеке Центрального военно-регистрационного бюро ГУГШ. Картотека велась много лет, насчитывала до 300 тысяч карточек и, по свидетельству генерала П.Ф. Рябикова, содержалась в «блестящем порядке». Начальник столичной контрразведки, генерал-квартирмейстер штаба Петроградского военного округа капитан Б.В. Никитин утверждал, что в ходе февральской революции 1917 г. картотека была разгромлена толпой под руководством некоего Карла Гибсона, ранее осужденного за шпионаж в пользу Германии, а теперь выпущенного на свободу вместе с другими заключенными. — Об этом см.: *Никитин Б.В.* Роковые годы: (Новые показания участника). Chaldize Publications, 1987. С. 9.

Генштаба генерала Акаси, который, в свою очередь, «нам помогает и от которого много[е] зависит в деле снабжения нас оружием»³⁹⁶.

В августе 1916 г. в Петроград прибыла делегация Палаты пэров японского парламента во главе с личным секретарем министра иностранных дел графом Тэразима Сейициро: сын адмирала-героя Цусимы, экономист барон Того Ясуси; профессора Токийского университета – уже известный нам металловед, доктор технологии виконт Иноуэ Киосиро и доктор права Кувата Кумазо; крупный промышленник и землевладелец-аграрий Тадзима Такэносукэ и секретарь палаты Мията Мицуо. За всю 30-летнюю историю японского парламента это был третий вояж такого рода за рубеж и первый — в Европу. Корреспонденту «Биржевых ведомостей», подсевшему к ним в поезд, члены японской делегации заявили, что их поездка явилась «выражением желания японского общества вступить с русским обществом в непосредственный личный контакт»³⁹⁷. Несмотря на неофициальный характер визита, русский премьер-министр распорядился оказать японцам «радушный прием», дабы сделать из него «звено в цепи дружеских отношений, связывающих нас с Японией, крайне ценных при переживаемых нами исторических событиях»³⁹⁸. По указу Николая II, члены японской парламентской делегации были награждены орденами Св. Станислава 2-й степени со звездой. В водовороте следовавших раутов, приемов, банкетов и концертов заморские парламентарии нашли время посетить московские ткацкие фабрики – товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры и шелковые Щенковых и Жиро³⁹⁹. Принц Кан-ин, будучи в Петрограде осенью 1916 г., помимо неизбежных парадных обедов, визитов в столичные театры, военные учебные заведения и госпитали (включая лазарет японского Красного Креста на Екатерининской улице) в качестве президента Японо-русского общества коммерческих связей осмотрел Экспедицию заготовления государственных бумаг и Путиловский завод с верфью. Пребывание в России японских парламентариев и принца Кан-ин широко освещала русская пресса. Одновременно с пэрами и принцем, но уже без всякой помпы и газетной шумихи, по заданию японского Министерства земледелия и торговли, секретарь министерства Номари Хироси и чиновник Куракава Нагамицу объехали села Иркутской губернии⁴⁰⁰. В январе 1917 г. для «установления более тесной связи с Японией и обеспечения после войны сбыта японских товаров» в Петроград явился представитель Министерства финансов Имамуре⁴⁰¹. В марте петроградские Путиловский и Обуховский заводы осматривали Кабаяма Айсукэ и Кавабэ Магосиро – представители металлургического предприятия в Муроране, одного из крупнейших оружейных заводов Японии⁴⁰².

Русский частный бизнес, в отличие от государственных структур, вяло реагировал на сигналы японских коллег. В результате, за первую половину 1916 г. ввоз японских «гражданских» товаров в Россию превысил их вывоз из России в Японию в 36 раз (на сумму в 62 млн иен против 1,7 млн иен, соответственно⁴⁰³). Российские предприниматели явно сторонились японских конкурентов: «ваши купцы до сих пор уклоняются от торговых сношений с нами», – заявил корреспонденту «Нового времени» осенью 1914 г. директор Общества ЮМЖД Т. Каваками⁴⁰⁴. Летом 1915 г. представители железных дорог и

³⁹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1428. Л. 7. – Телеграмма и.о. генерал-квартирмейстера ГУГШ генерала М.Н. Леонтьева генерал-квартирмейстеру при верховном главнокомандующем. Петроград, 14/27 мая 1915 г. № 14465.

³⁹⁷ Биржевые ведомости. 14/27.8.1916. Утренний выпуск (статья «С японской делегацией»).

³⁹⁸ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1294. Л. 6. – Копия письма Штюрмера председателю Госсовета А.Н. Куломзину. Петроград, 18/31 июля 1916 г. № 644.

³⁹⁹ Новое время. 19.8/1.9.1916. № 14531. С. 4.

⁴⁰⁰ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1304. Л. 2, 5.

⁴⁰¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1303. Л. 2.

⁴⁰² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8234. Л. 61-61 об. – Отношение ГАУ в ГУГШ. Петроград, 14/27 марта 1917 г. № 2755.

⁴⁰³ Новое время. 27.8/9.9.1916. № 14539. С. 14.

⁴⁰⁴ Новое время. 29.9/12.10.1914. № 13847.

пароходных обществ вместе с рядом биржевых комитетов на своем съезде дружно отвергли установление прямого грузообмена с Японией через китайский Дайрен и корейский Пусан и далее по ЮМЖД и КВЖД, усмотрев в этом предложении японцев попытку «подорвать интересы русского мореходства на Дальнем Востоке и значение владивостокского порта»⁴⁰⁵. За годы войны в Японию наведальсь несколько десятков русских, в основном дальневосточных, комиссионеров и купцов. Заметным типом российского бизнесмена, ищущего гешефтов в Японии, явились темные дельцы с соответствующим довоенным (до русско-японской войны) «стажем» и репутацией, вроде банкира А.Л. Животовского⁴⁰⁶, председателя Владивостокского военно-промышленного комитета А.А. Масленникова или первого владельца печально известной довоенной (конца 1890-х гг.) лесной концессии на Ялу купца Ю.И. Бринера⁴⁰⁷ — по характеристике приемщика-артиллериста В.Г. Федорова, «стая волков», падких до «легкой добычи»⁴⁰⁸. Харбинское Общество русских ориенталистов в 1915 г. специальным постановлением констатировало тщетность надежд на прогресс торговли с Японией. Более оптимистично были настроены посол в Токио Н.А. Малевский и агент Министерства финансов в Китае Г.Г. Сюнненберг. Последний в серии записок 1914-1915 гг. разработал проект замещения прежнего германо-австрийского импорта в странах Дальнего Востока однородными русскими товарами. Попытка Л.В. фон Гойера, в 1904-1905 гг. — чиновника Министерства финансов и сотрудника русской антияпонской секретной службы в Шанхае, а теперь (в 1916 г.) управляющего Пекинским отделением Русско-Азиатского банка, закупить в Йокогама шелк на 60 млн иен для русской промышленности провалилась за неполучением японского кредита⁴⁰⁹. В Петрограде изучением перспектив «гражданской» русской торговли на дальневосточных рынках озаботились только весной 1916 г. С этой целью неправительственная Российская экспортная палата командировала в Японию 44-летнего зоолога и ихтиолога, исследователя Камчатки, приват-доцента столичного

⁴⁰⁵ Биржевые ведомости. 9/22.3.1916. № 15431.

⁴⁰⁶ В годы Первой мировой войны этот делец (родной дядя Л.Д. Троцкого) безуспешно добивался стать официальным поставщиком ГАУ. В качестве своего коммерческого агента в сентябре 1914 г. он направил в Японию еще более колоритную фигуру по имени Сидней Рейли, который попытался выступить конкурентом группы генерала Гермониуса, разместив здесь заказы на снаряды для 3-дюймовых пушек — под денежные гарантии со стороны японских промышленников и с неизбежным удорожанием готовой продукции. Возмущенный Гермониус уверял, что афера Животовского, если не будет предотвращена, «окончится скандалом с политической окраской». — ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 1. Л. 448 (шифрованная телеграмма Монкевица Самойлову в Йокогама. Петроград, 6/19 сентября 1914 г. № 5637); АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1868. Л. 93-93 об (письмо Сухомлинова Сазонову с изложением телеграммы Гермониуса из Токио. Петроград, 3/16 декабря 1914 г. № 66759).

⁴⁰⁷ Владивостокская фирма «Бринер и Кузнецов» зимой 1915/1916 гг. наладила в Японии производство дистанционных трубок для ГАУ. Однако, в нарушение контракта с русским правительством, эти трубки компания поставляла неснаряженными и с огромными задержками. В феврале 1917 г. военный атташе, предлагая разорвать договор с этой фирмой, извещал ГУГШ о «совершенно очевидной несолидности трубочного предприятия Бринера, вырвавшего заказ дешевой, оказавшейся притом дутой, ибо выполнить контракт фирма не смогла ни по сроку, ни по качеству трубки, дав 1 200 тысяч неснаряженных трубок вместо 4 млн снаряженных [...] Снаряжение трубок Бринером совершенно безнадежно». Заранее парируя возможные обвинения в игнорировании интересов отечественного бизнеса, компанию Бринера Яхонтов характеризовал следующим образом: «Русского [в] сущности предприятия нет, ибо капиталы японские, частью английские, фирма русско-немецкая, управляющий грек». — РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6284. Л. 254, 260. — Шифрованные телеграммы Яхонтова в ГУГШ. Токио, 22 февраля/7 марта и 26 февраля/11 марта 1917 г. №№ 22137 и 22143.

⁴⁰⁸ Федоров В.Г. В поисках оружия. С. 26.

⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 560 (Министерство финансов). Оп. 28. Д. 1217. Л. 1-71. — Переписка Л.В. фон Гойера из Пекина и Йокогама с М.Э. Верстратом, управляющим Русско-Азиатским банком в Петрограде.

университета П.Ю. Шмидта⁴¹⁰. О создании в России Японо-Русского (со смешанным капиталом) банка в российской столице задумалась лишь летом 1917 г.⁴¹¹

Как это ни парадоксально, главный интерес частного русского бизнеса в Японии, ввиду нехватки рабочих рук оказался сфокусирован на трудовых ресурсах этой страны. Имелось и «встречное движение» – со стороны самих японцев, которыми отнюдь не всегда двигала банальная забота о личном обогащении. В январе 1916 г. российский вице-консул в Фузанае (Пусане) получил коллективное письмо от 106 рабочих арсенала Осака. Японские мастера из чувства союзнического долга изъявляли желание работать на русских оружейных заводах – за то же вознаграждение, что на родине, днем и ночью и даже не претендуя на возмещение путевых издержек⁴¹². Из тех же побуждений члены Токийской ассоциации автомобилистов (Hatsudoku-Kyokai) предложили себя в качестве шоферов для русской действующей армии. Свыше 80 жителей корейского Чончжина, взбудораженные слухами об острой потребности русской армии в рабочих руках, также направили местному русскому вице-консулу прошения о работе в России. При этом, однако, финансовые претензии заявителей – каменотесов, штукатуров, плотников, землекопов (более 60 из них были корейцами) – вдвое-втрое превышали размер их обычного заработка на родине⁴¹³. Всем им русское правительство отказало – в основном, по причине незнания русского языка и полного незнакомства с «бытовыми условиями» России.

В самой России заинтересованность в отмене ограничений на применение «желтого труда» в первую очередь проявляли крупные предприятия оборонного значения. В мае 1915 г. управляющий одного из округов Нижне-Тагильского железоделательного завода в Пермской губернии молил губернатора «не допустить до полного кризиса» и совершенной остановки отдельных производств и разрешить привлечь на подсобные работы (заготовку леса) как военнопленных, так и «китайцев, японцев и корейцев числом до 1 000 человек»⁴¹⁴. Министерство торговли и промышленности, запрошенное Пермским губернатором, санкционировало временный наем азиатов. На одном из июньских того же года заседаний «Особого совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия» военный министр В.А. Сухомлинов на правах председателя заявил о необходимости «безотлагательно» устранить ограничения на применение в русской оборонной промышленности «желтого труда»⁴¹⁵ – на тот момент иностранные рабочие допускались только на предприятия, расположенные к востоку от Волги. На заседании того же Особого совещания 15 июля 1915 г. было высказано пожелание увеличить число рабочих на шахтах Донецкого бассейна с 160 тысяч до 250 тысяч человек не только за счет беженцев и военнопленных, но применения и «желтого труда»⁴¹⁶. Совет министров эту меру одобрил и осенью 1915 г., по ходатайству

⁴¹⁰ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1047. Л. 3.

⁴¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 101. – Шифрованная телеграмма министра виконта Мотоно Итиро послу в Петрограде виконту Учида Ясуя. Токио, 19 июня/2 июля 1917 г. № 540.

⁴¹² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 99-99 об. (перевод на русский язык прошения мастера Тамаёси Торикай российскому вице-консулу в Фузанае с приложением списка из 105 его коллег-оружейников Осацкого арсенала). По сведениям газеты «Асахи», на 1914 г. в России (не считая ее азиатской части) проживало всего 89 японцев, тогда как, например, в США — более 170 тысяч, в том числе около 91 тысячи — на Гавайях.

⁴¹³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 80-80 об. (донесение вице-консула в IV-й отдел МИД. Чончжин, 1/14 апреля 1916 г. № 57) и л. 113 (коллективное прошение членов ассоциации Hatsudoku-Kyokai русскому консулу в Мукдене. Токио, 12 июня 1916 г. на англ. яз.).

⁴¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1797. Л. 2-2 об. – Письмо управляющего Нижне-Тагильского и Луньевского округов заводов П.П. Демидова князя Сан-Донато наследников Пермскому губернатору. Нижне-Тагильский завод, 22 мая/4 июня 1915 г.

⁴¹⁵ Журналы Особого совещания по обороне государства. Кн. 1. 1915 г. / Сост. Т.Д. Крупина, Л.Я. Саен. М., 1975. С. 38-39.

⁴¹⁶ Там же. С. 128-129.

Московского военно-промышленного комитета, распространил на машиностроительные и железнорудные предприятия Центрального промышленного района⁴¹⁷.

Аппетиты русских промышленников росли, и в сентябре того же 1915 года в японское посольство в Петрограде поступил запрос Центрального военно-промышленного комитета о найме в добавление к 100 тысячам военнопленных еще 340 тысяч японских чернорабочих (*кули*) для работ на угольных копях юга России⁴¹⁸. Сообщая об этом премьеру Окума, посол Мотоно предположил, что специально обученные люди, направленные под видом шахтеров, могли бы «изучить места иммиграции в Россию, что чрезвычайно важно для будущего»⁴¹⁹. Впоследствии японские газеты писали, что в ходе реализации русско-японского союзного договора 1916 г. Япония получит возможность направлять в Россию избыток своего населения⁴²⁰. Однако комбинация с наймом для России «армии» японских углекопов ни в 1915 г., ни позднее не состоялась.

Сдерживающим правительство моментом являлась изначальная позиция по этому вопросу МВД и самого императора. Довлела и традиция многолетней борьбы с наплывом китайских и корейских рабочих на русский Дальний Восток в предвоенные годы – в июне 1910 г. царь подписал закон, прямо запрещающий использование иностранного труда на казенных предприятиях Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств и Забайкальской области. В мае 1914 г. Николай II вновь высказался «безусловно против желтого труда в наших пределах», а министр внутренних дел на одном из заседаний Совмина уже военных лет заявил, что в случае предоставления китайцам и корейцам испрашиваемых трудовых льгот, «промышленная Россия в ближайшее же время оказалась бы наводненной названными рабочими в ущерб русским», что по окончании войны чревато крупными экономическими и политическими осложнениями⁴²¹. В «крайней нежелательности» появления японских рабочих на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии был убежден и В.Н. Крупенский. Помимо общеполитических соображений посол указывал на опасность тех же возможных «недоразумений и осложнений» японцев с местным населением⁴²².

Поворот наметился в разгар мировой войны. В марте 1916 г. Совет министров рассмотрел и одобрил заключения созданного его же решением в январе межведомственного совещания для детального изучения условий применения «желтого труда» как в частной, так и казенной промышленности. Возложив наем «желтых» на учреждения Приамурского генерал-губернаторства во Владивостоке и Хабаровске, правительство подтвердило ограничения применения их труда территорией к востоку от Волги до Байкала с 50-верстным изъятием по линии Транссибирской магистрали.

⁴¹⁷ Особый журнал Совета министров 15 января 1916 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год / Ответ. сост. Б.Д. Гальперина. М., 2008. С. 27.

⁴¹⁸ Этот запрос, если он был правильно понят японским послом, выглядит сильно преувеличенным и, во всяком случае, противоречащим объективному положению вещей. Как выяснил А.Л. Сидоров, падение количества шахтеров в Донбассе (до 137-142 тысяч) наблюдалось лишь в июле-августе 1914 г., но уже в конце того же года их число достигло довоенной нормы в 205 тысяч человек и, по данным правительства, в дальнейшем не опускалось ниже отметки в 160-170 тысяч. К январю 1917 г. это количество выросло до рекордной 291 тысячи, однако при этом, вследствие падения производительности труда, угледобыча возросла лишь на 8%. Сидоров объяснил такое явление «ухудшением состава рабочих и их материального положения». – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. С. 514.

⁴¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 182. – Шифрованная телеграмма посла Мотоно премьер-министру и министру иностранных дел Окума в Токио. Петроград, 12/25 сентября 1915 г.

⁴²⁰ Новое время. 13/26.9.1916. № 14556. С. 4.

⁴²¹ Особый журнал Совета министров 15 января 1916 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909-1917 гг./ 1916 г. С. 27-28. Эти опасения, отмечает современный исследователь, «относились в первую очередь к китайцам, так как они преобладали над корейцами и японцами, численность которых в 1910 г. составила 38 тыс. и 4,3 тыс. чел., соответственно», тогда как число китайцев на русском Дальнем Востоке, по приблизительной оценке, уже в начале XX в. составляло не менее 325 тыс. чел. – Мищук С. Влияние иностранной рабочей силы на социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина XIX — начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 94.

⁴²² АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1889. Л. 55 об. – Секретное донесение Крупенского Нератову. Токио, 12/25 сентября 1916 г. № 890.

Отступления от этого правила допускались только «в отдельных, заслуживающих уважения, случаях» и по особому соглашению руководителя заинтересованного ведомства с министрами внутренних дел, военным и путей сообщения. Применять «желтый труд» дозволялось лишь в сельском хозяйстве, а также в дорожном строительстве и на металлургических, горнопромышленных, механических и железодельных предприятиях⁴²³. В тон этому (мартовскому 1916 г.) решению правительства официозная столичная газета «Новое время» предупреждала о возможных негативных социально-политических и санитарно-эпидемиологических последствиях безоглядно широкого применения «желтого труда», правда, имея в виду исключительно граждан Поднебесной⁴²⁴ (по данным МИД, вглубь России их к тому времени было завезено уже порядка 14 тысяч⁴²⁵). Что касается японцев, то к 1917 г. их, по официальным японским данным, в Азиатской России проживало уже около 10 тысяч («не менее 9 717 человек»)⁴²⁶.

В июне 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего вновь поставил перед императором вопрос о необходимости «применить в широких размерах на заводах, работающих на оборону, а также для добывания топлива и металлов [...] труд восточных народов — китайцев, японцев, персиян и проч.»⁴²⁷. Вскоре Совет съездов горнопромышленников Юга России вошел в правительство с ходатайством о бесплатной перевозке из Харбина в Донецкий бассейн 10 тысяч китайцев⁴²⁸. Острая нехватка рабочих рук, особенно в горной промышленности и железнодорожном строительстве, в конце 1916 г. заставила-таки правительство задуматься о мерах «к усилению притока рабочих желтой расы». Снимая некоторые формальные препятствия для их пропуска через границу (в январе 1917 г. эти меры одобрил и Николай II), Совет министров, вместе с тем, констатировал, что более трех тысяч китайских рабочих в месяц КВЖД и Сибирские дороги, «усиленно занятые вывозом прибывающих во Владивосток грузов государственного значения», перевезти в центральные регионы империи все равно не в силах⁴²⁹. В итоге проблему дефицита рабочих рук в русской промышленности в целом «желтый труд» так и не решил.

⁴²³ Особый журнал Совета министров 15 марта 1916 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 г. С. 119-121.

⁴²⁴ Новое время. 21.9/4.10. 1916. № 14564. С. 4 (статья С. Бельского «Желтый труд»).

⁴²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 76. Т. 2. Л. 575. — Шифрованная телеграмма Нератова Извольскому. Петроград, 13/26 февраля 1916 г. № 786.

⁴²⁶ Morley J. W. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. New York, 1957. P. 36.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 657. Л. 8 об. Всеподданнейшая записка Алексеева. Царская Ставка, 15/28 июня 1916 г.

⁴²⁸ Новое время. 6(19).9.1916. № 14549 (заметка «Китайцы в Донецком бассейне»).

⁴²⁹ Особый журнал Совета министров 23 ноября и 20 декабря 1916 г. // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 г. С. 601-602.

Глава VII. Россия и Япония в 1917 – первой половине 1918 г.

В 1917 год российский истеблишмент вступил с надеждой на долгожданный решающий военный успех в прежнем «священном единении» с союзниками по Антанте. На исходе 1916 г. в приказе верховного главнокомандующего по армии и флоту царь подчеркнул, что разговоры о мире преждевременны, коль скоро «враг еще не изгнан из захваченных им областей», а исторические задачи России в войне («обладание Царьградом» и создание в своем составе «свободной Польши») пока не решены. «В военном отношении, технически, мы сильнее, чем когда-либо, – приватно говорил Николай II своему старому знакомому, бывшему Могилевскому губернатору А.И. Пильцу в январе 1917 г.; – скоро, весною, будет наступление, и я верю, что Бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения» в стране⁴³⁰. Черноморские военные моряки готовились провести в разгар весеннего наступления следующего года молниеносную десантную операцию на Босфоре. По их расчетам, захват Босфора и Константинополя («Царьграда») должен был не только вывести из войны Турцию и тем кардинально улучшить для Антанты общую военно-стратегическую обстановку, но и вызвать в самой России «такой подъем духа, который бы отдалил надвигавшуюся угрозу революции»⁴³¹. Хотя диспропорция между русской армией и армиями ее союзников в военно-техническом отношении по-прежнему была огромной, казалось, что предпосылки для таких ожиданий налицо. Дали плоды усилия стран Согласия по наращиванию своего военного потенциала. К январю 1917 г. они имели под ружьем 425 дивизий (из них 202 русских) против 331 дивизии у неприятеля при общей численности вооруженных сил в 27 млн человек против 10 млн у стран германского блока.

К началу зимы 1916/1917 г. было окончено «грандиозное», по словам главнокомандующего Западным фронтом А.Е. Эверта, снабжение русской действующей армии артиллерией и снарядами, после которого о дальнейшем отступлении, по заверениям того же генерала, уже не могло идти и речи⁴³². Как свидетельствовал генерал для поручений при великом князе Сергее Михайловиче весьма информированный барон И.Н. Майдель, к началу 1917 г. впервые с начала войны русская армия оказалась «завалена» боевым имуществом⁴³³. По сведениям французской газеты «Le Temps», к этому времени русский западный фронт имел свыше 8 200 орудий всех типов с запасом снарядов от 4 тысяч на одну полевую пушку до 500-800 — на тяжелое орудие⁴³⁴. Начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев ожидал, что в результате весеннего наступления 1917 г. немцы будут «буквально сметены, засыпаны нашими снарядами» и не смогут выдержать «феноменальной мощи» русского огня⁴³⁵. Августейший полевой генерал-инспектор артиллерии также считал, что армия находится в прекрасном состоянии, и весной 1917 г. как никогда хорошо подготовленные русские войска разобьют врага, правда, «если тыл не свяжет свободу наших действий» спровоцированной немцами революцией⁴³⁶. В том же духе высказывались российские сановники (в их числе председатель Госсовета И.Г. Щегловитов) и парламентарии от левого либерала А.И. Шингарева до «правого» В.В. Шульгина.

Однако оптимистическим прогнозам не суждено было сбыться — страна, а за ней и армия стремительно погружались в хаос. По почти единодушному мнению современников, «революция пришла в армию с тыла», на фронте усилились антивоенные настроения. Давала о себе знать и усталость от войны, следствием которой стал упадок дисциплины, «падение нравов» и в сухопутных войсках (здесь это проявлялось в

⁴³⁰ Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907-1918. Т. 2. Берлин, [1936]. С. 161.

⁴³¹ Бубнов А., контр-адмирал. Почему Россия не завладела Босфором в минувшую войну // Зарубежный морской сборник. Пильзень, 1931. № 13. С. 23.

⁴³² Друцкой-Соколинский В.А., князь. На службе Отечеству. С. 257.

⁴³³ Артиллерийский журнал. 1930. № 10-11. С. 15.

⁴³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5956 (генерал М.М. Чернавин). Оп. 1. Д. 5. Л. 86. – Вырезка из неустановленного номера «Военного сборника ОРВЗ».

⁴³⁵ Цит. по: Друцкой-Соколинский В.А., князь. На службе Отечеству. С. 59.

⁴³⁶ Цит. по: Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 268.

братаниях с противником, дезертирстве, убийствах своих офицеров), и на флоте⁴³⁷. Рост оппозиционных и протестных настроений в обществе и другие признаки кризиса российской монархии⁴³⁸ вызывали серьезную обеспокоенность Токио. Устанавливать связи с русскими оппозиционными кругами и как-либо иначе воздействовать на внутрисполитическое положение России, подобно послам Англии и Франции, японские дипломаты, судя по всему, не пытались, ограничиваясь наблюдением за ситуацией и ее анализом. В декабре 1916 г., оценивая итоги только что прошедших выборов в Московскую городскую думу как «выражение настроений всего народа», японский поверенный в делах фиксировал «ужасающее усиление левых партий» и «размеров оппозиции правительству»⁴³⁹. Влиятельная «Асахи» в одной из передовиц февраля 1917 г. указывала на «мрачные перспективы внутренней политической ситуации в России»⁴⁴⁰. Однако в последовавшем свержении царизма, по уверению посла Крупенского, японцы в первую очередь увидели залог подъема сил страны и объединения правительства с народом, которое должно спасти Россию от внешней опасности устранением ошибок прежнего «бюрократического управления» и сопутствовавших ему германофильских «влиятий и интриг». Вместе с тем, и в правящих кругах Японии, и в ее торгово-промышленном мире на фоне желания и дальше развивать союзнические отношения с Россией царило беспокойство «насчет оборота, который дела могут принять у нас»⁴⁴¹. Токио официально признал Временное правительство только 22 марта 1917 г. – после обязательства министра иностранных дел П.Н. Милюкова соблюдать международные договоры и соглашения, заключенные «при прежнем государственном строе», и продолжать «сражаться с общим врагом до конца».

В годы войны в Японии, как и в других странах Антанты, весьма опасались прихода к власти германофильской «партии», независимо от ее партийной «окраски», и, как следствие, подписания Россией сепаратного мира с Германией. «Из всех вопросов, связанных с мировой войной, этот вопрос имел наибольшую важность для Японии», – признавал позднее К. Исии⁴⁴². Абрикосов вспоминал скепсис, с которым чиновники токийского МИДа выслушивали бодрые сообщения его коллег о событиях в Петрограде: «Мудрый министр иностранных дел виконт Мотоно, бывший японским послом в Санкт-Петербурге около десяти лет, только качал головой и признавался, что, по его сведениям, дела в России обстоят много хуже»⁴⁴³. Он же сообщил русским дипломатам в Токио об отречении Николая II, а затем и об аресте Временного правительства. Обуреваемый тяжелыми предчувствиями, весной 1917 г. один из представителей только что свергнутой династии (30-летний отставной полковник великий князь Гавриил Константинович) заявил

⁴³⁷ Никитин Б. Роковые годы. С. 37; Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е издание. СПб., 1997. С. 229.

⁴³⁸ Обычно в этом случае историки ссылаются и на частую смену лиц в российских верхах, которую В.М. Пуришкевич метко назвал «министерской чехардой». Однако при этом не следует забывать, что подобное явление имело место в высших эшелонах власти и других европейских государств, как с монархической, так и республиканской формой правления. В Великобритании в декабре 1916 г. Г. Асквита и Э. Грея на посту премьер-министра и министра иностранных дел сменили, соответственно, Д. Ллойд Джордж и А. Бальфур; после падения в марте 1917 г. правительства А. Бриана к власти во Франции последовательно приходили кабинеты А. Рибо, П. Пенлеве и Ж. Клемансо, при этом пост министра иностранных дел Республики на протяжении того же года последовательно занимали пять человек; в Германии в 1916-1917 гг. канцлеры и руководители дипломатического ведомства сменились по два раза; почти такая же «чехарда» первых лиц государства имела место в Австро-Венгрии после смерти императора Франца-Иосифа в декабре 1916 г. и в Италии.

⁴³⁹ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 645/728. Л. 20. – Шифрованная телеграмма поверенного в делах Марумо министру иностранных дел виконту Мотоно в Токио. Петроград, 9/22 декабря 1916 г. № 1002.

⁴⁴⁰ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1861. Л. 296.

⁴⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 95. Л. 27-28 (секретная депеша Крупенского министру иностранных дел П.Н. Милюкову. Токио, 27 февраля/12 марта 1917 г. № 19). В феврале 1917 г. во время беспорядков в российской столице был убит японский офицер капитан Макисэ.

⁴⁴² Исии К. Дипломатические комментарии. С. 84.

⁴⁴³ Абрикосов Д. Судьба русского дипломата. С. 303.

о желании поселиться в Японии⁴⁴⁴ и тем пополнить 8-тысячную русскую колонию этой страны. Губернатор Сахалина Д.Д. Григорьев поспешил перебраться в Йокогама. Бывший военный губернатор Приморской области, а с января 1914 г. начальник Азиатской части Главного штаба отставной генерал-лейтенант М.М. Манакин перед отъездом в Японию в мае 1917 г. изъявил Козакову готовность по прибытии в Токио «исполнять любую работу в посольстве или консульствах»⁴⁴⁵. Позднее в Японии тем же частным порядком осели и другие отставные крупные царские чиновники, в их числе – бывший начальник ГУГШ генерал-лейтенант Ю.Д. Романовский и бывший Одесский градоначальник генерал-лейтенант И.Н. Толмачев.

Посол Крупенский докладывал, что после неудач русской армии лета 1917 г. (отступления Юго-Западного фронта) и особенно под впечатлением июльского большевистского путча в столице «настроение японских правящих кругов стало более сдержанным и менее для нас благоприятным», хотя в целом по-прежнему дружественным⁴⁴⁶. В августе Россию покинула виконтесса Учида — жена недавно назначенного японского посла. С весны 1917 г. по Петрограду ползли слухи о тайном отъезде из российской столицы всех японских дипломатов. В полной мере члены японской миссии в Петрограде испытали на себе бытовые невзгоды, которые обрушились на граждан России. В ноябре 1917 г. генерал-квартирмейстер ГУГШ хлопотал об отпуске японским дипломатам с военных складов не только топлива и продовольствия (муки, мяса, сахара, чая), но даже галош, подчеркивая, что самим японцам добыть все это «чрезвычайно затруднительно»⁴⁴⁷.

Летом 1917 г. для выяснения «действительного» положения в стране и «среди различных классов ее населения», по поручению Токио и под видом командировки от Общества Южно-Маньчжурской железной дороги, из Харбина в Петроград отправились директор Общества Каваками Тосицунэ и один из его подчиненных⁴⁴⁸. Генконсул во Владивостоке Кикучи Гиро с той же целью предпринял объезд Приамурья. Понимания глубинных последствий коллапса российской монархии в Японии, однако, еще долго не наступало. «Все основные и главные вопросы нашей революции остаются здесь весьма неясными и запутанными для народных масс, – констатировал генерал-квартирмейстер ГУГШ со слов военного агента в Японии. – Среди даже сравнительно образованных лиц наша революция представляется только одними событиями восстаний, бунтов, контрдвижений с подсчетами убитых, раненых и прочих человеческих жертв»⁴⁴⁹. Летом-осенью 1917 г. русские дальневосточные власти обнаружили наплыв в край японских

⁴⁴⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 83 (шифрованная телеграмма посла виконта Учида министру иностранных дел виконту Мотоно. Петроград, 12 мая 1917 г. № 435). Отъезд этого великого князя в Японию не состоялся ни тогда, ни впоследствии.

⁴⁴⁵ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 926. Л. 13. – Шифрованная телеграмма Козакова Крупенскому. Петроград, 10/23 мая 1917 г.

⁴⁴⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1865. Л. 171. – Секретная депеша Крупенского Терещенко. Токио, 17/30 июля 1917 г. № 106.

⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8282. Л. 4-4 об. – Отношения 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора Рябикова в Петроградское окружное интендантское управление. Ноябрь 1917 г. №№ 5620, 1097.

⁴⁴⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 96. – Шифрованная телеграмма министра виконта Мотоно послу в Петрограде виконту Учида. Токио, 7/20 июня 1917 г. № 507. Т. Каваками начинал как чиновник МИДа и в 1904 г. выступил переводчиком на тайных переговорах в Токио руководства японского Генштаба с Романом Дмовским, представителем польской националистической «Лиги народной», о подрывной деятельности последней в действующей русской армии в Маньчжурии. Впоследствии Каваками превратился в ярого сторонника русско-японского сближения: объехав «всю Россию, Сибирь и Приамурье», он, по собственному признанию, убедился в необходимости «теснейшего торгового союза между Россией и Японией». – Новое время. 29.9/12.10.1914. № 13847. С. 3 (интервью с Т. Каваками).

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3519. Л. 24. – Краткая сводка сведений генерал-квартирмейстера ГУГШ по Японии по данным на 1 октября 1917 г. Петроград, январь 1918 г.

жандармов, агентов тайной полиции и офицеров⁴⁵⁰, которые частью прибывали под видом старателей или коммерсантов, представителей фирмы Кухара, «для покупки приисков» – в числе прочего эта фирма занималась разведкой золота на русском Дальнем Востоке. «Грандиозных размеров», по местной официальной оценке, достигло хищническое японское рыболовство у берегов Камчатки.

В апреле-мае 1917 г. русские газеты гневно опровергали слухи о намерении стран Антанты предложить японцам ударить в тыл России занятием Приамурья и Забайкалья, если Петроград заключит сепаратный мир с центральными державами. Русские дальневосточные военные власти бомбардировали русского военного атташе в Токио запросами о целях похода, к которому якобы готовится японская армия, или «верно ли, что японцы высаживают десант в Инкоу»⁴⁵¹. Одновременно русская секретная служба отметила эскалацию японского военного присутствия на севере Кореи и заготовку военных припасов в ее пограничных с Россией районах⁴⁵². Активность японских военных тревожила гражданское население и порождала слухи о скорой оккупации Приморья и Приамурья⁴⁵³. Со своей стороны, командующий войсками Приамурского военного округа начал исподволь укреплять стратегические пункты округа, готовясь к отражению внешней атаки, а в Генеральном штабе задумали подготовить и направить в Токио для публикации в японской прессе серию информационных материалов за подписью министров П.Н. Милюкова (иностранных дел) и А.И. Гучкова (военного) «о работе Временного правительства по устройению государства», об отношении новых российских властей к вопросу о сепаратном мире, о «роли и значении Совета рабочих и солдатских депутатов» в жизни страны и по другим вопросам⁴⁵⁴.

По донесению Яхонтова, послефевральское внутреннее положение России представлялось токийским правящим кругам запутанным, тревожным и «хаотическим»⁴⁵⁵. Состояние российских финансов также вызывало здесь немалую озабоченность. Военные закупки в Японии поглощали менее одного процента суммарного военного бюджета России, который, по состоянию на вторую половину 1917 г., был исчислен в размере 49,8 млрд рублей (по подсчетам еще императорского Министерства финансов, один день войны в среднем обходился русской казне в 15 млн руб.⁴⁵⁶). Однако при этом сумма

⁴⁵⁰ Один из русских очевидцев утверждал, что распознать переодетого японского военного легко по характерной походке, выработанной от «искусственного отучения шаркать ногами. Офицеры, кроме того, сохраняют всегда особый жест левой руки от постоянной японской привычки держать ее обыкновенно на эфесе сабли». – Цит. по: *Шулатов Я.А.* Указ. соч. С. 154.

⁴⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6281. Л. 20 (рапорт Яхонтова генерал-квартирмейстеру ГУГШ. Токио, 7/20 мая 1917 г. № 311). «Все это показывает, – комментировал ситуацию Яхонтов, – как еще далеки мы с японцами от того, чтобы понимать друг друга, верить там, где это нужно, и не доверять без почвы».

⁴⁵² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 143. Л. 26. – Секретная телеграмма комиссара по делам Дальнего Востока в МИД. Хабаровск, 17/30 июня 1917 г. № 324/1738.

⁴⁵³ Там же. Л. 4. – Секретная телеграмма областного комиссара министру внутренних дел. Благовещенск, 28 сентября/11 октября 1917 г.

⁴⁵⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6281. Л. 22-22 об. – Доклад генерал-квартирмейстера ГУГШ начальнику Генштаба. Петроград, 6/19 июня 1917 г. № 52568. Секретно.

⁴⁵⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6281. Л. 23-23 об. – Шифрованная телеграмма Яхонтова в ГУГШ. Токио, 29 мая/11 июня 1917 г. № 22354.

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 627 (Б.В. Штюрмер). Оп. 1. Д. 72. Л. 1 (копия всеподданнейшего доклада Барка. Вторая половина 1915 г.). Барк имел в виду военные затраты первого года военных действий (газета «Новое время» определила эти траты в 12-13 млн руб./день — ровно столько, сколько тогда тратила на эти же цели, скажем, и Великобритания). По сведениям Военного министерства и Экономического совета при Временном правительстве, в 1915 г. суточный расход России на войну составлял 25,7 млн руб., в 1916 г. – 29,8 млн руб., а в 1917 г. – уже 58,9 млн руб. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2335. Л. 2 об. (Краткий отчет о деятельности Военного министерства за 1916 г.); *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 115-116 (примечание)). Что касается суммарных ассигнований казны на ведение боевых действий, то, по позднейшим данным Народного банка, они выражались цифрой в 54 367,2 млн руб., из которых кредиты военному и морскому ведомствам (то есть средства, выделенные непосредственно на оборону) составили 41 446,3 млн: 38 426 млн руб. армии и 3 020,3 млн руб.

внутреннего и внешнего государственного долга (около 44 млрд руб. на 1 июля 1917 г.⁴⁵⁷), включая заимствования в Японии, была лишь немногим меньше совокупно потраченного на войну при ожидаемом годовом доходе бюджета всего в 5,4 млрд руб. Другими словами, Россия воевала взаймы, все более погрязая в неоплатных долгах. Проанализировав эти цифры, в августе 1917 г. Временное правительство было вынуждено констатировать «чрезвычайное расстройство» российских финансов⁴⁵⁸. Несмотря на это, в Токио, хотя все менее охотно и на все более тяжелых финансовых условиях, но продолжали предоставлять России крупные займы. Последние контракты с Банком Японии о заимствованиях посол Крупенский от лица своего правительства подписал осенью 1917 г.: 8 октября – на 66,7 млн иен и 8 ноября – на 50 млн⁴⁵⁹. Большая часть вновь полученных средств пошла на погашение ранее сделанных в Японии займов и оплату просроченных платежей по военным поставкам. Однако эти суммы не покрывали даже долгов по уже заключенным в Японии военным контрактам, которые составляли на тот момент немногим менее 123,5 млн иен. Осенью 1918 г. японское правительство вынужденно выкупило у синдиката Тайхей-Кумиай просроченные обязательства русского казначейства на общую сумму 36,7 млн иен.

После октябрьского переворота 1917 г. японское посольство в Петрограде получило указание своего министра исключить любые шаги, «которые могут быть расценены как признание большевистского режима»⁴⁶⁰. Отказались признавать его и другие страны Антанты. При этом японский посол заявил об отсутствии у его правительства каких-либо воинственных планов применительно к России⁴⁶¹. Русские военные власти, со своей стороны, вплоть до января 1918 г. продолжали направлять в японскую военную миссию секретные сводки сведений о противнике, полученные из штабов фронтов. «Отношение к России японцев как официальных лиц, так и большей части прессы продолжает быть доброжелательным, – телеграфировал из Токио в Петроград в декабре 1917 г. русский военный агент. – Большевиков здесь не считают, конечно, Россией и зная, что они не признаны страной, признавать их не считают возможным. Относительно переговоров [о советско-германском сепаратном] перемирии высказываются сомнения [о] значительности этого факта и даже самой его осуществимости. Во всяком случае, говорить о каких-либо агрессивных выступлениях Японии [в] ближайшем [будущем] нет оснований»⁴⁶².

Но и эти ожидания оказались ошибочными. Приход к власти прогермански ориентированных большевиков и их соглашения с державами германского блока о прекращении военных действий, перемирии (от 5/18 декабря) и начале мирных переговоров (от 9/22 декабря 1917 г.) фактически разорвали союзнические отношения России с Антантой. В странах Дальнего Востока большевистский внешнеполитический

военному флоту. – РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1462. Л. 15. Справка о военных расходах России за время с начала войны по 1 апреля 1920 г.

⁴⁵⁷ На конец 1917 г., по подсчетам советских экономистов, общий государственный долг России составлял уже 60 млрд руб. – 44 млрд внутренних и 16 млрд внешний, из которого 8,5 млрд образовались в годы самой войны. – *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. С. 8, 92, 515.

⁴⁵⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 99. Т. 2. Л. 651-655. – Копия протокола заседания Временного правительства, август 1917 г.

⁴⁵⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 925. Т. 1. Л. 245-245 об. (секретное донесение Крупенского Терещенко. Токио, 9/22 октября 1917 г. № 70); ГА РФ. Ф. Р-5980. Оп. 1. Д. 56. Л. 40 (секретное письмо военного атташе генерал-майора В.А. Яхонтова, морского атташе контр-адмирала Б.П. Дудорова и коммерческого агента статского советника К.К. Миллера японскому военному министру генерал-лейтенанту К. Осима. Токио, 25 декабря 1917 г. № 2085). В дальнейшем Япония выступила главным займодавцем Китая. Общая сумма займов, предоставленных ею в 1918 г. различным учреждениям и организациям Поднебесной, составила почти 240 млн иен. Подробнее об этом см.: *Ген. Н. Головин, адм. А. Бубнов.* Тихоокеанская проблема в XX столетии. Пер. с англ. Прага, 1924. С. 79-80.

⁴⁶⁰ *Абрикосов Д.* Судьба русского дипломата. С. 326.

⁴⁶¹ Правда. 1917. 22.11/5.12. № 196. С. 3.

⁴⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3515. Л. 64. – Шифрованная телеграмма Яхонтова генерал-квартирмейстеру Главного штаба. Токио, 25 ноября/8 декабря 1917 г. № 946.

курс был расценен как «подчинение России германской гегемонии», что неизбежно наносило чувствительный ущерб международному престижу России в целом и обесценивало ее как союзника⁴⁶³. Зимой 1917/1918 гг. количество японских военнослужащих, направленных с разведывательными целями на русский Дальний Восток, продолжало расти. В одном декабре 1917 г. под видом студентов, изучающих русскую историю и язык, в Россию было направлено дополнительно шесть младших офицеров. В январе 1918 г. генерал М. Накадзима и офицер Генштаба подполковник Сакабэ Тосухо были командированы в Приморье как для сбора разведывательных данных, так и, главным образом, для создания из «умеренных элементов» русского общества антибольшевистского правительства, которое явилось бы барьером для распространения на восток немецко-австрийского влияния. Премьер граф Тэраучи следующим образом инструктировал генерала Накадзиму: «Если бы удалось возвести мощную дамбу из созданного русскими на Дальнем Востоке умеренного правительства, [японская] империя получила бы партнера для ведения переговоров и могла бы предоставить ему заем или оружие в требуемых количествах»; при благоприятном стечении обстоятельств не исключена и посылка японских войск ему в помощь⁴⁶⁴. 22 января 1918 г. Накадзима прибыл во Владивосток. Вскоре Токио сделал ставку на правительство походного атамана Уссурийского, Забайкальского и Амурского казачьих войск генерал-лейтенанта Г.М. Семенова.

Правительства Антанты высказывали законную озабоченность и переброской центральными державами своих войск с русского фронта на запад в явное нарушение условий своего только что заключенного перемирия с большевиками. В недрах токийского МИД появился секретный меморандум о необходимости «фундаментального изменения внешней политики Империи»⁴⁶⁵. В январе 1918 г. руководители союзных военных миссий в России направили новому начальнику штаба верховного главнокомандующего коллективное представление по этому поводу, которое подписал и генерал З. Исидзака⁴⁶⁶, но безрезультатно. Несмотря на произошедшее, большевистская пресса, только что называвшая непереброску войск с русского фронта на западный против Франции и Англии «главным пунктом условий перемирия» с Германией, занялась демагогическими упражнениями на тему о том, что «русская революция не предает», а «защищает солдат Франции», потому-де, что советская власть представляет не только русских рабочих и крестьян, но также и народы Франции, Англии и Италии⁴⁶⁷.

Руководствуясь инструкциями Токио, японское посольство в Петрограде проигнорировало предложения НКВД заключить с Россией новое экономическое

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3519. Л. 23. – Краткая сводка сведений ГУГШ по Китаю. Петроград, январь 1918 г. № 49507.

⁴⁶⁴ Цит. по: *Morley J.W. The Japanese Thrust.* P. 68-69.

⁴⁶⁵ *Morley J.W. The Japanese Thrust.* P. 54.

⁴⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1462. Л. 288-289 (Запрос начальников 8-ми иностранных военных миссий генералу М.Д. Бонч-Бруевичу (на фр. яз.). Петроград, 9/22 января 1918 г.). По данным союзников, в период с 17 декабря 1917 г. по 20 января 1918 г. с русского фронта на англо-французский были переброшены 12 австро-германских дивизий, на итальянский фронт – две дивизии венгерского ландвера (гонведов) и две турецкие дивизии — в Палестину, всего — 16 дивизий с вооружением, артиллерией, военной техникой и боеприпасами. В результате дальнейших перебросок из 80-ти германских дивизий на русском фронте (годом раньше здесь их было 187) их осталось только 37. Но и из оставшихся в России боевых частей немцы выводили солдат в возрасте до 35-ти лет, укрепляя ими те же войска своего Западного фронта. Начальник штаба главноверха, вполне лояльный новой власти генерал Бонч-Бруевич (интересно, что при царизме этот генерал, по свидетельству А.С. Лукомского, по своим политическим убеждениям был «правее самых правых», но в 1917 г. быстро обратился сначала в «верноподданного» Временного, а затем и большевистского правительств. – *Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории.* 2001. № 5. С. 101, 102), признал основательность сведений бывших союзников, а действия центральных держав — грубым нарушением условий перемирия с ними, о чем и известил верховного главнокомандующего. Реакции со стороны большевистского главноверха Н.В. Крыленко, разумеется, не последовало.

⁴⁶⁷ Правда. 24.11/7.12.1917. № 198. С. 1 (передовая статья и статья без подписи «Ход переговоров о перемирии»); *Деникин А.И.* Брест-Литовск. Париж, 1933. С. 9.

соглашение и политическую конвенцию по дальневосточным делам⁴⁶⁸ – этим способом, по мнению историка А.Ю. Сидорова, советское правительство пыталось, во-первых, предотвратить японскую интервенцию на оголенном в военном отношении русском Дальнем Востоке и, во-вторых, столкнуть интересы Японии и США за право освоения природных богатств Восточной Сибири и Приморья. В свою очередь, токийские русофилы разделились на противников (представители партии Сейюкай в парламенте и клана Сацума в правительстве) и сторонников (руководители Генштаба генералы Уехара, Танака и др., группировка министра Мотоно в МИД) вооруженного вмешательства во внутривосточные дела в виде военной экспедиции в Приморье и бассейн Амура.

Русская дипломатическая миссия в Токио, включая обоих военных атташе, оторицала сотрудничество с «рабоче-крестьянской» властью, несмотря на призывы ГУГШ не бросать работу «ввиду еще продолжавшейся войны»⁴⁶⁹. По признанию Д.И. Абрикосова, с ноября 1917 г. миссия превратилась в оторванное от родины «посольство без правительства». Несмотря на непризнание в Токио большевистского режима и нараставшие в самой России хаос, разновластие и неразбериху, военные грузы из Японии продолжали исправно поступать. Как и в прежние времена, на месте их принимали и отправляли в Россию посольские военный и военно-морской атташе, а также офицеры, командированные «довольствующимися» военными главками – 7 от ГАУ, 2 от ГВТУ и 3 от ГИУ, всего — 12 человек. Судя по сохранившейся официальной переписке, последние суда русского Добровольного флота с военным имуществом и боеприпасами они отправили из Йокогама во Владивосток в феврале 1918 г.⁴⁷⁰ На владивостокском рейде к тому моменту уже стояли японский и британский крейсера (в марте к ним присоединился американский военный корабль). Посланные в январе под предлогом охраны местной японской колонии и военных складов Антанты⁴⁷¹, фактически они положили начало

⁴⁶⁸ Суть этих предложений японцам нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин огласил в июле 1918 г на V-м съезде Советов. Речь шла о готовности Кремля «допустить японских граждан к мирному использованию естественных богатств Сибири», продать Японии южную оконечность КВЖД (от Харбина до Чанчуня), а также возобновить русско-японские торговый трактат и рыболовную конвенцию. – *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке. С. 22.

⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1-в. Л. 32 об.

⁴⁷⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6109. Л. 25. В январе 1918 г. военный атташе в Токио получил указание Петрограда впредь размещать в Японии заказы только небоевого назначения и полностью «ликвидировать» старые боевые (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6287. Л. 23 об. – Шифрованная телеграмма ГУГШ военному агенту в Японии. Петроград, 23 декабря 1917 г./5 января 1918 г. № 1406). В марте 1918 г. «для собирания и систематизации материалов по ликвидации наших военных заказов» в Японию как представитель уже советского военного ведомства был направлен выпускник Восточного факультета Петроградского университета О.В. Плетнер. (Там же. Д. 3515. Л. 31). Тогда же, в марте 1918 г., в Петрограде было создано Совещание по ликвидации заказов военно-морского ведомства. Однако министр иностранных дел Сибирского правительства А.Н. Петров, посетивший Токио в сентябре 1918 г. по поручению своего правительства (к тому времени преобразованного во Временное правительство автономной Сибири), в отчете о командировке утверждал, что японские военные поставки России продолжают и полковник Подтягин по-прежнему направляет их во Владивосток («кто там принимает, учитывает и пользуется этой амуницией, он не знает»), а о Плетнере не упомянул вовсе. Советский командарм Н.Е. Какурин позднее уточнил, что Япония предоставила свой рынок Сибирскому правительству, которое вплоть до октября 1919 г. разместило здесь заказов на 30 млн иен (*Какурин Н.* Антанта и экономика белых // Кто должник? Сб. документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции / Под ред. А.Г. Шляпникова и др. М., 1926. С. 535). При этом, однако, русское посольство в Токио не спешило признавать посланное Петрова правительство, почему обстановка в нем тому категорически не понравилась: «Чрезвычайно безотрадная, тяжелая картина старого, затхлого, разложившегося бюрократизма, издающего смрадный запах». – Отчет А.Н. Петрова о поездке в Японию. Токио, 15 сентября 1918 г. // Красный архив. 1929. Т. 4(35). С. 58-59.

⁴⁷¹ По данным американцев, к тому времени во Владивостоке находилось лишь 700-750 тонн военных грузов союзников общей стоимостью примерно в миллиард долларов (*Morley J.W.* The Japanese Thrust. P. 38). Отечественные авторы приводят совсем иную цифру — 50 млн

интервенции союзников на русский Дальний Восток. В инструкции вице-адмиралу Като Кандзи японский морской министр указал, что Япония не питает враждебных чувств к России «в широком значении этого слова» и надеется на продолжение прежних отношений с ней. Япония, однако, не намерена поддерживать «германских марионеток» Ленина и Троцкого, будет стремиться «уничтожить их власть как можно скорее и оказать поддержку более умеренному режиму». При этом министр подчеркнул, что высказывает только собственную, но не правительственную точку зрения, которая пока официально не сформулирована⁴⁷².

Тем временем на противоположном конце бывшей Российской империи завершалась подготовка советско-германского сепаратного мира, призванного спасти и Германию от окончательного разгрома, и большевистский режим. До подписания Брестского договора, предательского по отношению к недавним союзникам России и катастрофического для нее самой как великой державы, оставались считанные дни. «Брест-Литовский договор есть *смерть* России как самостоятельного политического и экономического организма», – констатировал в 1918 г. историк и публицист, будущий советский академик Е.В. Тарле⁴⁷³. Не выдержав позора Бреста, покончили с собой видные деятели военной разведки генерал В.Е. Скалон, бывший генерал для поручений Управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем, и один из его подчиненных полковник Генштаба П.А. Базаров, до войны работавший военным атташе в Берлине.

Весной 1918 г., вспоминал американский журналист и социолог Уолтер Липпман, многие на Западе были напуганы выходом России из войны и требовали замены исчезнувшей русской армии «бездействовавшей японской» – «они были столь убеждены в необходимости второго фронта и в доблести японских солдат, что мысленно перенесли эту армию из Владивостока в Польшу на ковче-самолете»⁴⁷⁴. В свою очередь, лидер большевиков в начале мая 1918 г. убедил соратников пренебречь союзом с Токио, «ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем против Японии»⁴⁷⁵. К тому времени рядом громких акций — в первую очередь, декретами о мире (от 26 октября/8 ноября 1917 г.) и об аннулировании государственных займов (от 21 января/3 февраля 1918 г.), а равно односторонней публикацией в ноябре 1917 — феврале 1918 гг. секретных международных обязательств своего предшественника (в том числе закрытых статей договора с Японией 1916 г.) с указанием на их недействительность – советское руководство успешно ликвидировало политико-правовую основу взаимоотношений России с внешним миром, включая дальневосточный регион. Тем самым оно поставило свою страну вне системы международных отношений, которая, по представлениям большевиков, была обречена надвигающейся мировой социалистической революцией. Развивая этот постулат весной 1919 г., Ленин говорил на VIII-м съезде РКП:

пудов, что соответствует 800 тысячам тонн. Косвенно справедливость такой оценки подтверждают наблюдения русского дипломата, посетившего Владивосток в начале лета 1917 г. по пути в США. Б.А. Бахметев полагал, что для разгрузки этого порта от скопившихся там военных, преимущественно японских, грузов требовалось, как минимум, 8-9 месяцев интенсивной (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6288. Л. 26. – Копия шифрованной телеграммы посла Б.А. Бахметева военному министру А.А. Маниковскому. Токио, 23 мая/5 июня 1917 г. № 22341). В этой связи историк Дэвид Стивенсон отмечает, что «своим происхождением японская интервенция обязана британскому военному министерству» (Stevenson D. The First World War. P. 210). Напротив, Джеймс Морли указывает на сдерживающее воздействие англичан на японский кабинет по вопросу о проведении военной операции в русском Приморье. Этот историк доказывает, что еще в середине декабря 1917 г. японские военные власти были готовы направить туда свой вооруженный контингент, призванный защитить тамошних иностранных подданных, установить контроль над Транссибирской магистралью и оказать помощь местным антибольшевистским силам в захвате власти. – Morley J.W. The Japanese Thrust. P. 52-55.

⁴⁷² Цит. по: Morley J.W. The Japanese Thrust. P. 64.

⁴⁷³ Тарле Е.В. Германская ориентация? // Международная политика и мировое хозяйство. Пг., 1918. № 7. С. 6.

⁴⁷⁴ Уолтер Липпман. Общественное мнение. М., 2004. С. 141.

⁴⁷⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 315 (постановление ЦК РКП(б) по вопросу о международном положении. 6 мая 1918 г.).

«существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»⁴⁷⁶. Как видим, Ленин идею мирного сосуществования «страны Советов» с капиталистическим окружением не разделял, а второй человек в партии (Троцкий), первоначально возглавивший НКВД, вообще относился к старой дипломатии, как к «буржуазному пережитку»⁴⁷⁷. В результате российская внешнеполитическая традиция оказалась искусственно прервана и институционно, и по существу⁴⁷⁸. В общественно-политическом контексте большевики, таким образом, с одной стороны, эксплуатировали эсхатологические ожидания своих патриотически настроенных сограждан первых месяцев мировой войны – ее восприятие как «конца старого мира». Но, с другой, в то же время одним махом совершили откат к довоенной модели «вооруженного мира», навеки преодолеть которую в международных отношениях путем установления нового мирового порядка, основанного на «силе права» в противовес «праву силы», в России в свое время также предполагали⁴⁷⁹.

Токийские аналитики резонно заключили, что курс новых правителей России на мировой арене делает добрососедскую политику Японии к ней «совершенно напрасной»⁴⁸⁰. Вскоре после Бреста, в связи с подписанием Россией сепаратного мира с Германией японская дипломатическая миссия покинула Петроград и выехала на родину. В марте 1918 г. токийское Совецание по международным делам под председательством премьер-министра отвергло план Мотоно о начале интервенции в Восточную Сибирь, а японское правительство заявило, что будет действовать таким образом только в случае прямой угрозы своей национальной безопасности и при обязательном одобрении союзниками по Антанте и, особенно, США⁴⁸¹. Несмотря на это, 5-6 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились две роты японских военных моряков и полурота матросов-англичан⁴⁸². Поводом к высадке этого десанта стали события 4 апреля — вооруженное ограбление японского магазина во Владивостоке, в результате которого были убиты трое его служащих-японцев. Адмирал Като обратился к городскому совету Владивостока, местному земству, Совету рабочих депутатов и командованию крепости и порта со специальным воззванием, в котором почеркнул «глубокое сочувствие и искреннюю симпатию» к России и ее народу со стороны Японии и ее западных союзников, их надежду на скорое преодоление русскими своих «национальных трудностей» и призвал «не тревожиться» появлением союзного десанта, высаженного исключительно для «защиты жизни и имущества японцев». Вскоре с таким же успокоительными заявлениями выступили здешние консулы союзников, включая японского генконсула Кикучи⁴⁸³.

⁴⁷⁶ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 38. С. 139. – VIII-й съезд РКП(б). Отчет Центрального Комитета 18 марта 1919 г.

⁴⁷⁷ Это, однако, не помешало Троцкому в феврале 1918 г., когда немцы снова двинулись на Петроград, «вспомнить» о союзниках старой России и обратиться во французское посольство за поддержкой в «священной войне» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 218 (дневниковая запись от 9 февраля 1918 г.)). По мнению другого современника (Деникина), этим обращением Троцкий просто-напросто поглумился над французами, однако те согласились предоставить деньги и оружие в случае, если большевики организуют сопротивление немцам (Stevenson D. The First World War. P. 212). Ответом Кремля стал брест-литовский мир с державами Тройственного союза.

⁴⁷⁸ Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке. С. 14-15.

⁴⁷⁹ Подробнее об этом см.: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника. С. 89-95.

⁴⁸⁰ Исии К. Дипломатические комментарии. С. 86.

⁴⁸¹ Morley J.W. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. New York, 1957.

⁴⁸² Один из русских комментаторов-современников предположил, что непосредственной целью этого японского отряда явилось «недопущение переотправки вглубь России, откуда они могли бы попасть в немецкие руки, сосредоточенных во Владивостоке больших военных запасов, а также возможное стеснение вывоза из Сибири сырья, которым равным образом не преминули бы воспользоваться германцы». – *Ни-ин*. Японский десант во Владивостоке и общая политика Японии // Международная политика и мировое хозяйство. Двухнедельный журнал. Пг., 1918. № 5. С. 74.

⁴⁸³ Morley J.W. The Japanese Thrust. P. 146-148.

Однако миролюбивые заверения японских официальных лиц были призваны скрыть подлинное состояние дел. Уже во второй половине апреля 1918 г. генерал В.Е. Флуг, командированный в Восточную Сибирь штабом Добровольческой армии, ссылаясь на слухи из Харбина, сообщил о 100-тысячной союзной армии, составленной преимущественно из японских частей, которые рассредоточены от Дайрена до Шанхая и предназначены для оккупации Сибири; «открытие военных действий предполагается с окончанием распутицы и вскрытием рек». Недавнюю же высадку японского десанта во Владивостоке Флуг расценил как «пробный шар» Токио с целью определить, «какое впечатление эта операция произведет в России»⁴⁸⁴. Как и следовало ожидать, впечатление повсеместно было неблагоприятным. Развал русской государственности, «на почве которого, как ядовитое растение, вырос японский десант, – провидчески заключал отечественный неправительственный обозреватель, – не может обойтись для нас даром, и если даже мы избавимся от иноземного нашествия на Дальнем Востоке, то нам все же придется, той или иной ценою, за него расплатиться»⁴⁸⁵. Городская дума Владивостока, городской голова и руководители земства выступили с протестом, указывая, что появление японского десанта может поколебать или вовсе уничтожить дружеские чувства русских к Японии и японцам. Исполкомы Иркутского и Хабаровского советов и московский Совнарком отреагировали пафосными воззваниями. Требуя немедленного вывода десанта, первые выражали надежду на давление на японский кабинет «японских рабочих и крестьян». Центральное большевистское правительство указало, что «империалисты Японии хотят задушить Советскую Республику, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатое пространство Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян»⁴⁸⁶. За гневными речами последовали перевод всей Сибири ЦИКом местных советов на военное положение и паническое (и заведомо невыполнимое) распоряжение Ленина Владивостокскому совдепу немедленно готовиться к «отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов» и начать установку минных заграждений «около Иркутска или в Забайкалье» ввиду того, что «японцы наверное будут наступать»⁴⁸⁷ (на деле до осени 1918 г. японский отряд не покидал Владивостока).

Полномасштабная японская интервенция в Восточную Сибирь началась в июле 1918 г. по призыву США оказать гуманитарную помощь взбунтовавшимся пленным чехословакам. В августе 1918 г. в гавани Владивостока стояло уже шесть военных кораблей союзников — флагман Азиатского флота США, британский и китайский крейсера и три корабля японского ВМФ — «Ивами», «Асахи» и «Асакагэ». Фактически Владивосток перестал быть русским городом, его заповолили многонациональные войска союзников, «готовые ринуться в одну из самых странных и необъяснимых военных авантур новейшего времени — в сибирскую интервенцию»⁴⁸⁸. К ноябрю 1918 г. численность японских солдат на русской территории достигала уже 70 тысяч⁴⁸⁹.

Угроза японской интервенции и вообще дальневосточная тематика перестали терзать большевистский Олимп, по-видимому, уже с середины мая 1918 г. После Бреста, осознавал Ленин, от России «ничего не осталось, кроме Великороссии», но и ее как таковую (то есть вне своего контроля) большевики защищать не желали, в преддверии ожидаемой ими всемирной пролетарской революции объявив «интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства»⁴⁹⁰. Ввиду этого большевиков ленинского «призыва» не смущали территориальные потери России. А.И.

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-6683 (генерал В.Е. Флуг). Оп. 1. Д. 1-а. Л. 3 об. — Копия донесения Флуга в штаб Добровольческой армии. Омск, 20 апреля 1918 г.

⁴⁸⁵ *Ни-ин*. Японский десант во Владивостоке и общая политика Японии. С. 84.

⁴⁸⁶ Воззвание Совета Народных Комиссаров от 8 апреля 1918 г. // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. № 5. С. 103. В действительные планы даже японских военных «ястребов» не входило вторжение на российскую территорию далее Байкала.

⁴⁸⁷ *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 216. Директивы Владивостокскому Совету. 7 апреля 1918 г.

⁴⁸⁸ *Morley J.W.* The Japanese Thrust. P. 3.

⁴⁸⁹ *Stevenson D.* The First World War. P. 216.

⁴⁹⁰ *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 341-342. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.

Деникин по протоколу заседания Военного совета могилевской Ставки от 22 января 1918 г. цитирует слова большевистского главковерха Н.В. Крыленко в связи с новым наступлением немцев и в контексте рассмотрения вопроса о подписании с ними мира на еще более тяжелых условиях: «Какое нам дело – будет или не будет урезана Россия! И какое, наконец, нам дело — будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию только буржуев... Наплевать нам на территории! Новая социалистическая армия не должна вести войну на внешнем фронте. Она будет стоять на страже советской власти, и главнейшая задача ее в том, чтобы раздавить нашу буржуазию, которая должна погибнуть. [...] Нам совершенно безразлично, какая территория и какая материальная часть останется у нас, нам одно только важно — не быть побежденными в гражданской войне»⁴⁹¹.

Помимо классово-политических соображений падение интереса Кремля к Дальнему Востоку явилось реакцией и на события в самом этом регионе. С конца мая 1918 г. в результате восстания чехословаков, спровоцированного попыткой их разоружения по распоряжению нового наркома по военным делам Троцкого, Дальний Восток оказался отрезан от Центральной России. Вскоре в основных дальневосточных центрах пала и большевистская власть, советское государство потеряло выход к Тихому океану. Около года спустя, в феврале 1919 г. в связи с обсуждением условий участия в инициированной президентом США мирной конференции с представителями белых правительств на Принцевых островах Кремль заявил о принципиальной готовности на уступку соседним странам даже неподконтрольных себе территорий бывшей Российской империи. Как остроумно заметила эмигрантка А.В. Тыркова, «для мировой буржуазии у комиссаров всегда есть в карманах если не жирные куски, то хоть жирная бумага от давно съеденных имперских пирогов»⁴⁹². В числе прочего в 1919 г. большевистское руководство согласилось обсудить возможную аннексию Японией российского Дальнего Востока и части Восточной Сибири – премьер омского правительства адмирала А.В. Колчака отмечал тогда контраст между действиями японских войск в Сибири, которые уже приобрели черты военной оккупации, и официальным дружелюбием Токио при сохранявшейся неясности пределов территориальных вожделений Японии⁴⁹³. По горячим следам, в речи на VIII-м съезде РКП в марте 1919 г. Ленин с удовлетворением констатировал, что теперь, благодаря состоявшемуся сепаратному миру с Германией, вопрос о подобных территориальных уступках уже «не вызвал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и так же отнеслась к этому и партия»⁴⁹⁴. Таким образом, дело шло к крупным потерям России и на берегах Тихого океана.

Однако мирная конференция на Принцевых островах не состоялась, готовность Кремля на территориальные уступки на Дальнем Востоке повисла в воздухе. Совет министров колчаковского правительства в февральской (1919 г.) ноте странам Антанты заявил, что, соглашаясь послать делегатов на эти переговоры, большевики тем самым, «ради собственного спасения и сохранения очага мировой анархии», продемонстрировали готовность «как ранее в Брест-Литовске, на продажу русской чести и

⁴⁹¹ Деникин А.И. Брест-Литовск. Париж, 1933. С. 30-31.

⁴⁹² Цит. по: Канищева Н.И. Предисловие // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. С. 17. В 1922 г., следуя той же модели поведения, Кремль устами своего посланца А.А. Иоффе предложил Токио купить северную часть Сахалина, к тому времени на протяжении двух лет оккупированную японцами. Однако не сошлись в цене: Иоффе запросил миллиард иен, японцы давали лишь 150 млн. – См.: Деникин А.И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. С. 18-19.

⁴⁹³ Шифрованная телеграмма премьер-министра П.В. Вологодского послу России во Франции. Омск, 21 февраля 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6(37). С. 98, 100. Еще в августе 1918 г. Япония подтвердила союзникам свое «уважение к территориальной целостности России», обещая вывести свои войска «без всякого ущерба русского суверенитета». Однако, как указывалось выше, вскоре Япония, под флагом «необходимой самозащиты» оккупировав северный Сахалин, приступила к его японизации, в то время как прочие союзные контингенты в 1920 г. были эвакуированы из Сибири. Из Приморья японские войска были выведены лишь осенью 1922 г., а с Сахалина — в 1925 г.

⁴⁹⁴ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 38. С. 135.

достояния»⁴⁹⁵. Не только Сибирское, но и Архангельское и Южно-русское правительства, а вслед за ними и крупные общественные организации отвергли переговоры с большевиками – соглашение с «изменниками», «кровавыми тиранами», «узурпаторами, преступниками, не признающими ни закона, ни совести», писали представители белых правительств инициаторам конференции, невозможно⁴⁹⁶. «Никаких компромиссов с большевизмом» – таким стал лозунг большей части и русской эмиграции, и бывших союзников России. До середины 1920-х гг. японское правительство безоговорочно признавало русскую дипломатическую миссию в Токио в прежнем составе. Вплоть до 1922 г. Подтягин, которому Колчак присвоил звание генерал-майора, человек, по характеристике генерала Рябикова, «глубоко честный, до щепетильности аккуратный в денежных делах», продолжал управлять военной агентурой в Токио, «имея целью сохранить ее и средства (довольно крупные) для будущей возрожденной России»⁴⁹⁷.

Ожидания ленинцами мировой пролетарской революции оказались тщетными. В начале 1920-х гг. кремлевским правителям пришлось-таки встраиваться в систему международных отношений с учетом геополитических интересов России. Дооктябрьские позиции в дальневосточном регионе СССР в основном сумел восстановить к концу 1922 г., а официальные отношения с Японией на государственном уровне – лишь в 1925 г. Одновременно окончательно самоупразднилась бывшая русская дипломатическая миссия в Японии, большинство русских дипломатов покинуло страну.

⁴⁹⁵ Шифрованные телеграммы П.В. Вологодского послу России во Франции (для С.Д. Сазонова). Омск, 9 и 11 февраля 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 6(37). С. 72, 74.

⁴⁹⁶ Заявление белых правительств Мирной конференции. 14-16 февраля 1919 г. // Там же. С. 75-76.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1-д. Л. 10 об. Воспоминания генерал-майора Генерального штаба П.Ф. Рябикова «В миссии главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальневосточной окраины в г. Токио в 1920-1921 году и в г. Шанхае в 1921-1924 гг.». Основную часть средств, о которых пишет Рябиков, Подтягин держал на счету в Японском банке. В середине 1920-х гг. права на эти деньги в японском суде пытались оспорить атаман Семенов, представители областного Сибирского правительства и некоторых японских фирм-поставщиков.

Приложение

№ 1

Шифрованная телеграмма военного агента генерал-майора В.К. Самойлова в ГУГШ

Йокогама, 22 июля/4 августа 1914 г.
№ 311

Японцы обещают полное содействие, указывают [на] возможность если надо снабжать [Россию] ручным оружием, огнестрельными припасами, продовольствием через частных лиц.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 372. Л. 155.
Машинописная копия.

№ 2

Шифрованная телеграмма помощника военного агента в Китае капитана В.В. Блонского в ГУГШ

Мукден, 22 июля/4 августа 1914 г.
№ 336

Сейчас представитель всемирно известной фирмы Мицуи вследствие телеграфной инструкции Главной конторы [фирмы] просил меня передать принципиальное предложение поставки оружия русской армии. Фирма признает Мукден наиболее удобным местом переговоров ввиду отсутствия наблюдения других держав. Испрашиваю указаний⁴⁹⁸.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 164.
Машинопись.

№ 3

Шифрованная телеграмма В.К. Самойлова в ГУГШ

Йокогама, 22 июля/4 августа 1914 г.
№ 316

Дополнение 311. [Японцы] предлагают поставлять все нужное для артиллерии, изготовляя наши образцы или, если требуется, скоро уступив состоящие на вооружении орудия. Предпочтительно вести переговоры [во] Владивостоке, куда могут выехать японцы немедленно.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 162.
Машинопись;
АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 372. Л. 209.
Машинописная копия.

№ 4

Шифрованная телеграмма посла Н.А. Малевского-Малевица министру иностранных дел С.Д. Сазонову

⁴⁹⁸ Помета делопроизводителя Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ: «Телеграмма 336 была доложена военному министру, его помощнику и разослана в копиях в канцелярию военного министра и в довольствующие Главные управления 24 июля 1914 г. *Полковник Груденштрем*».

Токио, 25 июля/7 августа 1914 г.
№ 126

Маршал Ямагата прислал ко мне известного поставщика на японскую армию Таката с секретным предложением поставлять нам всевозможные военные материалы, указывая на наиболее удобный путь через Корею, генерал-губернатор коей, граф Тераучи, окажет всякое содействие, как и администрация Южно-Маньчжурской дороги. Выдаю представителю Такаты, едущему во Владивосток, рекомендацию от посольства; такие же выданы рекомендованным военным министерством фирмам барона Митсуи и Окура. Последние предлагают через Самойлова устроить нам наем или продажу 3-х японских добровольцев, могущих служить военными транспортами.

Соблюдаемый пока Японией нейтралитет для нас приобретает все более и более благоприятный характер.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 12.
Машинописная копия.

№ 5

Из шифрованной телеграммы посла в России барона Мотоно Итиро министру иностранных дел барону Като Такааки. Перевод с японского⁴⁹⁹

С.-Петербург, 10 августа (н. ст.) 1914 г.

Когда я сегодня посетил министра иностранных дел [С.Д. Сазонова], чтобы расспросить его о дальнейшем ходе событий, министр мне конфиденциально сообщил следующее:

После того, как возник нынешний кризис, из Японии получены весьма удовлетворительные для России известия. В последние дни для всего русского народа доставило величайшее удовлетворение видеть, что японцы питают весьма доброжелательные чувства по отношению к русским. Так как было невозможно знать наперед намерения японского правительства, то он до сегодняшнего дня не говорил со мной об этом.

[...] В интересах мира на Дальнем Востоке, равно как и русско-японских интересов министр полагает, что в настоящее время непременно следует покончить с этим вопросом. Он докладывал по этому поводу государю императору. Государь вполне разделяет этот взгляд и дал свое согласие на заключение Россией союзного договора с Японией в целях обеспечения постоянного мира на Дальнем Востоке.

Далее. 9 августа получена телеграмма от русского посла в Токио того содержания, что французское правительство сделало какое-то предложение японскому правительству относительно участия Японии в нынешней войне, но что японское правительство еще не пришло к окончательному решению [...]. Министр надеется на участие с нашей стороны в настоящей войне. В конце разговора министр просил по телеграфу сообщить содержание нашего разговора Вашему Превосходительству.

По поводу вышеизложенного мое личное мнение, что [...] для императорского правительства будет самым целесообразным теперь выступить совместно с Англией, Россией и Францией, принять участие в настоящей войне и содействовать в целях самозащиты тому, чтобы положить конец диктаторскому поведению Германии, укрепить положение империи в политическом и коммерческом отношениях. Я также убежден, что для подобных шагов теперь самый подходящий момент [...]. Хотя мне не известно, как дело обстоит с французским предложением, оно во всяком случае было сделано с согласия Англии и России. Если эти три державы в такой степени надеются на содействие Японии, то, очевидно, положение в Европе требует этого безотлагательно.

⁴⁹⁹

На документе знак его прочтения Николаем II.

Наконец, как бы ни выпало решение императорского правительства, я считаю в настоящее время необходимым остаться в тесном и дружественном соприкосновении с русским правительством и прошу поэтому мне сообщать по возможности о всех переговорах, которые ведутся по этому вопросу с представителями великих держав в Токио.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 240-241 об.
Машинопись.

№ 6

Шифрованная телеграмма В.К. Самойлова в ГУГШ

Йокогама, 3/16 августа 1914 г.
№ 349

Сегодня генерал Акаси, вызвав меня к себе, заявил о готовности Японии помогать нам всем в настоящую кампанию, добавив, что мы можем быть спокойны за нашу Сибирскую границу и за порядок в Китае. Послу доложено⁵⁰⁰.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4453. Л. 159.
Машинопись;

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 2.
Машинопись;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 6. Ч. 1. С. 113⁵⁰¹.

№ 7

Шифрованная телеграмма товарища министра иностранных дел А.А. Нератова Н.А. Малевскому-Малевичу

Петроград, 19 августа/1 сентября 1914 г.
№ 2326, спешно

Сношениями наших и японских военных агентов выяснено, что японское правительство принципиально согласно продать нам часть орудий тяжелой осадной артиллерии с боевым комплектом и винтовки с патронами, какими вооружена японская армия. Дело это предварительно должно быть решено дипломатическим путем.

Благоволите спешно объясниться с министром иностранных дел об уступке нам сказанных предметов вооружения, в которых у нас настоятельная необходимость.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75а. Л. 404.
Машинопись.

№ 8

Из шифрованной телеграммы Н.А. Малевского-Малевича А.А. Нератову

Токио, 21 августа/3 сентября 1914 г.
№ 200

Телеграмма № 2326 получена.

⁵⁰⁰

Помета: «В высоч[айшую] сводку. Монкевиц. 4 августа 1914».

⁵⁰¹

В публикации Акаси воспроизведен как «Ахаси».

Только что виделся с бароном Като и объяснился с ним по содержания Вашей телеграммы. Барон Като обещал переговорить о нашем деле с военным министром и дать ответ в возможной скорости [...]. Считаю долгом пока доложить нижеследующее:

Японское правительство, как я доносил императорскому правительству секретной телеграммой от 24 июля № 113 и 2 августа № 163, выразило полную готовность содействовать нам по мере возможности в удовлетворении наших военных потребностей. В самом начале войны в японском военном министерстве заявили нашему военному агенту желание ...⁵⁰² оружием и огнестрельными припасами, а затем и артиллерией. О предложениях этих генерал Самойлов тогда же телеграфировал своему начальству. С того времени японцы вступили в войну и озабочены военными снабжениями собственных войск. Кроме того, как мне по секрету сказал барон Като, французское правительство обратилось к Японии с просьбой ссудить ему 600 000 ружей с патронами. Из этого количества японцы могли уступить только 50 000, которые на днях и отправляются во Францию. Заготовление новых ружей, по словам Като, затруднено подвозом стальных частей из Австрии. Поэтому ныне нам трудно рассчитывать на столь широкую готовность японского военного министерства, которая была им проявлена месяц тому назад. Однако возможное будет сделано.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 64.

Машинопись;

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 3.

Машинописная копия.

№ 9

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова поверенному в делах в Лондоне

Петроград, 21 августа/3 сентября 1914 г.

№ 2377

Положение во Франции столь серьезно, что мы должны настаивать на скорейшем привлечении туда японских войск, согласно желанию самих французов. Хотя на это потребуются около двух месяцев, прибытие японцев будет несомненно полезно, так как нельзя предвидеть скорого окончания войны.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 75а. Л. 437.

Машинопись.

№ 10

Секретная телеграмма управляющего дипломатической канцелярией при верховном главнокомандующем Н.А. Базили в ГУГШ и в МИД

Ставка, 21 августа/3 сентября 1914 г.

№ 44

Ввиду выраженной японским правительством готовности оказать нам возможное содействие по удовлетворению материальных нужд армии, военное ведомство чрез японского военного агента обратилось к его правительству с просьбой о продаже нам тяжелой артиллерии. Великий князь Сергей Михайлович сообщил ныне верховному главнокомандующему ответ японского Военного министерства, что по закону оно не имеет права продавать предметы, состоящие на вооружении. По сведениям начальника штаба, японцы на известных условиях согласились бы помочь нам даже присылкой войск. Если

⁵⁰²

Пропуск в документе.

бы Япония предложила нам прислать чрез Сибирь значительный экспедиционный корпус, то воспользоваться подобным предложением генерал Янушкевич считал бы небезопасным ввиду невозможности вполне доверять японцам и отсутствия наших войск в Сибири. Напротив того, было бы весьма желательным сговориться с Японией о привлечении в нашу армию всех осадных средств Японии с их полным личным составом, то есть всего несколькими тысячами человек и лошадьми. Верховный главнокомандующий просит Вас, если сочтете возможным, предпринять необходимые в этом отношении шаги.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 4.

Машинопись;

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 58.

Машинописная копия;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 6. Ч. 1. С. 207-208.

№ 11

Из шифрованной телеграммы барона Мотоно барону Като. Перевод с японского⁵⁰³

Петроград, 6 сентября (н.ст.) 1914 г.

Посылка японских войск в Европу. Как мне французский и английский послы секретно сообщили, Англия, Франция и Россия, основываясь на контрпроекте английского правительства, наверное решат совместно обратиться с просьбой к японскому правительству.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 258.

Машинопись

№ 12

Из шифрованной телеграммы барона Като барону Мотоно. Перевод с японского⁵⁰⁴

Токио, 7 сентября (н.ст.) 1914 г.

Посылка японских войск в Европу. [...] Наша страна [...] неохотно согласится с тем, чтобы войска были употреблены для помощи в других странах [...]. Если поэтому от английского министра иностранных дел и поступит предложение по этому вопросу, правительство [Японии] по вышеприведенным причинам намерено отклонить его.

К Вашему сведению и руководству.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 259.

Машинопись

№ 13

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову

Токио, 3/16 сентября 1914 г.

№ 221

Посетивший меня сегодня премьер-министр принес поздравления с победой над австрийцами и выразил уверенность в окончательном успехе союзных армий в настоящей

503

На документе знак его прочтения Николаем II.

504

На документе знак его прочтения Николаем II.

войне. Я воспользовался посещением графа Окума, чтобы указать ему, что Япония может значительно содействовать успеху войны, поделившись с нами запасами своих военных снаряжений, орудиями, ружьями и т.п.

В беседе Окума упомянул, что много добровольцев и запасных офицеров японской армии рвутся на европейский театр военных действий. Я ответил, что обстоятельства могут выясниться впоследствии воспользоваться [ли] таким благоприятным настроением военного сословия Японии, боевые качества которого несомненны.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 76.
Машинопись;
РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 65.
Машинописная копия.

№ 14

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица в МИД

Токио, 8/21 сентября 1914 г.
№ 232

Во время моего ответного визита премьеру он заговорил со мной о поступающих к нему многочисленных просьбах резервистов, желающих принять участие в войне в составе вспомогательного японского корпуса на нашем западном фронте. Я ответил графу Окума, что в России узнают с удовлетворением об этом сочувственном нашей армии движении среди японских военных и что обстоятельства могут впоследствии выясниться, в какой мере подобные пожелания осуществимы.

Сегодня меня посетил бывший военный агент в России генерал Мурата и предложил свои услуги.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 56.
Машинопись;
РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 2а.
Машинописная копия;
РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 72.
Машинописная копия.

№ 15

Шифрованная телеграмма начальника штаба Ставки верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича генерал-квартирмейстеру ГУГШ и военному министру В.А. Сухомлинову

Ставка, 10/23 сентября 1914 г.
№ 4202. Сов. секретно

Министр иностранных дел уведомил меня, что граф Окума сообщил нашему послу в Токио о поступлении многочисленных просьб от японских резервистов, желающих принять участие в войне в составе вспомогательного японского корпуса на нашем западном фронте. Сверх того посол телеграфирует, что его посетил бывший военный агент в России генерал Мурата, предложивший свои услуги. По докладу изложенного верховному главнокомандующему его высочество высказался за крайнюю желательность воспользоваться поступившими предложениями, что не только усилит наши силы на Западе, но закрепит окончательно переход Японии на нашу сторону и обеспеченность наших дальневосточных окраин. С политической точки зрения, появление японских отрядов на западном нашем фронте настолько выгодно, что, быть может, явится даже желательным по сформировании японских отрядов пропустить их по Сибирской магистрали впереди некоторой части наших войск, каковой вопрос, однако, окончательно

может быть разрешен впоследствии. Пока же было бы желательно, если последует соизволение государя императора на принятие японских предложений, приступить к выяснению вопроса о числительности, организации и сроке изготовления, а также порядке довольствия японского корпуса, который имеется в виду японским правительством к отправлению на запад. Верховный главнокомандующий полагает, что эти переговоры удобнее вести Министерством иностранных дел по соглашению и указаниям Вашего высокопревосходительства. Что касается предлагаемой японским правительством уступки осадных средств, о коих сообщается в телеграмме № 6930, верховный главнокомандующий признает необходимость принять сделанные предложения, возбудив лишь вопрос о дополнительной уступке огнестрельных припасов, без коих использование всех уступаемых орудий будет затруднительно, особенно если наше артиллерийское ведомство не в состоянии будет приспособить наши снаряды.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 637. Л. 4-6.

№ 16

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова Н.А. Малевскому-Малевичу

Петроград, 13/26 сентября 1914 г.
№ 2911

Телеграмма № 232 получена.

Государю императору благоугодно было соизволить на принятие предложения посылки японского добровольческого отряда для участия в наших военных операциях на западном фронте.

Считаем, однако, нужным предупредить японское правительство, что вследствие известного ему движения наших войск с Дальнего Востока, Сибирская железная дорога не свободна, а потому только при заблаговременном извещении о составе, количестве и прочих условиях организации добровольческого отряда, представилось бы возможным, не нарушая сосредоточения сибирских войск, продвинуть японских добровольцев.

Предложение генерала Мурата принято верховным главнокомандующим. Если он явится, то будет определен в действующую армию.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 756. Л. 104.
Машинопись.

№ 17

Из донесения Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵⁰⁵

Токио, 4/17 октября 1914 г.
№ 73

[...] В настоящее время в Токио находятся командированные в Японию для закупки и заказов предметов для нашей армии: артиллерийская комиссия с генерал-майором Гермониусом во главе и врачебная, от морского ведомства, в составе старшего врача флотского госпиталя во Владивостоке Бергера и провизора Коха. На последнего кроме того возложено особое поручение генерал-губернатором Приамурского края приобрести лекарства для лазарета, организуемого шталмейстером Гондатти.

Благодаря содействию императорского посольства, возложенные на обе комиссии поручения выполняются вполне успешно. По прибытии генерала Гермониуса в Токио, я немедленно представил его японскому министру иностранных дел, который весьма

⁵⁰⁵

На документе знак его прочтения Николаем II.

любезно обещал свою поддержку успешному выполнению задачи приобретения здесь для нашей армии орудий, ружей, снарядов, пороха, взрывчатых веществ и других материалов, нужных нашему артиллерийскому ведомству. В тот же день генерал Гермониус был представлен нашим военным агентом здешнему военному министру и познакомился с главными чинами военного министерства.

Как Вашему высокопревосходительству известно, на первых порах миссия генерала Гермониуса встретила некоторое затруднение вследствие отказа нашего Артиллерийского управления принять от японского военного ведомства 16 порт-артурских орудий, предложенных нам японцами безвозмездно, как возврат трофеев минувшей войны. За устранением возникшего по этому поводу недоразумения личным свиданием моим с военным министром и с бароном Като, дело приобретения у Японии осадных орудий пошло успешнее. Через три дня после моего визита генерал Ока прислал мне своего старшего адъютанта Сайго сказать, что военное ведомство согласно уступить нам 72 осадных орудия большого калибра с 4 200 к ним снарядами.

Так как генерал Гермониус заявил мне, что артиллерийское ведомство особенно заинтересовано получить орудия нового образца более мелких калибров, то я воспользовался приездом сюда корейского генерал-губернатора графа Тераучи, чтобы просить его повлиять на военное ведомство в желательном нам смысле. На завтраке в посольстве граф Тераучи подробно переговорил об этом деле с генералом Гермониусом и уже на следующий день присланный ко мне графом генерал Танака сообщил, что мы можем получить и новые орудия, хотя пока и в ограниченном числе. Действительно, вслед за тем наш военный агент был уведомлен из военного ведомства, что японцы могут уступить нам сверх вышеозначенных 72 орудий, кроме 16 порт-артурских еще 16 орудий меньшего калибра, образца 1912 г.

Дальнейшие технические переговоры по этому делу вел генерал Гермониус уже единолично, причем, как он доверительно сообщил мне, орудия старого образца приобретены им здесь по цене в три раза дешевле, чем обошлись бы таковые на наших заводах.

Равным образом успешно заканчивается приобретение у японского военного ведомства ружей. По представлениям моим барону Като и ходатайствам военного агента генерала Самойлова в военном министерстве нам проданы были по той же цене, что и Франции, 35 000 ружей нового изготовления, так называемых мексиканских. Правительство президента Хуерта заказало здесь в прошлом году 145 000 ружей нового образца с патронами, и из них 10 000 были в свое время отправлены в Мексику. Из оставшихся 50 000 было куплено Францией и 50 000 Великобританией, а 35 000 остальных были погружены на пароход Добровольного флота «Эривань» и вышли сегодня утром из Иокогамы во Владивосток. Кроме того генерал Гермониус подписал контракт на уступку нам 200 000 ружей старого образца и получил негласное обещание, что, быть может, окажутся свободными еще 700 000 ружей.

Заказы снарядов и пороха делаются нашей артиллерийской комиссией непосредственно у поставщиков, рекомендованных японским правительством, причем генерал Гермониус в общих чертах сообщает мне частным образом о ходе своих переговоров с японскими фирмами. В общем, он считает результаты их вполне удовлетворительными.

Врачебная комиссия, командированная сюда морским ведомством, имела своей задачей лишь приобретение препаратов йода в количестве 40 кг и наведение подробных справок о лекарствах и перевязочных предметах. Йодистые препараты, как продукты местного производства, не запрещенные к вывозу из Японии, были приобретены доктором Бергером при содействии морского агента капитана Воскресенского без всяких затруднений. Но значительные трудности представило приобретение лекарств, заказанных шталмейстером Гондатти, большинство которых, как ввозные, были запрещены к вывозу. И в этом случае большое содействие оказал нам барон Като. По его совету, я обращался лично к управляющему министерством внутренних дел г. Симоока (портфель министра внутренних дел номинально считается за премьером) и ходатайствовал о выпуске заказанных Приамурским генерал-губернатором лекарств в виде исключения, что и было затем разрешено Советом министров сверх некоторого количества, пожертвованного нашему лазарету военным ведомством.

В общем, я должен отметить во всем деле заказов для нашей армии полную готовность японских властей удовлетворять по мере возможности наши требования и тем наглядно показать нам сочувствие и солидарность. Можно надеяться, что по окончании осады Киаочау [Циндао] японцы будут иметь возможность уступить нам еще некоторое количество осадных орудий нового образца с снарядами [...].

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 314-317 об.
Машинописный подлинник.

№ 18

Из депеши Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову

Токио, 22 октября/4 ноября 1914 г.
№ 79. Секретно.

[...] Здесь все сильнее и сильнее чувствуется недовольствие тем, что Англия ограничила круг японских военных действий и несочувственно относится ко всяким проектам посылки японских войск на европейский театр военных действий. Неудовольствие это выражается и в печати, и в военных кружках; уже слышатся голоса, что союз с Англией устарел; что Япония связана по рукам и по ногам; что ее военное значение умалено ничтожной ролью, ей предоставленной в Киау-Чао. Но обстоятельства в последние дни слагаются так, что можно ожидать коренной перемены во взглядах Англии на роль японских военных сил в настоящем кризисе. Нападение турецкого флота на наши черноморские порты и официально подтверждаемая посылка турецких полчищ к Египту втягивают в войну весь Ближний Восток и могут увлечь мусульманский мир и в Африке и в Индии.

По словам моего великобританского сотоварища, лучший контингент индийских войск уже отправлен в Европу — 70 000 находятся во Франции, 30 000 в пути. Если последние и задержатся в Египте, то во всяком случае в самой Индии войск осталось немного. Англичане верят, по-видимому, в лояльность мусульманского населения своих колоний, но военное счастье переменчиво, и с этим надо считаться. В случае волнений в Индии или неудач в Египте Англия принуждена будет обратиться к помощи Японии. Не этим ли следует объяснить проявляемое Англией несочувствие к посылке японских войск в Европу?

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 334-335.
Машинописный подлинник;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 6. Ч. 2. С. 25-26.

№ 19

Шифрованная телеграмма посла в Великобритании барона Иноуэ Кадзуносукэ
барону Мотоно Ичиро в Петроград. Перевод с японского⁵⁰⁶

Лондон, 15 ноября (н.ст.) 1914 г.

Я уполномочен министром иностранных дел сообщить Вам следующую весьма секретную телеграмму его:

«В начале сентября с.г. в Петрограде между русским министром иностранных дел и послами союзных государств происходили секретные переговоры относительно посылки

⁵⁰⁶

На документе знак его прочтения Николаем II.

японских войск в Европу. В то время я конфиденциально заявил английскому послу в Токио, что выполнение этой задачи чрезвычайно трудно, и английское правительство приняло к сведению это заявление.

Однако 4 ноября английский посол получил от своего правительства инструкцию сделать от имени сэра Грея конфиденциальное заявление, содержание которого сводится к следующему: в настоящее время положение в Европе ⁵⁰⁷ и в результате Турция также присоединилась к воюющим державам, Англия не в состоянии ⁵⁰⁷ вновь сформированные войска и в настоящее время может лишь сохранить нынешнее ⁵⁰⁷ на военном театре. Ввиду этого посылка японских войск весьма важна и английское правительство весьма озабочено вопросом, чтобы были посланы войска, освобождающиеся после падения Цзинь-дао.

Я заявил, что рассмотрю этот вопрос, но еще в тот же день английский посол мне сообщил, что получил телеграмму от своего правительства и вторично заявил, что присоединение значительного [японского] отряда и совместное с Англией, Францией и Бельгией выступление на германском театре войны чрезвычайно важны для достижения решительных результатов.

Хотя императорское правительство ввиду важности вопроса весьма благосклонно отнеслось к этому делу, оно, принимая во внимание снабжение продовольствием и настроение отряда и трудности посылки войска – не может пойти навстречу просьбе английского правительства, и 14 ноября в этом смысле был передан английскому послу ответ императорского правительства, содержащийся в телеграмме № 302⁵⁰⁸.

Для Вашего конфиденциального осведомления».

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. Л. 295-296.
Машинопись.

№ 20

Телеграмма начальника Генштаба генерал-лейтенанта М.А. Беляева Н.Н. Янушкевичу

Петроград, 2/15 ноября 1914 г.
№ 11646. Секретно

В настоящее время определенно выяснилось на основании донесений императорского посла в Токио, что предполагавшаяся ранее посылка Японией вспомогательного корпуса на наш западный фронт вряд ли осуществится. Между тем, падение Киа-чоу и освобождение вследствие сего японской осадной артиллерии дают основание предполагать, что японское правительство вероятно согласится ныне на отправление своей осадной артиллерии с личным составом в нашу действующую на западном фронте армию. Ввиду изложенного благоволи, Ваше высокопревосходительство, телеграфировать для доклада военному министру, угодно ли будет августейшему верховному главнокомандующему признать соответственными возбуждение вопроса о посылке Японией на наш театр военных действий своего осадного артиллерийского полка.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 96.
Машинопись.

№ 21

⁵⁰⁷ Здесь и далее прочерком дешифровщик отметил нерасшифрованные фрагменты текста.
⁵⁰⁸ Примечание дешифровщика: «Эта телеграмма набрана новым шифром».

Из телеграммы М.А. Беляева Н.Н. Янушкевичу

Петроград, 3/16 ноября 1914 г.
№ 11720. Секретно

Дополнение № 11646. [...] Бывший у меня японский военный агент передал сегодня по поручению посла, что японское военное министерство охотно передаст орудия и вероятно также личный состав осадного полка. Предварительно дальнейшего направления этого вопроса прошу Ваше высокопревосходительство не отказать спешно телеграфировать, признает ли верховный главнокомандующий желательным командирование японской войсковой части с осадными орудиями.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 97.
Машинопись.

№ 22

Телеграмма Ставки верховного главнокомандующего М.А. Беляеву

4/17 ноября 1914.
№ 2813. Срочно

11646, 11720. Начальник штаба приказал сообщить, [что] верховный главнокомандующий признает командирование японской войсковой части с осадными орудиями весьма желательным.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 100.
Машинопись.

№ 23

Донесение Н.А. Малевского-Малевица в МИД

Токио, 6/19 ноября 1914 г.
№ 85

Вопрос о посылке в Европу японского вспомогательного корпуса вновь горячо обсуждается в печати, чему, по-видимому, способствует факт падения Циндао и эвакуация посланной туда японской армии.

Как я доносил депешей от 17/30 октября № 78, мнение по этому вопросу разделилось: одни находят, что посылка японских войск на европейский театр военных действий необходима для поднятия военного престижа Японии и всемирного признания за ней значения первоклассной Державы; другие, наоборот, утверждают, что такое предприятие не вызывается необходимостью и может иметь весьма неблагоприятные последствия для самой Японии, вызвав непосильный для нее расход с риском, в случае неудачи, перессориться с своими теперешними друзьями и союзниками.

Отношение к этому делу японского кабинета и в частности барона Като выяснено в моем донесении 20 сентября № 71 и телеграмме № 279. Ныне считаю долгом препроводить Вашему Высокопревосходительству в английском переводе газеты «The Japan Advertiser», помещенную во всех главнейших газетах, беседу министра иностранных дел с корреспондентом «Дзи-дзи», в которой совершенно определенно выражен отрицательный взгляд руководителя японской политики на проект отправки японских войск в Европу. Барон Като главным своим доводом против этого плана выставляет непосильность для Японии сопряженного с ним расхода, причем он считает несовместимым с достоинством Японии, чтобы возмещение издержек на отправку войск в Европу покрывалось из средств союзных держав. Весьма знаменательно, что министр иностранных дел высказал так категорично свое мнение почти накануне созыва

парламента. Это дает основание заключить, что правительство вопреки настояниям военной партии не считает возможным идти на какую-либо военную «авантюру».

Барон Като вообще не отличается словоохотливостью и только в самых исключительных случаях принимает газетных сотрудников. Очевидно, публикуемая ныне во всеобщее сведение беседа его о войне состоялась не без ведома кабинета. Весьма возможно, что выступление министра вызвано предположением, что в предстоящей сессии парламента вопрос о посылке японских войск в Европу послужит предметом интерpellации со стороны крайних сторонников военной партии. Мнение последней по этому вопросу особенно усиленно поддерживается газетой «Ямата», считающейся органом «Досикая», в коей барон Като состоит лидером. Впрочем, этот листок, не пользующийся особым доверием, не раз выступал против политики нынешнего министра иностранных дел.

Одну из последних статей «Ямато» о посылке японских войск в Европу у сего прилагаю.

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 350-351 об.
Машинописный подлинник;
РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 102-102 об.
Машинописная копия.

№ 24

Письмо В.А. Сухомлинова С.Д. Сазонову

Петроград, 7/20 ноября 1914 г.
№ 5254. Секретно

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Как Вашему высокопревосходительству известно из донесений императорского посла в Токио, японское правительство неоднократно выражало свою полную готовность оказать нам возможное содействие по удовлетворению материальных нужд нашей армии. В дальнейшем это содействие японского правительства выразилось в возвращении нам наших орудий из Порт-Артура, продаже 200 000 ружей с патронами, оказании самого широкого содействия командированному в Японию для производства заказов по артиллерийской части генерал-майору Гермониусу и, наконец, в предложении уступить нам за плату орудия крупного калибра. Между тем, неоднократно возбуждаемый императорским послом в Токио в весьма осторожной форме вопрос о посылке Японией на наш театр военных действий осадной артиллерии с личным составом до сего времени еще не получил благоприятного разрешения.

Имея в виду, что ныне, с падением Цинтао, японская осадная артиллерия совершенно освободилась, тогда как наша действующая на западном фронте армия настоятельно нуждается в весьма значительной осадной артиллерии в предвидении необходимости осады крепостей наших противников, помощь Японии в виде посылки в нашу действующую армию японской осадной артиллерии с соответствующим личным составом приобретает для нас особенную ценность. При этом представляется возможным, что японское правительство по всей вероятности в настоящее время отнесется к этому предположению весьма сочувственно, так как это даст японской армии случай выступить активно также и на европейском театре военных действий.

Вследствие вышеизложенного имею честь просить Ваше высокопревосходительство, не признаете ли Вы возможным поручить императорскому послу в Токио обратиться ныне к японскому правительству с официальной просьбой от имени императорского военного министерства о посылке в нашу действующую против Германии и Австро-Венгрии армию осадного артиллерийского парка японской армии с личным составом и о выяснении, в случае согласия на сие японского правительства, всех подробностей по этому вопросу.

При этом считаю долгом уведомить Ваше высокопревосходительство, на случай предварительного выяснения некоторых подробностей об условиях осуществления сего предположения, что вопрос о посылке Японией в нашу действующую армию осадного артиллерийского парка проводится мною по Главному Управлению Генерального Штаба.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности

В. Сухомлинов

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 17-19.
Машинопись, отпуск.

№ 25

Телеграмма начальника штаба Приамурского военного округа генерала А.С. Санникова в ГУГШ

Хабаровск, 10/23 ноября 1914 г.
№ 3767

Поступило заявление 40 японцев о желании вступить охотниками в русскую армию, действующую против германцев. Прошу указаний. Полагал бы нежелательным представлять возможность подробного ознакомления с внутренней жизнью [русской армии] и способами действий⁵⁰⁹.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 10.
Машинопись.

№ 26

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица в МИД

Токио, 20 ноября/2 декабря 1914 г.
№ 291

Генерал Осима сказал мне вчера вечером, что из осадного парка Циндао японцы могут уступить нам 12-см орудий Круппа 28 штук и к ним боеприпасов на 11 тысяч выстрелов и 16 штук 15-см гаубиц Круппа с боеприпасами на 8 тысяч выстрелов. Кроме того, даются: 2 600 снарядов для 24-см пушек, 4 500 снарядов для 20-см гаубиц, купленных нами, и 28 тонн бездымного пороха. Генерал Осима изъявил согласие командировать вместе с японскими пушками 11 офицеров и соответственное число унтер-офицеров для ознакомления наших артиллеристов с системой уступаемых нам пушек, если мы найдем это нужным. Обещает также содействие уступками большого числа ружейных патронов. Генерал Гермониус обо всем вышеупомянутом поставлен мною в известность.

Генерал Самойлов вошел в сношение с английским военным агентом относительно распределения между нами и англичанами уступленных японцами орудий, причем выяснилось, что англичане заявляют желание получить 28-см гаубицы, от которых генерал Гермониус отказался. Ходатайствую о срочном ответе⁵¹⁰.

⁵⁰⁹ На запрос Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ по этому поводу IV-й (дальневосточный) политический отдел МИД 22 ноября 1914 г. за № 782 ответил: «препятствий к приему в русскую армию японских охотников МИД с своей стороны не усматривает». – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 8.

⁵¹⁰ 26 ноября/9 декабря 1914 г. военный министр В.А. Сухомлинов дал согласие на приобретение всех этих японских орудий и на предложение генерала Осима о посылке в Россию, в действующую армию «11 японских артиллерийских офицеров и некоторого количества унтер-

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 76.

Машинопись;

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1 Д. 4059. Л. 35.

Машинописная копия;

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 109.

Машинописная копия.

Продолжение № 291. Успех наших переговоров о пушках приписываю в значительной степени содействию как маршала Ямагата, так и принца Канина.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 348. Л. 77.

Машинопись;

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 110.

Машинописная копия.

№ 27

Телеграмма генерала Э.К. Гермониуса в ГАУ

Токио, 12/25 декабря 1914 г.

№ 115

О личном составе адъютант военного министра конфиденциально сообщил, что не следовало бы сразу брать много людей, а сперва взять самое небольшое число инструкторов-офицеров и унтер-офицеров, а потом, если понадобится и война затянется, то просить хотя бы большего числа. Это желательно для успокоения общественного мнения в Японии. Кроме того необходимо, чтобы наше министерство сообщило бы японскому правительству, как предполагается вознаграждать жалованьем японских офицеров и унтер-офицеров во время службы у нас и как будут обеспечены они и семьи их на случай смерти или увечья от ран.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1 Д. 4059. Л. 39.

Машинописная копия.

№ 28

Телеграмма посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа С.Д. Сазонову

Лондон, 16/26 декабря 1914 г.

№ 803. Секретно

Холден, замещающий Грея до его возвращения, сказал мне, что, согласно сообщениям французского правительства, Япония высказывает большую, чем до сих пор, готовность предоставить часть своей армии в распоряжение союзников, и что французское правительство очень желало бы располагать сильным японским контингентом во Франции. Холден добавил, что у английского правительства аналогичных сведений нет. К тому же Холден полагает, что вопрос перевозки значительной армии морским путем может натолкнуться на непреодолимые затруднения. Он желал бы знать на тот случай, если французские сведения оправдаются, но посылка японских войск во Францию окажется неосуществимой, могла ли бы японская помощь оказаться полезной и желательной императорскому правительству. Я ответил, что сделаю соответствующий

офицеров» для ознакомления русских офицеров с этими орудиями, о чем Малевский сообщал в телеграмме от 20 ноября 1914 г. № 2912. – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 54.

запрос, но что мне казалось, что Вы имели в виду японскую помощь главным образом для Франции.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 6. Ч. 2. С. 292.

№ 29

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова графу А.К. Бенкендорфу

Петроград, 18/31 декабря 1914 г.

№ 4497

Телеграмма № 803 получена.

В минувшем сентябре посол в Токио телеграфировал, что в частных с ним разговорах японский председатель Совета министров упоминал о предположении послать в нашу армию вспомогательный отряд японских добровольцев. Верховный Главнокомандующий отнесся с большим сочувствием к этому предположению, на приведение которого в исполнение последовало Высочайшее соизволение. Однако посол в Токио телеграфировал, что проект посылки японского добровольческого отряда не имеет серьезного характера, а здешний японский посол по поручению своего правительства дал нам понять, что о посылке японских войск на европейские театры войны не может быть речи. С тех пор мы не возвращались поэтому к этому вопросу.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 76. Л. 381.

Машинопись.

№ 30

Донесение Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵¹¹

Токио, 22 декабря 1914 г./4 января 1915 г.

№ 98

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Прибывший сюда из Цинтао французский военный агент в Пекине барон Лапомареде посетил меня на днях и имел со мной доверительный разговор по вопросу о посылке в Европу вспомогательной японской армии.

Как и здешний французский посол, барон Лапомареде является горячим сторонником этой идеи. По его словам, не только гг. Пишон и Клемансо⁵¹², но широкие общественные круги во Франции и само правительство искренно желают этого, так как сознают, что Франция не в состоянии выдержать долго такой затяжной оборонительной войны, какая ведется 5 месяцев на французском фронте. Главнокомандующий Жоффр бережет силы своих армий, но сидение в траншеях, медлительное наступление «сапой» на ничтожные расстояния в 50-100 метров в день истощают дух войск, страдающих к тому же от сырости и холодов, подрывают терпение в народе. Война вступила в 6-й месяц, а между тем неприятель сражается все еще на французской территории и стоит на путях к сердцу Франции. Чтобы отбросить его и повести решительное наступление, французам необходим приток свежих сил. Франция не располагает тем запасом боевого элемента, каким располагают Россия и Англия; французы могут скоро оказаться «a bout de forces»⁵¹³, как он выразился. Поэтому было бы в высшей степени желательно, по его мнению, чтобы японцы могли послать в Европу экспедиционные силы в количестве 10

⁵¹¹ На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵¹² С. Пишон – министр иностранных дел, Ж. Клемансо – премьер-министр Франции.

⁵¹³ Обессиленными – фр.

или 15 дивизий со всем снаряжением. Такая посылка кажется ему практически возможной тем более, что Япония обладает весьма значительным коммерческим флотом, который может предоставить на военные надобности неограниченное количество транспортов.

Так как г. Реньо рекомендовал мне барона Лапомареде, как человека серьезного и вполне надежного, то я счел возможным посвятить его в фактическое положение вопроса посылки японских войск в Европу, насколько это мне известно.

Я обратил внимание моего собеседника на то, что следует отличать предположение послать добровольческий отряд, которое возникло еще в начале войны и поддерживается группой частных лиц из отставных военных, некоторых журналистов и пр., от обсуждаемого европейской печатью плана отправки за западный театр военных действий регулярной японской армии.

Сформирование добровольческих отрядов не встречает здесь поддержки ни у правительства, ни в обществе. Делом этим интересуются лица, не обладающие влиянием и средствами, и с самого возникновения подобного проекта сделалось очевидным, что вся эта затея рассчитана на выгоду. В японской массе не может быть сознательного увлечения борьбой с германским милитаризмом и немецким засильем, которого Япония не испытывала, как и нет ненависти к германцам как к нации. Наоборот, к немцам здесь относятся скорее с симпатией. Следовательно, образование добровольческих отрядов явилось бы делом совершенно искусственным, построенным исключительно на ожиданиях материальной прибыли. Несколько тысяч отставных военных, скудно оплачиваемых, ищущих заработка в настоящее критическое время, охотно пойдут на повышенное жалованье, при обещании наград и пенсий, в ряды чуждых им армий. Японское правительство относится к этому предприятию совершенно отрицательно; и французскому послу, и великобританскому барон Като советовал не особенно доверять инициаторам добровольческих отрядов: их тут не знают и за них не ручаются. Само собой разумеется, что здешние власти не будут противодействовать отдельным личностям идти на свой страх добровольцами в союзные войска.

Посылка в Европу регулярной армии — вопрос совершенно иного свойства. Хотя мысль о том и возникла, по-видимому, впервые не в Японии, а во Франции, однако ею здесь заинтересовались как некоторые политические деятели, так и группы, близкие к военному клану. Первые видят в подобном выступлении случай для Японии войти в концерт мировых Держав; подтвердить престиж своего оружия в титанической борьбе западных народов; приобрести голос в европейской политике и предстоящей конференции мира. Они не удовлетворяются рамками, отмежеванными им Англией на Дальнем Востоке. Отсюда их недовольство современной японской дипломатией и желание видеть во главе ее человека более решительного, способного вести Японию к новым внешним успехам. К этой группе принадлежит немало журналистов и ученых теоретиков, как например известный доктор прав Арига, юридический советник Юаньшикая⁵¹⁴.

Другие сторонники вмешательства Японии в европейскую войну находятся в рядах военного клана. Для таковых проект посылки вспомогательной японской армии на европейский театр военных действий раскрывает прежде всего перспективу оживления военной деятельности вообще, со всем, что подходит под это понятие, то есть с новыми формированиями, усиленной деятельностью военных заводов, крупными заказами, неограниченными кредитами, производством не в очередь и т.д. Настроением этих военных честолюбцев, за которыми стоят поставщики и банкиры, правительство хотело воспользоваться недавно, чтобы провести проект образования двух дивизий, и с этой целью поддерживало под рукой в шовинистской прессе слух о намерении правительства обсудить вопрос о посылке войск в Европу.

На самом деле ни правительство, ни ответственные лица военного ведомство серьезно этим делом не занимались вовсе, что видно было из ответов, данных министрами военным и иностранным дел в Нижней палате. И тот, и другой категорически заявили, что союзные державы не обращались к ним с предложением послать им в помощь японские войска в Европу, а барон Като даже добавил, что и не ожидает подобного обращения к японскому правительству.

514

Юань Шикай (1859-1916) — первый президент Китайской республики.

Но спрашивается: как было бы встречено здесь подобное предложение, если бы оно последовало? Надо думать, что Япония ответила бы, что такое предприятие ей не по силам по фактическим трудностям и финансовым условиям, и поставила бы вопрос на почву компенсаций. Предполагать, что японцы способны послать свою армию, как наемное войско, могут только неосведомленные в свойствах японского национального характера. Если европейские державы действительно призовут себе на помощь Японию, то последняя не преминет широко использовать свою услугу, но не на денежном интересе, а на политическом и территориальном. Япония не ограничится приобретением Цинтао и мелких островов Тихого океана. У ней несравненно более широкие аппетиты, и ценой своего вмешательства в европейскую войну она может поставить приобретение Южного Китая, Тонкина или Нидерландской Индии.

Итак, прежде чем обращаться к помощи Японии, необходимо обсудить, что можно предложить ей за услугу, и как отразится на дальнейшем ее историческом развитии участие ее в европейском споре.

В разговоре своем с французским военным агентом я совершенно не касался практических трудностей осуществления этой мысли, считая себя некомпетентным в технических подробностях вопроса. Я сказал ему только, что слышал от отдельных военных замечания, насколько трудно перевезти на европейский материк значительные силы Японии, и с какими затруднениями было бы сопряжено содержание и продовольствие японских войск, привыкших к своеобразной пище и своеобразным условиям жизни.

Сквозит в отзывах некоторых военных и сомнение, окажутся ли японские войска такими же мужественными и выносливыми на европейских равнинах, какими они были на полях и сопках Китая и Южной Маньчжурии, где они чувствуют себя как дома.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 922. Л. 404-408 об.

Машинописный оригинал;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 6. Ч. 2. С. 314-317.

№ 31

Записка делопроизводителя Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ полковника
Груденштрема

Петроград, 23 декабря 1914 г./5 января 1915 г.

2 ноября 1914 г. последовало высочайшее соизволение на прием в русскую армию японцев охотниками⁵¹⁵. Об изложенном сообщено в округа циркулярным предписанием 7 ноября № 98082.

⁵¹⁵ Помета: «На тех же основаниях, как и для охотников-подданных союзных стран. 24 декабря. *Генерал-майор Леонтьев*».

Эти «основания» были изложены в циркуляре Главного штаба начальникам штабом военных округов от 7/20 октября 1914 г. № 75847/554, в котором говорилось: «Государю императору в 16 день сентября 1914 г. благоугодно было высочайше соизволить на прием в русскую армию нижними чинами подданных союзных с Россией государств: Франции, Англии и Бельгии, а также лиц славянских народностей за исключением болгар. [...] Распоряжение о приеме в войска иностранцев-охотников предоставляется всецело усмотрению начальников штабов тех военных округов, в коих означенные лица проживают постоянно или временно. Тем же начальникам окружных штабов предоставляется право распределять по своему усмотрению иностранцев-охотников на службу либо в части полевых войск, либо в запасные части. От иностранцев, желающих поступить охотниками, надлежит требовать представления только двух документов: а) свидетельства о годности к военной службе, выданного состоящим на русской гос. или общественной службе врачом и б) удостоверения о нравственной и политической благонадежности, выданного либо нашими военными агентами за границей, либо находящимися в

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 3.
Рукопись.

№ 32

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица в МИД

Токио, 27 декабря 1914 г./9 января 1915 г.
№ 311

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 4350.

Контракты на приобретение 44-х гаубиц 12-ти и 15-см калибра и на 16 гаубиц 28-см калибра с нужным числом снарядов подписаны генералом Гермониусом. От предложенных генералом Осимой снарядов для 24-см орудий отказались, но получили взамен предложенных нам Осимой 28 тонн пороха – 63 тонны. Японцы выразили согласие послать с пушками 11 офицеров и 17 нижних чинов. Условия [их] командировки еще не выяснены.

О винтовках обещали дать ответ в понедельник 29-го декабря.

Просьбу о получении некоторого числа легкой полевой артиллерии с боевыми комплектами лично передал 25-го министру иностранных дел, который обещал возможное содействие.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70. Л. 138.

Машинопись;

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4528. Л. 119.

Машинописная копия.

№ 33

Поденная запись министерства иностранных дел

Около 28 декабря 1914 г./10 января 1915 г.

20 декабря 1914 г. [2 января 1915 г.] министра иностранных дел посетили французский и английский послы. Г. Палеолог прочел телеграмму своего правительства, в которой указывалось на большую желательность привлечь японские войска на французский театр. Сэр Дж. Бьюкенен прочел телеграмму, в которой сэр Э. Грей говорил, что не настаивает на том, чтобы переговоры о политическом соглашении России, Англии и Японии были отложены до исхода войны, и полагает, что С.Д. Сазонов мог бы взять на себя зондировать в этом направлении почву у японского правительства через барона Мотоно.

С.Д. Сазонов высказался в том смысле, что, судя по сведениям Н.А. Малевского-Малевица и по бывшим у него с бароном Мотоно объяснениям, на посылку японских войск в Европу трудно рассчитывать. Быть может, это дело могло бы устроиться, если бы союзники ныне же заключили формальный союз с Японией. Было решено, что французское правительство через своего посла в Токио будет зондировать почву в Японии, чтобы определить, насколько предложение послать японские войска в Европу имело бы шансы на успех. Наткнуться в этом случае на отказ было бы тем более

Росси иностранными посольствами или консульствами [...]. Самый прием на службу иностранцев-охотников и отправление их в указанные окружным штабом части возлагается на местных уездных воинских начальников. Иностранцы-охотники зачисляются на службу рядовым составом. Иностранцы-охотники подлежат увольнению из войск тотчас по приведении армии в мирный состав. Но командирам отдельных частей предоставляется право увольнять сих охотников и раньше указанного времени, если нахождение их в рядах войск будет признано нежелательным». — РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 5-5 об.

неудобно для союзников, что об этом, конечно, стало бы известно германскому правительству. С своей стороны, С.Д. Сазонов взялся переговорить с бароном Мотоно относительно возможности общего политического соглашения России, Франции и Англии с Японией.

Разговор министра иностранных дел с японским послом состоялся в тот же вечер. Барон Мотоно выражался очень сочувственно о расширении и укреплении политических связей Японии с державами Тройственного согласия и сетовал на англичан за нежелание приступить ныне же к решению этого вопроса. На замечание С.Д. Сазонова, что сэр Э. Грей ныне допускает возможность не ожидать для этого окончания войны, барон Мотоно ответил, что это новый для него факт, облегчающий дело, но заметил, что союзы, не скрепленные общностью действий, остаются бумагой, которую разрывают, пример чему показала Германия. Это дало С.Д. Сазонову повод заметить, что ввиду желательности японской помощи французской армии, предположенный союз мог бы быть дополнен военной конвенцией. Барон Мотоно обещал довести о своем разговоре с министром иностранных дел до сведения своего правительства.

25 декабря [1914 г./7 января 1915 г.] французский посол прочел министру иностранных дел полученную им копию телеграммы французского посла в Токио [от 14/27 декабря 1914 г.]. Г. Реньо констатировал в Японии разочарование союзом с Англией, которая обвиняется в предоставлении японцам служебной роли в настоящей войне. Просьба англичан о посылке японских войск в Европу была отклонена токийским кабинетом, так как они не обещали за это японцам реальных выгод. Между тем, они считают себя вправе рассчитывать за военную помощь против Германии на следующие выгоды: равноправие Японии в деле промышленной эксплуатации Китая, финансовую помощь для японских промышленных предприятий и допуск японских эмигрантов в английские колонии. В Японии желают более тесного соглашения с Россией и думают, что Франция могла бы взять на себя уладить отношения Японии к Англии.

27 декабря [1914 г./9 января 1915 г.] министра иностранных дел посетил японский посол и сообщил, что получил ответ на посланную после разговора с С.Д. Сазоновым 20 декабря [1914 г./2 января 1915 г.] телеграмму. Из этого ответа барон Мотоно усматривает, что в Японии не дают себе отчета в серьезности политического момента в Европе. Там заняты вопросом о сохранении или уходе кабинета графа Окума. Барон Мотоно находит, что там царит «un esprit enfantin»⁵¹⁶. Во всяком случае, пока министром иностранных дел остается барон Като, англофильские тенденции которого известны, японское правительство будет держаться за союз с Англией. В одном все партии в Японии согласны между собой: это — в желании установить более тесные отношения с Россией.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 6. Ч. 2. С. 339-340.

№ 34

Телеграмма графа А.К. Бенкендорфа С.Д. Сазонову⁵¹⁷

Лондон, 28 декабря 1914/10 января 1915 г.
№ 846

По просьбе Камбона Грей созвал нас сегодня утром. Камбон сообщил телеграмму Делькассе; в ней говорилось, что, по сведениям французского посла в Токио, японское общественное мнение, а равно мнение влиятельных политических деятелей становится все более благоприятным к проекту участия Японии в европейской войне. Посол добавил, что если японское правительство будет предварительно запрошено, то оно поставило бы три условия: 1) неприкосновенность Китая и участие Японии на равных основаниях в экономических предприятиях держав в Китае; 2) заем в 80 млн фунтов в течение 2-х лет, по 40 млн ежегодно, для обслуживания финансовых нужд Японии, 3) разрешение вопроса

⁵¹⁶ Ребяческое настроение — *фр.*

⁵¹⁷ На документе знак его прочтения Николаем II.

японской иммиграции в английские колонии. Что касается французского правительства, то, по словам Делькассе, оно не возражает против первых двух условий, третье же условие касается Англии. Камбон присовокупил, что прежде чем предпринять даже официозные шаги в Токио, было бы целесообразно сговориться предварительно об этих трех пунктах. Грей ответил, что эта информация была для него новостью и что он ничего не знал о трех условиях. По его словам, английский посол в Токио ограничился сообщением о том, что, по мнению французского посла и его, отношение японцев к этому вопросу становится более благоприятным. Что касается трех условий, Грей сказал, что он теперь же может принять условие об обеспечении неприкосновенности Китая и о финансовом участии [Японии] в концессиях. Относительно второго ему придется запросить кабинет, но он думает, что благоприятный ответ будет дан без затруднений. Грей сказал нам, что на вопрос о приемлемости третьего условия он не может дать никакого ответа: ему придется сначала переговорить с министром колоний и кабинетом, а затем запросить правительства автономных колоний, на которое правительство имеет столь мало способов воздействия, что Канада заключила непосредственно соглашение с Японией, правда, при содействии Англии, но подписав его самостоятельно. Грей нас предупредил, что вопрос этот вызовет ряд затруднений и потребует для разрешения много времени.

Я сказал, что, не имея по этому вопросу инструкций, я ограничусь сообщением Вашему превосходительству того, что я слышал, и только добавил, что, насколько знаю, помощь со стороны японской армии в России признается нежелательной и что, следовательно, дело идет о западном фронте войны.

Камбон, подтвердив, что до сих пор не было переговоров об японском участии в войне, сообщил, что ему поручено изучить вопрос о Четверном союзе. Он подчеркнул то актуальное значение, какое имеет разрешение этого вопроса: это позволило бы России сосредоточить все свои силы, даже азиатские, для борьбы с Германией. Я напомнил Грею, что мне поручено было переговорить с ним по тому же вопросу и что я поддерживаю довод, который главным образом выдвигал мой французский коллега.

Грей нам ответил, что следует проводить различие между союзом только на время войны, который был подписан 5 сентября в Лондоне Россией, Францией и Англией, и Четверным союзом, который должен быть постоянным после войны. Что касается этого последнего проекта, Грей сказал, что он немедленно уведомил японское правительство о подписании договора 5 сентября и в связи с этим поднял в Токио вопрос о подписании постоянного Четверного союза, к которому, как он знал, русское правительство расположено и в пользу которого оно высказывалось. Като в то время ответил, что такого рода переговоры в течение войны представляются затруднительными, и что заключение мира явилось бы более подходящим моментом для того, чтобы к ним приступить.

Что касается заключения тремя союзными державами союза с Японией на время войны, Грей сказал, что он придает, само собой разумеется, большое значение свободе действий, которую таким образом приобрела бы Россия. Но он обратил внимание наше внимание на то, что Россия и Франция были уже союзниками Англии на время войны, а с другой стороны, Англия была в постоянном союзе с Японией. Он указал, что в англо-японском союзном договоре 1911 года, во второй его статье, оговорено, что если обе державы будут находиться в войне с одной или несколькими другими державами, они не могут заключить мира независимо друг от друга. По мнению Грея, оба договора, сопоставленные между собой, указывают на порядок вещей, который равносителен Четверному союзу на время войны и который на это время является для России защитой от японского нападения. Грей добавил, что он не считает для себя затруднительным в случае, если это представится желательным, выяснить этот пункт совместно с Японией, что было бы достаточно на время войны и позволило бы позаботиться впоследствии о заключении постоянного Четверного союза.

Бенкендорф

№ 35

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову⁵¹⁸

Токио, 1/14 января 1915 г.

№ 1

Получил Ваше письмо № 817. Из приложенной [к нему] копии телеграммы императорского посла в Лондоне от 14 декабря видно, что после недавней неудачной попытки моего английского сотоварища в Токио как великобританское, так и французское правительства отказались от предположения обратиться в настоящее время к Японии с просьбой послать войска свои в Европу.

Между тем, французский посол доверительно сообщил мне, что он получил вчера телеграфное извещение своего правительства, которое уведомляет его о происшедшем 6 января н. ст. в Лондоне секретном совещании между Греем, Бенкендорфом и Камбоном по вопросу компенсаций, которые могли бы быть предложены Японии при обращении к ней за помощью. При этом Грей вызвался переговорить на эту тему с японским послом в Лондоне.

Следует пожалеть, что английское правительство обращалось в ноябре к японскому с предложением послать войска в Европу, не посоветовавшись предварительно с императорским правительством [России], которому из моих донесений и телеграмм было известно, что японское правительство не сочувствует этому плану и что как общественное мнение, так и правящие сферы здесь еще далеко не подготовлены к такому серьезному шагу. Сомневаюсь, что с тех пор обстоятельства настолько изменились, что новая подобная попытка встретила бы здесь ныне благоприятный прием.

Что касается компенсаций, то я предупредил своего французского сотоварища, что японцы едва ли удовлетворятся финансовой поддержкой, расширением экономических их интересов в Китае и допущением японской эмиграции в британские колонии. Япония в случае если и согласилась бы послать свои войска в Европу, пойдет на это не иначе, как при уверенности в получении территориальных выгод, на что были ясные намеки в печати. Во всяком случае ее выступление в Европе могло бы состояться лишь на условии пересмотра ею союзных отношений с Англией и развития ее политических договоров с Россией и Францией.

Малевский

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 1-1 об.

Машинопись;

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 117. Л. 1-2.

Машинопись;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 7. Ч. 1. М.-Л., 1935. С. 11-12

№ 36

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову

Токио, 3/17 января 1915 г.

№ 4

В посольство продолжают поступать прошения отдельных частных лиц японцев, желающих идти в наши войска добровольцами. Не откажите уведомить, допускаются ли вообще в нашу действующую армию также отдельные добровольцы из иностранцев и в утвердительном случае, на каких условиях они принимаются и к кому могли бы обращаться за необходимыми справками об отправке, снаряжении и проч.

Всех прошений поступило около 30-ти, преимущественно из провинции от запасных нижних чинов и ремесленников. Посольство было бы весьма признательно за указания, что отвечать этим лицам, выступающим совершенно самостоятельно и независимо от Общества японских калек и прочих организаций.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 4.
Машинопись;
РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 65.
Машинописная копия;
РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 2.
Машинописная копия.

№ 37

Донесение Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵¹⁹

Токио, 9/22 января 1915 г.
№ 4

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Раздававшиеся в японской прессе с начала нынешней войны голоса о необходимости русско-японского союза сделались в настоящее время столь «общим местом», что едва ли найдется во всей японской повременной печати один орган, который не обсуждал бы этого вопроса от времени до времени. При полном молчании правительственных сфер японское общественное мнение составило себе вполне определенный взгляд на этот счет.

Я уже имел неоднократно случай доводить до сведения Вашего высокопревосходительства, что мысль о русско-японском союзе приобретает здесь все большее и большее распространение. Весьма замечательно то, что японское правительство и, в частности, министерство иностранных дел ничем не поощряли до сих пор проявление такого взгляда. Напротив того, при обсуждении в парламентской бюджетной комиссии проекта двух новых дивизий со стороны представителей военного ведомства последовали явные намеки, что увеличение армии направлено против России. Несмотря на это, без преувеличения можно сказать, что ныне сочувствие к тесному единению между обоими соседними державами сделалось чрезвычайно популярным.

Один из наиболее распространенных в Японии ежемесячных журналов «Тайо», печатаемый в 160 тыс. экземпляров, почти весь свой политический отдел январского выпуска посвятил вопросу заключения русско-японского союза.

Имею честь препроводить у сего краткий перевод этих статей «Тайо», принадлежащих перу выдающихся деятелей здешней государственной и общественной жизни, каковыми являются: бывший министр путей сообщения, сотрудник барона Гото, Накасиодзи; известный финансист Соеда, бывший товарищем министра финансов и председателем Промышленного банка Японии; глава парламентской партии «кокуминто» и бессменный член нижней палаты Инукай, на которого здесь смотрят как на вождя оппозиции и будущего премьера; Симада, лидер правительственной партии «досикай», также бессменный член нижней палаты и автор многих сочинений по истории и политике. Последняя из препровожденных статей «Об устранении надобности формирования новых дивизий» подписана анонимным генералом. Мне не удалось узнать с точностью, кто скрывается под этой подписью, но, по имеющимся сведениям, в «Тайо» участвует бывший военный министр Уехара, который принужден был выйти в отставку под давлением военного клана, настаивавшего на проведении через парламент проекта двух дивизий.

Все перечисленные статьи содержат весьма интересные соображения в пользу тесного сближения между Россией и Японией.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 14-15 об.

Машинописный подлинник;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 7. Ч. 1. С. 86-88.

№ 38

Донесение Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову

Токио, 19 января/1 февраля 1915 г.

№ 7

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Имею честь препроводить Вашему высокопревосходительству копии двух справок, переданных мне генерал-майором Гермониусом и военным агентом генерал-майором Самойловым, о заказах и закупках, сделанных в Японии у здешнего военного министерства и у рекомендованных японским правительством частных торговых фирм для надобностей нашего артиллерийского ведомства и интендантства.

Из первой справки вы изволите усмотреть, что Главное артиллерийское управление приобрело и заказало через посредство генерала Гермониуса в Японии: 335 000 винтовок и к ним 87 ½ миллионов ружейных патронов; 351 орудие, из коих 135 крупного калибра и 216 полевых орудий; около 70 000 орудийных снарядов, свыше полумиллиона шрапнелей, несколько сот тысяч пудов бездымного пороха и значительное количество военных припасов и различных предметов артиллерийского снаряжения, как-то: зарядных ящиков, гильз, штыков, пистолетов, серы, камфары, латуни и прочего, всего на сумму до 38 000 000 иен.

Для надобностей нашего интендантского ведомства, как видно из справки генерала Самойлова, приобретено и заказано при его посредстве в Японии около 10 миллионов аршин мундирного и шинельного сукна, свыше 600 000 пар сапог, 30 000 седел, полмиллиона поясов, миллион подсумков и прочее на сумму свыше 42 000 000 иен, куда не вошел заказанный шанцевый инструмент, переговоры о коем еще не закончены.

Большинство вышеозначенных предметов как артиллерийского снаряжения, так и интендантского заготовления приобретены от японского военного министерства или при ближайшем его содействии у рекомендованных японским правительством торговых фирм, известных своей кредитоспособностью.

Все переговоры с военным министерством и упомянутыми фирмами велись непосредственно генералами Гермониусом и Самойловым, по инструкциям их непосредственных начальников, без всякого касательства со стороны императорского посольства. Ими же вырабатывались условия приемок и подписывались контракты по заказам и покупкам, причем самые контракты свидетельствовались императорским российским консульством в Иокогаме со взыванием с поставщиков и их агентов консульской пошлины, поступление коей по этим сделкам в доход казны определяется по 1/14 января текущего года в сумме около 70 000 рублей.

Содействие, оказанное императорским посольством успешному выполнению возложенных на представителя артиллерийского ведомства и нашего военного агента поручений, выразилось главнейшим образом в сношениях с высшими правительственными лицами в Токио, от советов и указаний которых зависело согласие военного министерства на отпуск нам нужных предметов снаряжения. В этом отношении особо ценное содействие оказано нам японским министерством иностранных дел, через которое велись первоначальные переговоры почти по каждому отдельному заказу с военным министерством, вообще проявившем большую неуступчивость в удовлетворении наших требований. При каждом моем обращении к барону Като я встречал с его стороны

полую готовность оказать нам содействие, и его стараниям следует приписать в значительной степени достигнутые в этом деле успехи.

Вменяю себе в долг засвидетельствовать равным образом об особых трудах и стараниях генерал-майора Гермониуса и военного агента генерал-майора Самойлова, прилагающих всевозможные усилия и понесших в высшей степени напряженные труды при заказах и приемах предметов артиллерийского ведомства и интендантского снабжения. Только благодаря исключительной энергии этих двух военных чинов (генерал-майор Самойлов остался с ноября месяца без помощника, откомандированного сперва в Циндао, а ныне в Пекин) удалось в столь короткий срок принять и отправить во Владивосток значительное количество уступленных японцами для наших армий орудий, ружей, боевых припасов и прочего.

По заявлению генералов Гермониуса и Самойлова, приобретенные здесь предметы вполне удовлетворяют своему назначению и уступлены нам по весьма умеренной цене.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 7. Ч. 1. С. 156-158.

№ 39

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵²⁰

Токио, 22 января/4 февраля 1915 г.
№ 22

Опасаясь, что мой французский сотоварищ не вполне правильно оценивает здешнее положение и питает несбыточные надежды на возможность посылки в Европу японской артиллерии. С своей стороны, не придаю значения отзывам безответственных лиц и считаю невероятным, чтобы японцы ради незначительных выгод, перечисленных в телеграмме французского посла от 27 декабря [1914 г.], решили рисковать ослаблением своего военного положения на Дальнем Востоке, что несомненно последовало бы, если бы она [Япония] послала на европейский театр около 2/3 своей армии. У Японии гораздо более широкие планы и аппетиты, что наглядно подтверждается ее нынешним выступлением в Китае. Она хранит свою армию вместе с оружием для более близких ей целей, тесно связанных с ее национальными интересами.

Как я доносил уже с начала войны, японское правительство не сочувствовало плану посылки своих войск в Европу и позволяет лишь из-за партийных соображений не считать этот вопрос окончательно похороненным.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 17.

Машинопись;

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 117. Л. 16-16 об.

Машинопись;

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 94.

Машинописная копия.

№ 40

Донесение Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову

Токио, 26 января/8 февраля 1915 г.
№ 11. Весьма секретно.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Имею честь препроводить у сего Вашему высокопревосходительству копию с копии секретного письма на имя начальника Главного артиллерийского управления, переданной мне генерал-майором Гермониусом совершенно доверительным и частным образом для личного моего сведения. В этом письме, как Вы изволите усмотреть, генерал Гермониус доносит своему непосредственному начальству о тех намеках, которые делались ему и генералу Самойлову со стороны товарища военного министра и других прикосновенных к делу лиц относительно непосредственного обращения по вопросу об уступке нам японских ружей государя императора к микадо.

Вам угодно будет припомнить, что при посещении моем князя Ямагата, о коем я доносил телеграммой № 279, маршал по поводу просьбы моей об отпуске нам предметов вооружения, ответил мне, говоря о своем повелителе: «все будет зависеть от приказания его величества».

Намеки на возможность такого исхода дела слышал впоследствии не раз генерал Самойлов, который чуть не ежедневно посещает здешнее военное министерство. Слова, сказанные генералу Гермониусу генералом Ошима, еще с большей определенностью раскрывают мысль японцев⁵²¹.

Нельзя сомневаться в том, что японское правительство вполне сочувствует уступке нам военным ведомством возможно большего комплекта ружей не только прежней системы, но и новых, из военного запаса. Ружья старой системы, коих оставалось у японцев 380 000, мы все уже выбрали, как я доносил секретным письмом от 19 января/1 февраля за № 7; таких ружей нами приобретено 300 000 (кроме 35 000 новых, так называемых мексиканских); остальные 80 000 в неудовлетворительном состоянии, и их японцы нам продавать не находят возможным. Но кроме этих ружей я вел с министром иностранных дел переговоры об уступке нам хотя бы еще ста тысяч винтовок новой системы, обещая вместе с ними взять без технической приемки и те 80 000, которые японцы сами забраковали⁵²².

Однако барон Като ответил мне на это очень определенно, что и он, и премьер-министр, и князь Ямагата сделали все возможное, чтобы сломать упрямство военного министерства насчет новых ружей, но безуспешно; генерал Ока грозит отставкой, если тронут его запасы. При таких условиях я считаю, что мы получили от японцев все, что было возможно, и достигли успеха, намного превышающего достигнутого здесь англичанами и французами, получившими лишь по 50 000 ружей.

Способ, о котором пишет генерал Гермониус, то есть непосредственное обращение его императорского величества к японскому императору, я не осмелился упоминать по соображениям, о коих излишне распространяться.

И ныне, когда все доступные нам доводы, как политические, так и материальные, нами исчерпаны, и задача, возложенная на генерала Гермониуса по части приобретения ружей, фактически приведена к концу, я не решаюсь придавать намекам генерала Ошима определительного значения. Японскому императору было бы несомненно в высшей степени лестно быть осчастливленным личной телеграммой государя императора, но ручаться за успех столь чрезвычайного шага не берусь, не будучи точно уверен в степени того влияния, коим молодой повелитель Японии пользуется у своих министров. До сих пор его величество Иосихито не проявлял, насколько мне известно, своей личной инициативы ни в каких государственных делах.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

⁵²¹ В разговоре с Гермониусом генерал Ошима между прочим сказал, что «ружья иначе как по личному приказу императора получить нельзя, а для такового надо непосредственное обращение нашего государя императора к японскому императору». — *Прим. публикатора.*

⁵²² Телеграммой от 12/25 января за № 11 Малевский сообщил со слов Като, что у военного ведомства есть запас в 180 000 ружей, из которых 80 000 признаны неудовлетворительными и предложить их оно не может. Остальные 100 000 ружей требуют осмотра и исправления. По просьбе Сухомлинова, Сазонов телеграфировал 25 января/7 февраля за № 469 Малевскому, чтобы он добился передачи этих винтовок малыми партиями, по 5-10 тысяч, по мере их исправления. — *Прим. публикатора.*

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 48-50.

Машинописный подлинник;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 7. Ч. 1. С. 208-210.

№ 41

Письмо В.А. Сухомлинова председателю Совета министров И.Л. Горемыкину

Петроград, 6/19 февраля 1915 г.

№ 995. Секретно

Милостивый государь Иван Логгинович,

В соответствии с пожеланием верховного главнокомандующего, с октября месяца минувшего года дипломатическим путем велись переговоры о приобретении в Японии орудий осадного калибра и о командировании вместе с тем при таких орудиях некоторого личного состава японских офицеров и нижних чинов в качестве инструкторов.

В результате таких переговоров было достигнуто известное соглашение, и японские орудия несколькими последовательными эшелонами ныне уже прибывают в Петроград.

Что же касается командирования японским военным министерством инструкторов (11 офицеров и 17 нижних чинов), то оно несколько задерживается ввиду необходимости выяснения некоторых основных положений финансового свойства.

Так, при решении вопроса об условиях командирования вышеуказанных военных японских чинов, японское правительство высказало, между прочим, свои соображения о необходимости с нашей стороны взять на себя обязательство по обеспечению командируемых чинов и их семей на случай смерти или увечья от ран.

В общем размер такого обеспечения в виде единовременной выдачи путем предпринятых в этом направлении переговоров определяется от 50 тыс. иен на случай смерти полковника и до 4 тыс. иен — на случай смерти мастерового.

Характер увечий подразделяется на две категории: тяжкие увечья требуют вознаграждения в размере 4/5 вышеуказанного пособия, а легкие — в размере 1/5 единовременного пособия.

При расчете таких пособий имелось в виду, что в составе командируемых чинов будут находиться: 1 полковник, 1 майор, 5 капитанов, 4 поручика; 1 подпрапорщик, 5 унтер-офицеров, 4 монтера и 7 мастеровых.

Сведения эти, носящие общий характер, были переданы из Японии нашим военным агентом по телеграфу с уведомлением, что подробности вышеуказанных условий об обеспечении командируемых японских чинов единовременными пособиями, высылаются вслед за тем почтою.

Однако до сего времени подробности выработанных условий еще не получены, а между тем наш посол в Японии просит ускорить решение вопроса об условиях командирования японских офицеров и нижних чинов, так как отсутствие такого решения задерживает распоряжения японского военного министерства об отъезде названных офицеров из Японии. Между тем, с прибытием в Россию японских орудий в присутствии названных японских инструкторов уже назревает серьезная потребность.

Японское военное министерство с своей стороны выражает желание возможно скорее прийти к соглашению, чтобы этим успокоить общественное мнение, крайне интересующееся фактом отправления некоторого количества офицеров в нашу действующую армию.

Об изложенном почитаю своим долгом довести до сведения Вашего высокопревосходительства и покорнейше просить, не будет ли признано возможным вопрос об обеспечении японских офицеров и нижних чинов на случай смерти или увечья единовременными пособиями в вышеуказанном размере внести на обсуждение в Совет министров хотя бы для решения его в принципиальном смысле, так как неполучение до сего времени японским правительством согласия на предложенные условия задерживает

прибытие в Россию японских инструкторов, в коих военное ведомство, до известной степени, действительно нуждается⁵²³.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности

В. Сухомлинов

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1450. Л. 4-5 об.
Машинописный оригинал.

№ 42

Телеграмма военно-морского агента в Японии и Китае капитана 2-го ранга А.Н. Воскресенского в Морской Генеральный штаб

Токио, 12/25 февраля 1915 г.

В закрытом заседании парламента на данные морским министром объяснения об уступке нам судов таковые были одобрены единодушно, включая и оппозицию.

Японское морское министерство командирует для ознакомления [с] военными операциями Европе начальника департамента военных дел контр-адмирала Акияма и капитана 2 ранга Яманаши [которые] придут [в] Петроград 26 марта [и] останутся [в] России до 10 апреля. Желали бы осмотреть Кронштадт, Ревель, какую-нибудь сухопутную позицию. Просьба о разрешении направляется также через японское посольство [в] Петрограде⁵²⁴.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4485. Л. 6 об.
Подлинник.

№ 43

Письмо Отдела по устройству и службе войск ГУГШ в Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ

Петроград, 20 февраля/5 марта 1915.
№ 1369. Секретно

Отдел по устройству и службе войск уведомляет, что в ближайшем времени из Японии будут командированы 11 японских офицеров и 17 нижних чинов, отправляющиеся в Петроград, в распоряжение коменданта Кронштадтской крепости генерал-лейтенанта Маниковского, в качестве инструкторов для обучения действию при некоторых японских орудиях, уже прибывших из Японии.

Сообщая об изложенном по приказанию и.д. начальника Генштаба для сведения, Отдел по устройству и службе войск уведомляет, что одновременно о сем поставлены в известность его императорское высочество великий князь Сергей Михайлович и ГАУ и кроме того сообщено также и начальнику Отдела военных сообщений для оказания названным японским чинам полного содействия при их проезде по железным дорогам.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 95-95 об.
Машинопись.

№ 44

⁵²³ Делопроизводственная помета: «Слуш. 13 февраля 1915 г.».
⁵²⁴ Резолюция морского министра: «Оказать содействие».

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵²⁵

Токио, 23 февраля/7 марта 1915 г.
№ 66

Телеграмма № 902 получена.

Неоднократные обращения к маршалу Ямагата, который много способствовал получению нами предметов вооружения от японского военного ведомства, выяснили, что уступка нам ружей нового образца задерживается не только техническими соображениями, но и политическими – в связи с нынешними переговорами в Пекине и предстоящими через две недели выборами в парламент. До окончания пекинских переговоров и выяснения результатов выборов трудно рассчитывать на изменение взглядов японского военного ведомства, которое видимо опасается, что оппозиция вновь поставит в вину правительству его готовность делиться с союзниками предметами вооружения. В минувшую сессию кабинету ставили в упрек, что достигая увеличения обороны страны созданием двух новых дивизий, он одновременно ослабляет оборонительные средства государства, выпуская за границу предметы вооружения. Военный министр тогда оправдался тем, что продано всего на 10 млн, что ныне вовсе не соответствует действительным суммам, возросшим во много раз.

Чтобы еще раз посоветоваться с маршалом Ямагатой, выезжаю к нему на дачу, в 4-х часах езды от Токио⁵²⁶, где он проводит по нездоровью всю зиму и где только недавно принимал Гермониуса перед отъездом последнего в Россию. О последующем будет телеграфировано.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 42.

Машинопись;

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 117. Л. 34-34 об.

Машинопись;

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3903. Л. 5.

Машинописная копия;

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 9.

Машинописная копия.

№ 45

Письмо Отдела по устройству и службе войск ГУГШ в Отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ

Петроград, 24 февраля/9 марта 1915 г.
№ 1510. Секретно

Дополнение к № 1369. Председатель особой распорядительной комиссии по артиллерийской части великий князь Сергей Михайлович изволил признать желательным отказаться от наименования командированных в Петроград японских офицеров и нижних чинов «инструкторами» (как это проектировалось до сего времени), так как такое наименование его императорское высочество считает обидным для Русской артиллерии.

Об изложенном Отдел сообщает для сведения и руководства.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4059. Л. 99-99 об.
Машинопись.

№ 46

⁵²⁵ На документа знак его прочтения Николаем II.

⁵²⁶ Имеется в виду поместье князя А. Ямагата «Одавара» в 70 км от Токио.

Записка С.Д. Сазонова И.Л. Горемыкину⁵²⁷

Петроград, 28 февраля/13 марта 1915 г.
№ 117. Совершенно доверительно.

Милостивый государь Иван Логгинович,

При письме от 9(22) сего февраля № 1300 Ваше высокопревосходительство препроводили ко мне записку инж.-ген. Унтербергера⁵²⁸ по поводу появившихся в печати суждений о желательности установления союзных отношений между Россией и Японией и просили моего заключения по изложенным в сказанной записке соображениям⁵²⁹.

В письме на имя Вашего высокопревосходительства, к которому приложена эта записка, инж.-ген. Унтербергер ссылается на свое близкое знакомство с приемами японской политики на Дальнем Востоке. По этому поводу я не могу не припомнить, что в 1907 г. в бытность свою Приамурским генерал-губернатором инж.-ген. Унтербергер считал неизбежным новое нападение на нас Японии в самом близком будущем. В это самое время между императорским и японским правительствами происходили переговоры, приведшие к подписанию политического соглашения 15/28 июля 1907 г., разграничившего сферы деятельности России и Японии в Маньчжурии и послужившего преддверием для заключения между ними в 1910 году соглашения о солидарном образе действий в этой области. Факта этого, мне кажется, нельзя не иметь в виду при оценке суждений инж.-ген. Унтербергера о направлении и приемах японской политики.

Обращаясь к рассмотрению самой записки инж.-ген. Унтербергера, обязуюсь прежде всего заметить, что не могу согласиться с высказываемым им мнением, будто война 1904-1905 годов была вызвана желанием Японии оттеснить нас от берегов Тихого океана. С самого того момента, как Россия овладела Квантунским полуостровом, японское правительство искало для себя компенсации в Корее. При переговорах, которые происходили в то время между нашим посланником в Токио бароном Розеном и японским министром иностранных дел бароном Нисси, вопрос первоначально и был поставлен на почву признания преимущественного положения Японии в Корее взамен признания японским правительством своей незаинтересованности в Маньчжурии. Мы не сочли возможным пойти на такую постановку вопроса и настаивали на равноправии России и Японии в Корее. Противодействие, которое мы оказывали японской политике в Корее, и было причиной войны 1904-1905 годов. Если же, по Портсмутскому мирному договору, Япония сверх отказа нашего от Кореи добилась передачи ей Квантуна, южной ветки Китайской Восточной железной дороги и южной половины Сахалина, то это было следствием одержанных ею военных успехов, а не выполнением заранее обдуманного плана.

Весьма скоро и вскоре после заключения мира у России и Японии нашелся тот общий интерес, существование которого отрицается в записке инж.-ген. Унтербергера. По

⁵²⁷ Черновик написан рукой Г.А. Козакова. – *Прим. публикатора.*

⁵²⁸ Унтербергер П.Ф. (1842-1921) – инженер-генерал (1906), в 1888-1897 гг. военный губернатор Приморской области, в 1905-1910 гг. Приамурский генерал-губернатор, с 1910 г. член Госсвета, сенатор.

⁵²⁹ В письме на имя Горемыкина от 4/17 февраля член Госсвета Унтербергер, ссылаясь на «последовательность, настойчивость и железную энергию, с которыми Япония преследует намеченные себе политические и экономические цели в восточном побережье азиатского материка», высказывал опасение, чтобы Япония не воспользовалась в ущерб русским интересам европейской войной и отвлечением внимания России от Дальнего Востока. При этом письме Унтербергер препроводил записку, составленную, по его словам, в связи с сочувственным отношением части русской прессы к появившимся в японской печати «суждениям политических деятелей о желательности теперь же закрепить установившиеся добрососедские отношения между Японией и Россией заключением союзного договора»; в этой записке он, по его словам, высказывал мнение, что «в интересах России желательно уклониться от переговоров о союзе, если бы они были возбуждены Японией, впредь до возвращения наших войск на Дальний Восток и занятия нами твердого положения в военном отношении». Записка Унтербергера в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. – *Прим. публикатора.*

Портсмутскому мирному договору Маньчжурия должна быть очищена от русских и японских войск и передана в управление китайских властей. Как пекинское правительство, так и державы были склонны толковать весьма распространительно это постановление и отрицать всякое преимущественное положение России и Японии в областях, обслуживаемых Китайскою Восточною и Южно-Маньчжурскою железными дорогами. Само собою разумеется, что ни мы, затратившие огромные силы и капиталы в Маньчжурии, ни японцы, силою оружия добившиеся владения жизненной артерией Южной Маньчжурии — пересекающей ее от Чанчуня до Порт-Артура железнодорожной линией, не могли согласиться на такое полное лишение нас плодов наших трудов. Результатом чувства солидарности в маньчжурских делах, возникшего под влиянием сказанного обстоятельства, явилось соглашение о разграничении русской и японской сфер деятельности, заключенное менее двух лет спустя по подписании мирного договора в Портсмуте. Предложение американского статс-секретаря Нокса выкупить у России и Японии их железные дороги в Маньчжурии⁵³⁰, заставило российское и японское правительства почувствовать необходимость объединить свои силы для защиты принадлежащих им в этой стране интересов, результатом чего явилось новое политическое русско-японское соглашение 21 июня/4 июля 1910 года. В дальнейшем, напр., при возникновении проекта Цзинь-чжоу-Айгунской железной дороги⁵³¹ при заключении китайских займов и пр., Россия и Япония неоднократно испытывали потребность опереться друг на друга, чтобы оградить свои интересы в Китае. Солидарность русской и японской политики постепенно начинала сказываться таким образом на более широком поле действия, чем одна Маньчжурия.

Я не сомневаюсь, что если вопрос об установлении между Россией и Японией более тесных политических отношений, ныне обсуждаемый только на газетных столбцах, будет перенесен в область сношений между правительствами, на что однако пока нет указаний — почвою для такого сближения могут быть только китайские дела. Разграничиться с Японией в Китае мне представляется задачей исполнимою: Япония интересуется преимущественно Центральным и Южным Китаем — долиною Янтцекианга и Фуцзянскою провинциею; русские же интересы сосредоточены в застенных областях Китая — в Илийской и Тарбагатайской областях, в Алтайском округе, в Синьцзянской провинции, в Монголии.

Чтобы закрепить за собою результаты происходящей ныне войны, нам еще надолго потребуются обратить на запад наши силы и внимание. На Дальнем Востоке в ближайшие годы, а может быть и десятилетия, нам предстоит искать дружбы и мира с нашими соседями и, конечно, прежде всего с сильнейшим из них — с Япониею. Вот почему я полагаю, что нам не следует отталкивать эту державу, и если бы она пожелала войти с нами в более близкие отношения, пойти навстречу такому стремлению. Во что могло бы вылиться наше дальнейшее сближение, — пока затруднительно сказать. Едва ли могла бы быть речь об оборонительном и наступательном русско-японском союзе. Но взаимное содействие русской и японской политики на почве китайских дел кажется мне не только не опасным для нас, но скорее желательным.

Примите и пр.

⁵³⁰

24 октября/6 ноября 1909 г. статс-секретарь Государственного департамента США Нокс предложил английскому правительству план нейтрализации маньчжурских железных дорог. Согласно этому плану, международный синдикат из американских, английских, французских, германских, русских и японских капиталистов должен был выкупить у России и Японии их маньчжурские железные дороги и все принадлежавшие им права и интересы для возвращения их Китаю. Управление дорогами и дальнейшее железнодорожное строительство должны были находиться в руках шестерного синдиката до уплаты Китаем затраченных синдикатом сумм. 26 декабря 1909/8 января 1910 г. этот план был предложен всем пяти правительствам. Россия и Япония его отвергли 8/21 января 1910 г. — *Прим. публикатора.*

⁵³¹

19 сентября/2 октября 1909 г. банкирская группа Моргана заключила соглашение с маньчжурскими властями о предоставлении займа на постройку железной дороги Цзинь-чжоу-Айгун. Вследствие сопротивления России и Японии и эта попытка американского капитала проникнуть в Маньчжурию потерпела крушение, несмотря на утверждение соглашения 19 сентября/2 октября эдиктом китайского императора от 8/21 января 1910 г. — *Прим. публикатора.*

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 7. Ч. 1. С. 469-472.

№ 47

Донесение Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵³²

Токио, 22 апреля/5 мая 1915 г.

№ 33

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Телеграммой за № 137 я имел честь донести Вашему высокопревосходительству о заявлении, сделанном мне сегодня от имени японского военного министра генералом Ошима в присутствии корейского генерал-губернатора графа Тераучи относительно отпуска нам ружей из японских запасов.

Еще накануне этого дня, когда у меня был назначен завтрак в честь генерала Тераучи, он прислал близкого ему человека генерала Танака доверительно предупредить меня, чтобы я не ожидал от военного министра или его товарища, которые были также приглашены мной, немедленного ответа относительно ружей, но что он, граф Тераучи, настаивает на отпуске нам не менее ста тысяч винтовок и надеется на успех своих настояний, когда минует нынешнее тревожное время.

Военный министр генерал Ока не мог прибыть на мое приглашение, так как весь день провел на чрезвычайном совещании членов кабинета и генро по поводу китайского кризиса. Но товарищ его генерал Ошима пробыл у меня до 3 часов пополудни и в присутствии генерала Тераучи сказал мне следующее: японское военное министерство искренно желает оказать нам содействие ружьями, но дело это требует зрелого обсуждения и санкции всех фельдмаршалов; старания к скорейшему решению вопроса прилагаются, но по некоторым обстоятельствам окончательный ответ не может последовать раньше, как через две недели.

Я ответил генералу Ошима, что русское военное ведомство очень благодарно за добрые намерения японских военных властей и уже оказанные нам услуги, но что вопрос о ружьях по своему характеру является весьма спешным⁵³³ и что для нас было бы в высшей степени важным знать определенно, получим ли мы здесь ружья или нет. В зависимости от этого могут быть предприняты нами иные шаги в видах обеспечения наших вновь образуемых частей вооружением. К этому я прибавил, что для успеха русско-японского политического сближения было бы чрезвычайно полезно установить в настоящей борьбе с общим врагом известное «братство» по оружию, которое выразилось бы широким содействием со стороны Японии снабжению наших армий нужными для нас предметами вооружения.

Вполне соглашаясь со мной, генерал Ошима на своем ломаном немецком языке стал мне осторожно говорить о переживаемом Японией политическом кризисе и о предстоящей сессии парламента, когда кабинету придется дать отчет народным представителям в своих действиях. Из его довольно запутанных объяснений можно было, однако, вывести заключение, что военное ведомство опасается поставить своего министра и весь кабинет в затруднительное положение перед палатами, в случае если сделается известным, что нам отпущены ружья из неприкосновенного запаса. Противники

⁵³² На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵³³ 27 апреля/10 мая Н.Н. Янушкевич писал В.А. Сухомлинову: «Вопрос о патронах фатальный ... Вопрос патронов и ружей — скажу: кровавый». А через несколько дней он опять пишет: «Очень желательна помощь С.Д. Сазонова, дабы он лично переговорил с бароном Мотоно и через Мал[евского]-Мал[евича] в Токио воздействовал на японское военное министерство. Это — совет нашего японца в ставке». Янушкевич советовал нажать «на союзников, которые без кнута не идут», ибо «потребность в патронах все возрастает и уже кричат криком о ружейных». — Красный архив. Т. 3. С. 58-60. — *Прим. публикатора.*

нынешнего кабинета не без основания могут упрекнуть правительство, что оно в такую тяжелую минуту, когда Японии угрожают осложнения в Китае, решилось ослабить свою боевую силу. Такой упрек будет иметь тем больший вес, что кабинет вносит в парламент проект формирования двух новых дивизий, необходимость коих оправдывается именно недостаточностью средств обороны.

Из вышеизложенного Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что до разрешения японо-китайских недоразумений и одобрения политики нынешнего кабинета предстоящей сессией парламента ожидать от японцев благоприятного ответа на нашу просьбу о ружьях невозможно. Если конфликт с Китаем устранится без вмешательства военной силы, а сессия парламента пройдет для кабинета благополучно, то на успех нашего ходатайства, хотя бы в части, можно, по-видимому, до известной степени рассчитывать, но в противном случае надежды на это останется очень мало.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л.

Машинописный подлинник;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 7. Ч. 2. С. 350-352.

№ 48

Из письма А.Н. Воскресенского начальнику статистического отделения Морского
Генерального штаба

Токио, 22 мая/4 июня 1915 г.

Секретно

[...] Я уже писал Вам, как было трудно улаживать все с японцами и как по существу неискренне и с какими зацепками они нам помогают. В особенности это бросается в глаза в делах с военным ведомством. При приемке наших 12-ти полевых пушек они тянули безо всякой причины и когда, наконец, пушки уже были приняты мною, для чего специально пришлось ехать в Осаку, то вдруг оказалось, что ввиду нехватки пушек по контракту нашего военного ведомства — они эти пушки опять не дают. В конце концов все устроилось только благодаря твердости военного приемщика полковника Подтягина, который согласился на отсрочку своего контракта, так как иначе японцы предложили, чтобы он принял для морского министерства явно негодные пушки.

А между тем впечатление общее создается, что японцы спасают Россию и их газеты не стесняются о том говорить. Прилагаю, как характеристику, вырезку из газеты о том, как японские артиллеристы учат наших и как мы теперь начнем из-за этого побеждать. (По частным сведениям из Петрограда, до сих пор еще японских пушек на фронт не брали). Не знаю, на каком основании, но, к сожалению, наше военное ведомство имеет совершенно превратное понятие о настроении японцев и поэтому, идя чуть ли не на унижение, требует отсюда все новых и новых запасов и в особенности ружей. Вот уже 3-4 месяца главная работа посла состоит в буквальном выклянчивании ружей и, кажется, в конце концов мы действительно все-таки получим еще 100 000.

Все эти поставки оружия вызвали запросы оппозиции в только что собранном новом парламенте. Военный министр, отвечая на эти запросы, хотя и по тактическим соображениям кабинета, но нашел все-таки твердость сказать правду, что продается только старое вооружение, хотя, казалось бы, на все запросы был столь естественный ответ, что, мол, Япония, состоя в войне с Германией, обязана помогать если не людьми, то хоть оружием для победы над общим врагом — это было бы и определено, и честно. Некоторые характерные места этих прений с заявленными в бюджетной комиссии ценами за проданные предметы, в переводе при сем прилагаю.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4533. Л. 1-1 об.

Машинописная копия.

№ 49

Из шифрованной телеграммы полковника Миягава начальнику Военного бюро в Токио. Перевод с японского⁵³⁴

Петроград, 28 мая/10 июня 1915 г.

Учебная стрельба 12-ти, 15-ти и 20-см гаубиц [...] продолжалась до вчерашнего дня без перерыва и теперь обучение закончилось. Вышеуказанные отряды [русских артиллеристов] теперь отправляются на позиции и с русской стороны поступило прошение, чтобы японские офицеры их сопровождали. В будущем предполагается часть состава командировать в Гродно для установки 14-ти 28-см и 10-ти 24-см гаубиц для обучения, а некоторых командировать для обучения на место формирования в Киев.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 107.
Машинопись.

№ 50

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову

Токио, 29 мая/11 июня 1915 г.
№ 184

Ссылаюсь на свою телеграмму № 171.

Министерство иностранных дел уведомило меня, что военный министр изъявил согласие отпустить нам из неприкосновенного запаса 100 000 винтовок нового образца с 20 000 000 патронов.

Одновременно военному агенту Самойлову сообщено, что ружья могут быть нам сданы в течение месяца; цена около 40 иен без патронов. Ради успеха будущих наших заказов было бы желательно передать здешнему правительству благодарность императорского правительства, а военного министра благодарить телеграммой верховного главнокомандующего.

Об исходатайствовании высочайших наград лицам, поименованным в моей телеграмме № 175, донесу дополнительно по телеграфу.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 36.
Машинописная копия.

№ 51

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову

Токио, 1/14 июня 1915 г.
№ 186

Ссылаюсь на свои телеграммы №№ 175 и 176.

По случаю уступки нам 100 000 винтовок в виде исключения из неприкосновенного запаса японской армии, а также передачи нашему морскому ведомству различного боевого снаряжения, военный агент Самойлов и капитан 1-го ранга Воскресенский ходатайствуют о пожаловании по соответствию: помощнику военного министра генерал-лейтенанту Осима, имеющему Станислава 1 степени, помощнику начальника Главного штаба генерал-лейтенанту Акаси, русских орденов не имеющему, и командиру бригады генерал-майору Танака, имеющему Станислава 1 степени, – всем трем орден Анны 1

⁵³⁴

На документе знак его прочтения Николаем II. В заголовке документа автор телеграммы назван «Миякэ».

степени; начальнику Иностранного отдела Главного штаба генерал-майору Фукуда и подполковнику Нагао, старшему адъютанту военного министра, русских орденов не имеющим, орден Станислава — Фукуда — 1 степени, а Нагао — 2-й; капитанам 1-го ранга старшему адъютанту морского министра Танигучи и начальнику отделения боевых снабжений Фудзиара — обоим орден Анны 2-й степени.

Указанные ордена соответствуют положению перечисленных лиц и высочайше утвержденным правилам о порядке пожалования орденов иностранцам.

Присоединяясь к вышеприведенному ходатайству морского и военного агентов, покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство в случае неимения препятствий на испрошение наград поименованным лицам, не отказать поставить меня о том в известность для предварительного сношения с японским правительством.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 37.
Машинописная копия.

№ 52

Из шифрованной телеграммы военного атташе полковника М. Одагири начальнику
Генштаба в Токио. Перевод с японского⁵³⁵

Петроград, 18 июня/1 июля 1915 г.

В последнее время в Японии широко распространены слухи о русско-японском союзе. Для Японии союз с участием в войне невыгоден. Участие в войне со стороны Японии потребует не только громадных издержек, но совместное с русской армией наступление под начальством русского Главного штаба, [что] также не принесет большой пользы.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 123.
Машинопись.

№ 53

Из донесения Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову

Токио, 19 июня/2 июля 1915 г.
№ 47

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Отличительной чертой внешней политики Японии всегда был узкий национализм, свободный от всяких предвзятых понятий. Свойство это ярко проявилось в настоящем всемирном кризисе. Поводом вступления Японии в войну с Германией послужил союзный договор с Великобританией. Но на самом деле договор 1902-1905 гг., направленный против нас, вовсе не обязывал Японию защищать свою союзницу против третьего государства. Действительной причиной выступления Японии против Германии явилась возможность использовать благоприятно сложившиеся обстоятельства для собственных целей. Германский «бронированный кулак», выдвинутый в Желтое море, был постоянной угрозой как Ляодуну, так и Корее. Устранить эту угрозу и вытеснить германское влияние из областей, соприкасающихся со сферой японских интересов на азиатском материке, входило, несомненно, в затаенные планы японской дипломатии. Нужно было выждать удобный для того момент, и когда он представился, Япония поспешила им воспользоваться.

Следуя той же затем политике узконациональных интересов, Япония предъявила Китаю свои давно назревшие требования и добилась их принятия пекинским

правительством, лишенным всякой действительной опоры со стороны других заинтересованных держав, занятых войной. Достигнутые таким образом Японией успехи разрешили поставленную ее дипломатией политическую задачу: взятие Цинтао было подготовительной стадией к Пекинскому договору 25 мая 1915 г.

Но этими результатами исчерпан и объект активной деятельности Японии в настоящую войну. Хотя здешняя страна и считается еще в войне с Германией, однако она никаких военных действий и мер не принимает ни в помощь своей союзнице Англии, ни в дальнейшем сокрушении общего врага. Лучшим тому показателем служит недавний отказ японского правительства запретить своим подданным торговые сношения с немцами в Китае.

Я уже имел случай доносить о том вообще благожелательном отношении к немцам, которое проявляется здесь в прессе и в некоторых политических кругах. Следует отметить, что в последнее время эта благожелательность даже несколько усилилась. Связанный словом, теперешний министр иностранных дел Японии не решится, конечно, отступить от принципов Лондонского договора для сепаратного мира с Германией. Однако с возможным уходом барона Като из кабинета, японское правительство, не связанное формально подписью, может на этот вопрос изменить свой взгляд, смотря по обстоятельствам.

[...] Здесь чувствуется охлаждение к английской дружбе. [...]. Намекая на те же обстоятельства, депутат Такатоми пишет в «Ямато» от 29 июня н. ст.: «Международные отношения изменяются беспрестанно. Для государства нет постоянного врага или друга. [...] Поэтому Японии придется идти по неожиданному направлению после войны».

Напротив, по отношению к России печать всех оттенков продолжает по-прежнему единодушно высказываться за необходимость использовать настоящий момент для заключения русско-японского союза. Вопросу этому все главнейшие газеты посвящают чуть ли не ежедневно обширные передовицы. Особенно оживилось обсуждение этого вопроса в последние дни, когда стало известным, что престарелый «генро» маркиз Иноуэ прибыл из Окитцу в Токио для секретных совещаний с своими сотоварищами и членами кабинета. Передают за достоверное, что Иноуэ настаивает на немедленных переговорах с нами по этому поводу. Газеты толкуют по-своему это всеобщее стремление японцев к сближению с нами, общественное мнение видит в русско-японском союзе обеспечение своего будущего. Соперничество с Англией в Китае наряду с малоуспешностью ее военных действий против Германии на море и на суше поколебали здесь до некоторой степени престиж великобританской мощи. Япония опасается остаться изолированной и рисковать в будущем навлечь на себя гнев Германии за Цинтао. Застраховать себя от германской опасности представляется японскому общественному мнению безусловно необходимым. [...]

«Ввиду возможности такого положения, — пишет «Ямато», — в Японии все чаще и чаще раздаются голоса в пользу заключения нового союза с Россией. Россия поможет нам изгнать германцев с Дальнего Востока и установить там прочный продолжительный мир». В таком смысле высказывается почти вся сколько-нибудь влиятельная в Японии пресса. [...]

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 216-219.

Машинописный оригинал;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 1. С. 274-277.

№ 54

Из донесения Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову⁵³⁶

Токио, 2/15 июля 1915 г.

№ 51

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от 22 июня/5 июля № 213537 я счел долгом довести до Вашего сведения сущность секретного сообщения, сделанного мне бароном Гото по поводу обсуждения на совещании «генро» вопроса о заключении русско-японского союза.

Из предшествовавших моих донесений Вашему высокопревосходительству уже известно, что японская печать всех оттенков не переставала в течение последних месяцев возвращаться к этому вопросу, обсуждая его самым сочувственным образом. Особенной напряженности толки о русско-японском союзе достигли в июне, ко времени съезда в Токио четырех японских старейшин, которым молва приписывала намерение добиться безотлагательного решения этого дела, хотя бы вопреки мнению главы японского дипломатического ведомства. Последнего оппозиционные органы печати упрекали в том, что он слишком привязан к англо-японскому союзу и не хочет уяснить себе, что трактат 1902-1905 гг. утратил ныне всякое значение. Не называя барона Като противником русско-японского союза, газеты приписывали ему настояние отложить вопрос о новых союзах до после войны, когда с большей определенностью выяснится политическое положение каждой из воюющих держав. Такой план, однако, не встречал сочувствия японского общественного мнения как потому, что в нем усматривалось косвенное влияние Англии на деятельность японской дипломатии, так и ввиду сложившегося здесь после нашего отхода из Галиции впечатления, что мы готовы заключить с Германией сепаратный мир, могущий легко перейти в союзное соглашение. Страх перед германским возмездием оказывает несомненное влияние на здешние настроения.

Посетивший меня под покровом тайны барон Гото сообщил мне следующее: князь Ямагата и маркиз Иноуэ – «генро» – недовольны ходом японской внешней политики и ее главой. Они обеспокоены тем, что японская дипломатия не заботится об обеспечении положения Японии в будущем. Они давно настаивают на осуществлении идеи покойного князя Ито, мечтавшего о русско-японском союзе и видевшего в нем залог мира на Дальнем Востоке. Переговоры на эту тему, имевшие место в Лондоне в январе текущего года между сэром Э. Греем и послом Иноуэ, остались без всякого результата. Время идет, политическая обстановка меняется, и благоприятный момент может быть пропущен. Поэтому «генро», то есть, главным образом, князь Ямагата и маркиз Иноуэ, решились обсудить вопрос на своем совещании в присутствии графа Окума и потребовать от последнего внесения дела в кабинет. Барон Гото прибавил, что князь Ямагата намерен, в случае каких-либо возражений в кабинете, взять все дело в свои руки.

На другой день после визита барона Гото в газетах появилось известие, что обсуждение вопроса о русско-японском союзе вызвано письмом барона Мотоно к маркизу Иноуэ, в коем посол указывает возможность использовать нынешние обстоятельства при наиболее выгодных для Японии условиях соглашения с Россией, нуждающейся в предметах вооружения. При этом газеты параллельно ссылались на статьи русской печати, приветствовавшей дружеское настроение Японии и ее готовность заключить союз с Россией.

Из телеграммы моей № 213 Вашему высокопревосходительству известно, что попытка моя вызвать барона Като на откровенность по поводу совещаний «генро» успеха не имела. Но я повидался вслед за тем, под предлогом текущих дел, с товарищем министра иностранных дел и навел его на разговор о городских толках относительно русско-японского союза.

Г. Мацуи начал с общего замечания, что в этом вопросе, как и в вопросе о китайском бойкоте, оппозиция ищет предлога выступлений против деятельности кабинета по дипломатическим делам и в частности против неугодной известным партиям личности барона Като. Он заметил также, что японская печать недостаточно осведомлена в делах внешней политики и потому нередко придает тем или иным вопросам не совсем

правильное освещение. По его словам, пресса с такой настойчивостью обсуждает ныне необходимость русско-японского союза вследствие возникших здесь почему-то опасений, что Россия стремится заключить с Германией сепаратный мир, чтобы затем вступить с ней в союзные отношения. Он, Мацуи, конечно, не придает этим слухам веры, но, с другой стороны, отмечает, что в некоторых русских газетах были указания на то, что мотивом заключения союза для России является надежда на посылку японских войск на театр военных действий. Так, «Русское Слово» указывало на Дарданеллы, куда могли бы быть отправлены японские десанты; другие газеты (Мацуи не мог их назвать) намекали, будто бы, на кавказский фронт и даже на Галицию (?). Между тем, японское правительство ни в каком случае не решится отправить свою армию на войну вследствие непреодолимых трудностей и риска такого предприятия. Всякий расчет с чьей-либо стороны на подобную помощь Японии должен быть оставлен, почему он лично и полагает, что несвоевременно до окончания войны создавать какие-либо новые политические планы; Япония связана своими соглашениями с Англией и Россией и, без сомнения, останется им верной, а письменный акт, в сущности, легко обращается, как показал опыт, в «scrap of paper»⁵³⁸.

Я ответил г. Мацуи, что не имея никакого поручения говорить на тему о русско-японском союзе, могу высказать только, как личный свой взгляд, что едва ли заявления русских газет о желательности посылки японских войск на русский театр военных действий, если таковые заявления действительно были, отвечают видам русского правительства.

Как бы в подтверждение слов товарища министра иностранных дел, в последние дни печать обсуждает вопрос русско-японского союза сдержаннее [...], какой-то «доктор прав» Масутаро Ниида договорился в позавчерашнем номере газеты «Ямато» даже до той мысли, что «если Япония чувствует необходимость в оборонительно-наступательном союзе, то германо-японский союз предпочтительнее русско-японского».

Примите и пр.

Малевский

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 231-235.

Машинописный оригинал;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 1. С. 406-409.

№ 55

Телеграмма С.Д. Сазонова графу А.К. Бенкендорфу

Петроград, 6/19 июля 1915 г

№ 3469

Ссылаюсь на мою телеграмму № 21.

Меня продолжают озабочивать наши будущие отношения с Японией. Донесения нашего посла в Токио и мои беседы с бароном Мотоно доказывают, что в Японии мысль о более тесном сближении с Россией серьезно обсуждается в правительственных кругах. Там даже, по-видимому, помышляют о формальном союзе. Мне представляется тем более необходимым пойти навстречу этим пожеланиям, что, пренебрегая ими, мы рисковали бы способствовать германским проискам, о которых доносил наш посол, и очутиться после войны перед фактом ориентации Японии полностью в сторону Германии. Обидчивый характер японцев и их самолюбие нации, недавно сделавшейся великой державой, должны быть серьезно приняты во внимание. Подобная возможность имела бы последствия, пагубные для общего дела России и ее союзников, так как заставила бы поделить наши силы между защитой нашего положения в Европе и на Дальнем Востоке. Я, однако, слишком убежден в необходимости сохранения наших настоящих отношений с Англией, чтобы предпринять какие-либо шаги в сторону Японии, не посоветовавшись с британским правительством и не придя с ним к предварительному соглашению. Как я

полагаю, существенным условием ожидаемой плодотворности наших политических соглашений с Японией является, чтобы эти соглашения были заключены согласованно с Англией. Поэтому я и был сторонником тройственного соглашения между Россией, Англией и Японией с участием или даже без участия Франции. Этот проект, встреченный сочувственно как в Лондоне, так и в Токио, не мог быть до сих пор осуществлен ввиду того, что английский и японский министры иностранных дел откладывали открытие переговоров по этому вопросу до окончания войны. Мне кажется, сэр Э. Грей и барон Като приписывали один другому желание не спешить с этим делом. Для ускорения и подготовки подобной политической комбинации я считаю полезным начать дело теперь же предложением японскому правительству официально присоединиться к нашей конвенции 5 сентября 1914 г. Я бы охотно взялся объяснить по этому поводу с японским правительством, но я имею основания считать необходимым, чтобы сэр Э. Грей в этом смысле переговорил с японским послом с целью доказать японцам, что речь идет о дипломатическом акте, который, несмотря на его формальный характер, имел бы двойное значение: поставить Японию в нынешнем конфликте на равную ногу с державами Тройственного соглашения и явиться подготовкой к другим актам, имеющим для Японии еще более важное значение.

Благоволите протелеграфировать нам о результатах Ваших переговоров в смысле настоящей телеграммы с сэром Э. Греем.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 1. С. 448-449.

№ 56

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова графу А.К. Бенкендорфу

Петроград, 11/24 июля 1915 г.
№ 3574

№ 481 получен.

Решение сэра Э. Грея переговорить с бароном Като касательно намерений японского правительства по вопросу о заключении политического соглашения, по-видимому, сводится к отсрочке осуществления этого плана. Имеются, однако, серьезные мотивы ускорить его, насколько возможно. Я имею основания полагать, что если наши взаимоотношения с Японией приобретут характер союза, то это облегчит нам приобретение оружия в Японии. Действительно, для японского правительства было бы трудно отказать в уступке нам значительной части ружей и пушек, которыми оно располагает для своей армии, если бы дело шло о снабжении ими союзников. Вследствие этого, в общих интересах держав, сражающихся против Германии, – установить более близкие отношения с Японией, что передало бы в их распоряжение японские запасы оружия.

Благоволите представить сэру Э. Грею эти соображения.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 1. С. 478.

№ 57

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова Н.А. Малевскому-Малевичу

Петроград, 17/30 июля 1915 г.
№ 3701

Барон Мотоно неоднократно высказывался в разговорах со мною относительно желательности тесного единения между Россией и Японией. Так как его слова совпадали с тем, что Вы сообщаете о настроениях среди японских старейших государственных деятелей, то я решил сделать новую попытку осуществить мысль о политическом соглашении между Россией, Англией и Японией. Мне казалось опасным пренебрегать

косвенной инициативой японцев в этом направлении, чтобы не затронуть их самолюбия и не толкнуть их на путь сближения с враждебными нам государствами. Для начала мне казалось желательным официальное приступление [присоединение?] Японии к русско-франко-английскому соглашению 23 августа [5 сентября] о совместных военных действиях против Германии и Австрии. Сообщая об этом сэру Э. Грей, я просил его высказаться в этом смысле перед японским послом, дабы дать понять японскому правительству, что его формальное приступление по сказанному соглашению должно служить в наших глазах преддверием для установления политического единения Японии с Россией и ее союзниками. Сэр Э. Грей, ссылаясь на дважды высказанное японским министром ин. дел мнение, что осуществление политического соглашения между Россией, Англией и Японией должно быть отложено до конца войны, поручил великобританскому послу в Токио выяснить у барона Като теперешнее отношение японского правительства к такому соглашению.

Вышеизложенное сообщается Вам для сведения.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 1. С. 528.

№ 58

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова Н.А. Малевскому-Малевичу

Петроград, 29 июля/11 августа 1915 г.
№ 3879

Я сделал сегодня японскому послу следующее заявление:

«Наша армия настоятельно нуждается в немедленном получении миллиона винтовок. Императорское правительство обращается к японскому правительству с просьбой ныне же уступить нам это количество винтовок. Удовлетворением этой нашей просьбы японское правительство окажет нам услугу, которая не забудется в России и определит навсегда дружественное Японии направление русской политики. Барону Мотоно известно, что мы искренне убеждены в пользе и необходимости тесного политического единения России и Японии и что такое наше убеждение создалось задолго до того, как события на театре войны приняли нынешний серьезный оборот, побуждающий нас обратиться к японскому правительству с настоящей просьбой. Помимо сего, я уполномочен заявить, что императорское правительство согласно сделать условия этой сделки возможно выгодными для Японии».

Благоволите от имени императорского правительства немедленно сделать тождественное заявление японскому министру иностранных дел, прибавив, что великобританское и французское правительства осведомлены о делаемом нами шаге и выражают надежду, что японское правительство пойдет навстречу нашей просьбе.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 45-46.

№ 59

Из донесения Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову⁵³⁹

Токио, 29 июля/11 августа 1915 г.
№ 58

[...] Речь Ваша, произнесенная при открытии Государственной думы и переданная сюда в кратком извлечении телеграммой агентства Рейтера⁵⁴⁰, совпала с наибольшим

⁵³⁹ На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵⁴⁰ В своей речи в Думе 19 июля/1 августа Сазонов, говоря о русско-японских отношениях, сказал: «За последнее время японская печать обсуждает вопрос о желательности тесного политического единения между Россией и Японией. Эта мысль нашла себе сочувственный

обострением японского министерского кризиса. Тем не менее, здешняя пресса отметила ее с большим удовлетворением [...].

Но, как я уже отметил в донесении моем № 54, японская печать как будто напугана тем, что наше общественное мнение связывает, по-видимому, мысль союза с Японией с обязательством последней отправить свои войска нам на помощь. Так еще вчера здешние газеты приводили отзывы некоторых наших листков, объяснявших выход в отставку барона Като не как следствие парламентского скандала [...], а как выражение народного недовольства тем, что бывший министр иностранных дел медлил с заключением русско-японского союза и относился отрицательно к посылке японской армии на европейский театр военных действий. Подобная точка зрения совершенно не отвечает действительному настроению японского общественного мнения [...]. Из числа распространенных органов печати только переменчивый и вдохновляемый кружком шовинистов «Ямато» вновь пытается оживить проект посылки в Европу вспомогательного войска.

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 250-251.

Машинописный оригинал;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 53-54.

№ 60

Шифрованная телеграмма полковника М. Одагири начальнику Генштаба. Перевод с японского⁵⁴¹

Петроград, 2/15 августа 1915 г.

Очевидно, что русские власти надеются на заключение союза между Россией и Японией. Так как и англичане не имеют возражений, то есть возможность заключить союз, если Япония выразит согласие.

Причиной, по которой Россия желает заключить союз теперь же во время войны, является ее желание получить еще большую, чем до сих пор, помощь в виде военных материалов, чего она больше желает, чем посылку Японией войск [в Европу]. Кроме того, она желает после войны пойти рука об руку с Японией, чтобы таким образом защитить свои интересы на Дальнем Востоке и препятствовать возможному сближению между Англией и Германией.

В настоящее время Россия не испытывает недостатка в людях, а страдает от недостатка в военных материалах. Хотя вопрос о союзе под условием посылки войск требует весьма тщательного изучения, я полагаю, что он был бы невыгоден для Японии. Хотя неизвестно, как война закончится, но даже если предположить, что русское войско в конце концов не будет победоносным, Япония должна не только сблизиться с Россией на Дальнем Востоке, но должна также содействовать постепенному сближению между Англией и Россией, чтобы упрочить результаты германо-японской войны. Ввиду этого союз, не основанный на условии посылки войск, должен быть выгоден [для Японии]. Однако для этого необходимо быть готовым немедленно приступить к постройке заводов и передаче военных материалов для помощи России. Конечно, расходы должны пасть на Россию, кроме того, есть надежда, что возможно будет получить надлежащие компенсации.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 144.

Машинопись.

отклик и в нашей печати ... Истекшие со времени Портсмутского договора десять лет доказали, что мирное сожительство России и Японии вполне возможно и обоюдно для них выгодно. Нынешние наши фактически союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения». – *Прим. публикатора.*

⁵⁴¹

На документе знак его прочтения Николаем II.

№ 61

Из шифрованной телеграммы Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову⁵⁴²Токио, 7/20 августа 1915 г.
№ 259

Продолжение № 258.

Коснувшись, по поводу просьбы нашей о винтовках, политической стороны дела, министр иностранных дел сказал мне сегодня, что Япония с самого начала войны заверила нас в своей дружбе и довела до нашего сведения, что мы, ничем не тревожась, можем послать на европейский театр военных действий наши сибирские войска. Ныне японское правительство возобновляет эти заверения, присовокупляя, что если на нашей дальневосточной окраине остаются еще какие-либо полки, то мы смело можем послать их в Европу: Япония с своей стороны возьмет на себя в случае надобности поддержание порядка на Дальнем Востоке.

Японский император, питающий искреннюю дружбу к России, несомненно изъявит согласие повелеть своим войскам водворить порядок на Дальнем Востоке, если вследствие ухода наших войск таковой был бы нарушен в наших дальневосточных областях.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 82. Л. 149.

Машинопись;

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 117. Л. 76-76 об.

№ 62

Донесение Н.А. Малевского-Малевица С.Д. СазоновуТокио, 9/22 августа 1915 г.
№ 61. Секретно.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

В дополнение к телеграммам моим №№ 258 и 259 имею честь донести, что граф Окума принял меня в четверг 6/19 августа, в день своего возвращения в Токио на очередное заседание кабинета министров. Беседа наша продолжалась около двух часов, начавшись с моего заявления, сделанного от имени императорского правительства, согласно телеграмме Вашего высокопревосходительства № 3879 относительно немедленного получения от японского правительства миллиона винтовок для нашей армии. Вместе с тем я усердно просил первого министра оказать всякое содействие к возможному скорому разрешению нашей просьбы.

Граф Окума ответил мне весьма пространно; слова его мне удалось, благодаря довольно связному пересказу переводчика, записать тут же за ним буквально. Считаю долгом приложить его ответ по сделанной мной записи в подлинной редакции, с незначительными сокращениями излишних повторений. Сущность сказанного мне графом Окумой сводится к следующему.

Получив телеграмму барона Мотоно о сделанном Вами заявлении относительно японских винтовок и посоветовавшись с князем Ямагата, премьер внес вопрос о нашей просьбе на обсуждение кабинета министров в заседании того же 6/19 августа. Кабинет отнесся к нашему пожеланию весьма сочувственно и пришел к заключению, что для удовлетворения такового надлежит: во-первых, усилить работу казенного арсенала, поставив его на положение военного времени и, во-вторых, привлечь к делу частную предприимчивость, отказавшись от государственной монополии выделки огнестрельного оружия. На осуществление этого плана кабинет выразил готовность отпустить 15 000 000

иен сверх сметы, на ответственность правительства. Одновременно на этом заседании обсуждался вопрос о том, сколько ружей, при условии предполагаемого усиления производства, Япония могла бы уступить нам теперь же. При этом было принято во внимание, что Япония отпустила уже нам 430 000 ружей и 200 000 нашим союзникам, а так как японская армия в мобилизованном составе равна одному миллиону, то за выдачей нам и нашим союзникам свыше 600 000 ружей, с военной точки зрения, не оказывается возможным уступить что-либо более. Однако во внимание к тому, что Россия и Япония борются с общим врагом, что исход войны отразится одинаково на участи обеих держав и что дружественные их сношения все более и более делаются тесными, японское правительство приложит свои старания к удовлетворению нашей просьбы в пределах возможного; но окончательное решение вопроса стоит в зависимости от выяснения всех условий предполагаемого развития ружейного производства в Японии и возможности скорейшего пополнения убыли ружей в японской армии.

Коснувшись затем политической стороны вопроса, граф Окума заявил, что Япония подтверждает нам заверения в своей дружбе, сделанные еще в начале войны, что дало нам возможность послать на театр военных действий наши сибирские полки. Если у нас на Дальнем Востоке остались еще войска, то мы смело можем послать их в Европу, так как японская армия, в случае надобности, готова принять на себя поручение поддержать порядок в наших дальневосточных областях, если бы таковой был нарушен вследствие ухода наших войск в Европу. Он, Окума, не сомневается, что японский император, питающий к России самые дружественные чувства, изъявит на это свое соизволение.

В заключение премьер опять подтвердил полную готовность японского правительства пойти навстречу нашему пожеланию в пределах возможного.

Выслушав графа Окumu и поблагодарив его за выраженные им чувства дружбы к России и его готовность поддержать нашу просьбу, я не коснулся сделанного им предложения послать в случае надобности японскую армию в наши пределы для охраны у нас порядка. Я счел бы подобное предложение с его стороны весьма неуместным, если бы не видел в нем отголоска недавней посылки японского десанта в Сингапур для умирения мятежа индийских подданных японской союзницы Англии. С другой стороны, в этих словах явно слышался намек на то, что Япония в настоящей войне ограничивает свои действия пределами Азии.

Прощаясь с премьером, я спросил его, не следует ли мне посетить по поводу нашей просьбы военного министра и маршала Ямагата, но он ответил, что находится сам с ними в непосредственных сношениях по настоящему делу.

В тот же день приняты были графом Окумой послы Англии и Франции, которым он повторил вкратце то же, что сказал мне.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 923. Л. 273-276.

Машинописный оригинал;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 120-122.

№ 63

Телеграмма посла в Париже А.П. Извольского министру иностранных дел

Париж, 10/23 августа 1915 г.

№ 516

Меня посетил сегодня вызванный в Токио для занятия поста министра иностранных дел здешний японский посол барон Ишии и высказал мне свое намерение всячески содействовать тесному сближению между нами и Японией. Он подробно осведомился о помощи, оказываемой нам японским правительством снабжением нас военным материалом и искренно этому сочувствует, ибо убежден, что Япония самым непосредственным образом заинтересована в победе держав Согласия. Вопросы о более прямой военной помощи он не затрагивал. С другой стороны, он настойчиво

расспрашивал меня, окончательно [ли] восторжествовала у нас политика соглашения с Англией и Японией, и много ли сторонников идеи графа Витте и барона Розена, записка коего в свое время произвела на него большое впечатление.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 124.

№ 64

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова А.П. Извольскому⁵⁴³

Петроград, 12/25 августа 1915 г.
№ 4128

Сообщается послу в Японии.

Телеграмма № 516 получена.

Благоволите от моего имени заверить барона Ишии, что если под политическими идеями покойного графа Витте он понимает мысль о необходимости единения России с Германией, исключаящего соглашение с Англией и Японией, то идеи эти чужды и русскому правительству, и русскому обществу. Напротив, мы твердо вступили на путь соглашения с Англией и Японией и надеемся на дальнейшее укрепление наших отношений к этим державам.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 138.

№ 65

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова Н.А. Малевского-Малевичу

Петроград, 21 августа/3 сентября 1915 г.
№ 4284

Телеграмма № 258 получена.

Благоволите заверить министра иностранных дел, что императорское правительство высоко оценивает готовность японского правительства оказать нам содействие в деле снабжения оружием нашей армии, поставив для этого свои арсеналы на военное положение и взяв в свои руки мобилизованную для этой цели частную производительность. Конечно, мы готовы возместить расходы японского правительства, сопряженные с привлечением к этому делу частных японских предприятий. Указываемая Вами сумма в 15 млн иен будет без замедления переведена в распоряжение японского правительства, как только оно укажет, где и каким порядком оно желает ее получить.

О последующем благоволите телеграфировать.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 53.
Машинописная копия.

№ 66

Письмо С.Д. Сазонова военному министру А.А. Поливанову

Петроград, 24 августа/6 сентября 1915 г.
№ 473

Милостивый государь Алексей Андреевич,

Я имел честь получить письмо Вашего высокопревосходительства от 19-20 сего августа/1-2 сентября № 6721, в котором, сообщая об имеющихся данных относительно возможности получить в Японии 200-300 тыс. винтовок и 10-20 полевых батарей, Вы просите предпринять шаги в порядке дипломатических переговоров с целью выяснить возможность получить сказанные винтовки и орудия.

Я не преминул поручить послу в Токио употребить свое влияние, чтобы добиться согласия японского правительства уступить нам нужные нашей армии полевые орудия. О результате шагов, которые будут сделаны для этой цели гофмейстером Малевским-Малевичем, я не премину поставлю Ваше высокопревосходительство в известность.

Что касается дальнейшего получения нами японских винтовок, хотя бы в количестве 200 или 300 тыс. вместо миллиона, о котором мы первоначально просили, то японский посол сообщил мне, что он сносился по сему поводу со своим правительством. Ему было сообщено, что решение отказать нам в дальнейшей уступке винтовок было принято в Токио по всестороннему обсуждению вопроса и несмотря на искреннее желание быть нам полезным в деле снабжения нашей армии и что поэтому то решение не может быть пересмотрено. Из совершенно секретного источника я осведомился, кроме того, что передавая в Токио о нашем желании получить хотя бы 200-300 тыс. винтовок, японский посол сослался на разговор, будто бы происходивший у японского военного агента с генералом от инфантерии Беляевым, в котором последний будто бы указывал на наше согласие вознаградить японское правительство за продажу нам 200-300 тыс. винтовок уступкой Японии северной половины острова Сахалина. В ответе японского министра иностранных дел барону Мотоно говорится, что японскому правительству положительно невозможно уступить нам в настоящее время 200-300 тыс. винтовок, какие бы компенсации ни предлагались ему за эту уступку.

При таких условиях новые наши настояния в этом направлении пред японским правительством были бы, очевидно, обречены на неуспех.

Примите и пр.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 236-237.

№ 67

Шифрованная телеграмма товарища министра иностранных дел Н.А. Малевскому-Малевичу

Петроград, 25 августа/7 сентября 1915 г.
№ 4367

Японские офицеры и нижние чины, командированные для ознакомления наших артиллеристов с уступленными нам японскими орудиями, выполнили это поручение на театре войны и вернулись в Петроград. Японский военный агент предполагает, что часть их должна ныне вернуться в Японию. Наше военное ведомство желало бы задержать всех сказанных японских офицеров и нижних чинов еще на некоторое время в России для намеченных работ по установке тяжелых орудий.

Благоволите просить японское правительство удовлетворить желание нашего военного ведомства и о последующем телеграфировать.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 57.
Машинописная копия.

№ 68

Письмо А.А. Поливанова С.Д. Сазонову

Петроград, 30 августа/12 сентября 1915 г.
№ 7015

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Вследствие письма Вашего высокопревосходительства от 24 сего августа/6 сентября за № 473, излагающего постановку вопроса о приобретении у японского правительства новой партии винтовок в 200-300 тыс. экземпляров на условиях земельной компенсации, будто бы предложенной генералом-от-инфантерии Беляевым в разговоре с японским военным атташе, считаю необходимым восстановить перед Вашим высокопревосходительством фактическую сторону дела.

14/27 сего августа помощник японского военного агента майор Изомэ в разговоре с генералом-от-инфантерии Беляевым по поводу порядка выполнения заказов в Японии и некоторых излишних формальностей, допускаемых с нашей стороны, заявил, в порядке частного предположения, о возможности приобретения нами 200-300 тыс. винтовок и 10-20 легких батарей. Так как до настоящего времени японское правительство уступку вполне годного вооружения всегда обуславливало приобретением с нашей стороны некоторых предметов снабжения сравнительно меньшей годности, и так как покупка в данном случае известного количества легких орудий устарелой системы представляет для нас вопрос относительной важности рядом с получением партии винтовок, — то предложение, высказанное майором Изомэ, получило именно такое освещение.

При этом генералом-от-инфантерии Беляевым, по его собственному заявлению, не был вовсе затронут вопрос о какой-либо земельной компенсации хотя бы потому, что его заявление не могло иметь ровно никакой ценности, а самая компенсация понималась им именно в смысле покупки нами у японского правительства известного количества изношенного и устарелого вооружения. Во всяком случае, в разговоре генерала-от-инфантерии Беляева с майором Изомэ совершенно отсутствовала какая-либо политическая стороны сделки.

Что же касается самого предложения японского военного атташе, то оно нашло себе выражение в письме от 19 сего августа/1 сентября за № 6721, адресованном на имя Вашего высокопревосходительства, в котором пожелание наше о приобретении 200-300 тыс. винтовок, нам крайне необходимых, ставилось рядом с покупкой 10-20 легких батарей из орудий изношенных и устарелой системы, а потому для нас и малоценных. Однако покупка этой артиллерии должна была, по предположению, оказать свое полезное влияние на успех приобретения у японцев новой партии винтовок.

Примите и пр.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 287-288.

№ 69

Памятная записка А.А. Поливанова С.Д. Сазонову (одновременно передана лично военным министром барону И. Мотоно)

Петроград, 4/17 сентября 1915 г.

Представляется крайне желательным заказать:

- 1) 2 млн орудийных 3-дм вполне снаряженных патронов или в случае, если изготовление их встретит препятствия, то тогда заказать 3 млн корпусов снарядов и гильз.
- 2) 200 тыс. винтовок системы 38 года Мэйджи с 1 тыс. патронами на винтовку.
- 3) 5 тыс. пулеметов при условии пригодности их под наш патрон.
- 4) Около 500 орудий 37-40-мм калибра с боевым комплектом по 10-15 тыс. снарядов на орудие.
- 5) Из орудий среднего и тяжелого калибров с боевыми комплектами по 1 тыс. выстрелов на орудие:
 - а) 100 48-лин. гаубиц,
 - б) 80-100 6-дм полевых гаубиц,
 - в) 80-100 6-дм или 42-лин. пушек,
 - г) 10-20 8-дм гаубиц,
 - д) 8-10 12-дм гаубиц.

- 6). 600 электрических прожекторов 60-90-см и большего калибра.
- 7). Около 4 млн пудов колючей проволоки.
- 8). 20 тыс. телефонных аппаратов, с батареями, запасными частями и полной принадлежностью, 100 тыс. верст провода облегченного типа, 20 тыс. верст провода крепостного типа.

9). Несколько десятков тысяч пудов жидкого хлора.

Примечание: При распределении и выполнении в Японии наших заказов на боевые средства соблюдается нижеследующий порядок:

а) определение размера и характера наших заказов в Японии в связи с намечаемой потребностью устанавливается в Петрограде по соглашению с представителями японского правительства,

б) дальнейшие детальные указания и разъяснения по таким заказам всецело сосредоточиваются в руках на то вполне уполномоченного нашего военного агента в Японии генерал-майора Самойлова,

в) приемка готовых изделий производится непосредственно органами японского военного министерства, при каковых условиях устраняется всякая с нашей стороны приемка, и

г) наши офицеры, исполнявшие ранее обязанности приемщиков, рассматриваются с этого момента как агенты для выяснения чисто технических вопросов, могущих встретиться на месте при изготовлении различных предметов.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 480-481.

№ 70

Из донесения Н.А. Малевского-Малевича С.Д. Сазонову

Токио, 7/20 сентября 1915 г.

№ 71

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Перед отъездом в Корею барон Гото посетил меня, чтобы доверительно передать, в каком положении находится, по его сведениям, вопрос о русско-японском политическом соглашении.

По его словам, бывший министр иностранных дел барон Като не был сторонником русско-японского союза и на почве этого вопроса, как и японо-китайских отношений, совершенно разошелся с «генро». Последние в лице князя Ямагата, маркиза Мацуката и покойного маркиза Иноуэ, наоборот, являются горячими защитниками идеи нашего сближения, усматривая в нем основное условие сохранения неприкосновенности Китая и обеспечения мира на Дальнем Востоке. Сторонником союза является и барон Мотоно, взгляды коего на этот вопрос не совпадали с мнением барона Като.

[...] Ныне, после ухода Като, отношения между кабинетом и «генро» значительно улучшились, и у премьера установилась с государственными старейшинами известная общность взглядов также и на вопрос о русско-японском союзе. Если тем не менее дело это пока не двинулось вперед, то исключительно ввиду отсутствия нового министра иностранных дел Ишии, ожидаемого в октябре. [...] Правящие «верхи», и во главе их князь Ямагата, отлично сознают необходимость союза, каковы бы ни были случайности войны. [...]

На вопрос мой о политической программе будущего руководителя японской дипломатии барон Гото ответил, что барон Ишии таковой не имеет; он будет хорошим исполнителем той задачи, которую ему поставит граф Окума и «генро». [...]

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 8. Ч. 2. С. 326-327.

№ 71

Шифрованная телеграмма полковника Одагири начальнику Военного бюро в Токио.
Перевод с японского⁵⁴⁴

Петроград, 7/20 сентября 1915 г.

19 сентября капитан Таий и 10 человек [нижних чинов] выехали в Ревель для установки крупных орудий.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 179.
 Машинопись.

№ 72

Шифрованная телеграмма барона Мотоно и.о. министра иностранных дел графу
Окума. Перевод с японского⁵⁴⁵

Петроград, 12/25 сентября 1915 г.

В настоящее время на угольных копях на юге России ощущается недостаток в 100 тысяч рабочих. От Центрального военно-промышленного комитета поступило заявление, что желают нанять в Японии 340 тысяч кули. Если возможно осуществить этот план, то могли бы командировать в Японию инженеров. Прошу мне немедленно телеграфировать по этому поводу, может ли императорское правительство оказать известные льготы для найма кули. Согласно секретным _____, они изучили бы места иммиграции в России, что чрезвычайно важно для будущего.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 182.
 Машинопись.

№ 73

Письмо А.А. Поливанова С.Д. Сазонову

Петроград, 29 сентября/12 октября 1915 г.
 № 7874

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

При записке от 20 сего сентября за № 561 Ваше высокопревосходительство изволили препроводить секретную телеграмму за № 331 посла в Токио, в коей Малевский-Малевич просил как можно скорее поставить в известность по поводу предложения японского правительства, сделанного в телеграмме от 6/19 сего сентября, на поставку нам до декабря месяца 1920 г. около 2 млн винтовок. Имею честь осведомить Ваше высокопревосходительство, что такое предложение с весьма удаленными сроками поставки по существу своему не отвечает потребностям нашей армии, так как военное ведомство не предполагает совершать перевооружение наших войск японскими винтовками и в данный момент ощущает лишь недостаток в ружьях в тех пределах, которые были заявлены в памятной записке, препровожденной Вашему высокопревосходительству при письме от 4/17 сего сентября за № 7152, экземпляр коей мной лично был вручен японскому послу барону Мотоно.

Таким образом, предложение японского правительства на поставку нам 2 млн винтовок по совокупности вышеизложенных обстоятельств не представляется приемлемым.

Примите и пр.

⁵⁴⁴

На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵⁴⁵

На документе знак его прочтения Николаем II.

№ 74

Шифрованная телеграмма С.Д. Сазонова Н.А. Малевскому-МалевичуПетроград, 13/26 октября 1915 г.
№ 5313

Благоволите сделать японскому министру иностранных дел следующее заявление:

«Императорское правительство глубоко признательно японскому правительству за его готовность усилить производство своих арсеналов и мобилизовать частную промышленность для изготовления нужного русской армии оружия. Ход военных действий вызывает однако особо настоятельную необходимость для русской армии немедленно иметь в своем распоряжении несколько сот тысяч винтовок с соответствующим количеством патронов. Поэтому императорское правительство было бы чрезвычайно признательно, если бы японское правительство сочло возможным несколько изменить предложенную им программу изготовления оружия, а именно: взять на себя изготовление 1 800 000 винтовок принятого в русской армии образца с патронами к ним в течение четырех лет и ныне же уступить нам 200 000 винтовок образца 38-го года Мэйдзи с патронами из запасов японской армии. Обращаясь с этой просьбой к своим японским союзникам, императорское правительство надеется, что японское правительство оценит всю важность помощи, которую оно окажет ее исполнением общему делу борьбы с нашими врагами».

Делая это заявление, благоволите просить министра иностранных дел о возможно скором ответе и о последующем телеграфировать⁵⁴⁶.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 9. М., 1937. С. 71-72.

№ 75

Из шифрованной телеграммы генерала М. Накадзима начальнику Генштаба Хасегава. Перевод с японского

Ставка, 14/27 октября 1915 г.

[...] Число винтовок в русской армии в начале этого года было, по крайней мере, 1 500 000, а теперь, согласно сведениям из самого достоверного источника, оно уменьшилось и не превышает 600 000 — поистине ужасающе небольшое число. Орудий первоначально было 6 000, а теперь это число уменьшилось до 4 000, среди которых также много изношенных. Хотя это обстоятельство чрезвычайно неблагоприятно, уже стало известным, что в смысле обслуживания они лучше немецких.

Однако ввиду того, что весь фронт растянут на приблизительно 1 000 километров, на полтора метра приходится приблизительно одна винтовка, и линия всюду слаба. Если поэтому неприятель в будущем соберет войска в одном пункте и произведет атаку, любой пункт может быть прорван. Если войска в одном пункте будут разбиты, то следует опасаться, что без резервов и без средств защиты, ввиду слабости всей линии фронта, не будет возможности удержать общую массу.

[...] В результате сражений этого года число винтовок уменьшилось сверх ожидания, и войско не отступило в целости, а потерпело в действительности большое поражение. [...] В будущем оно окажется снова в невыгодном положении, снова не будет средств снаряжения припасами, и опасность будет еще больше, чем в этом году. Если не будет более надежды на улучшение положения и не будет надежды на наступление французов

⁵⁴⁶

В ответной телеграмме от 15/28 октября за № 378 Малевский сообщил Сазонову, что Ишии обещал немедленно доложить Совету министров просьбу российского правительства и «употребить все свои старания, чтобы добиться благоприятного ответа». — *Прим. публикатора.*

и англичан, нельзя знать, какие резкие перемены произойдут в настроении населения. Я поэтому полагаю, что самая важная из важных задач для России и союзников это – восстановление боевой силы русской армии, или, по крайней мере, сохранение нынешнего положения, так как будущее всей войны зависит всецело от этого напряжения.

[...] Я отнюдь не отчаиваюсь в положении русской армии, но настаиваю на чрезвычайной необходимости восстановления боевой силы.

Содержание этого донесения прошу сохранить в тайне.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 9. М., 1937. С. 80-81.

№ 76

Из секретного личного письма директора дипломатической канцелярии при Ставке князя Н.А. Кудашева С.Д. Сазонову

Ставка, 1/14 декабря 1915 г.

Я немного могу прибавить к секретным телеграммам моим от 29 ноября о предстоящей поездке в Японию великого князя Георгия Михайловича. Для самого великого князя она была полной неожиданностью. О ней государь с ним заговорил 28 [ноября] вечером, а на следующий день сообщил о своем решении генералу Алексееву. Последний мне сказал, что он сам давно мечтал о такой миссии, так как считал и считает, что она может дать хорошие результаты. Он и раньше намекал на это государю, но, по-видимому, его величество не усматривал особенной пользы в такой посылке своего посланца в Японию. Решилось дело случайно, таким образом. За обедом генерал Накасида как-то между прочим намекнул своему соседу гоф-хирургу Федорову, что если бы государь послал в Японию великого князя, то, несомненно, это произвело бы прекрасное впечатление, и Япония усугубила бы свои усилия помочь России в ее борьбе с Германией. Это замечание было доведено до сведения государя императора, который тут же сообщил великому князю Георгию Михайловичу о своем решении: послать его в Японию поздравить японского императора с коронацией и поблагодарить за всю ту помощь, которую Япония нам оказала.

Великий князь сперва полагал, что на него возложено будет поручение вести переговоры об уступке нам ружей, но генерал Накасида его от этого предостерег, заметив: «Seulement pas un mot des fusils». Великий князь, впрочем, сам понимает, что несовместимо с его достоинством ехать выпрашивать то, в чем нам отказывали. Все дело сводится, таким образом, к тому, чтобы посылкой великого князя был оказан знак особого внимания к Японии в расчете, что такое проявление нашего внимания поможет установлению еще лучших отношений к нашему недавнему врагу, а ныне союзнику, и этим создастся почва для более успешного ведения переговоров о поставках нам из Японии предметов военного снаряжения.

Генерал Алексеев меня спросил, не думаю ли я, что полезно было бы прикомандировать к великому князю не только какого-нибудь генерала, отличившегося на войне, но и дипломата. Я ему сказал, что все наше посольство в Токио будет и без того к услугам великого князя. Я не решился указать на одно лицо, которое было бы наиболее подходящим для сопровождения в Японию великого князя, так как не знал, как бы отнеслись к его выбору. Но, по моему убеждению, никто более подходящим не мог бы быть, как барон Розен, чтобы сопровождать его высочество и служить ему руководителем в его разговорах с японцами, а при случае — и для ведения переговоров. Я не знаю, как отнесся бы к такой командировке сам Розен, но думаю, что он не откажется оказать серьезную услугу, особенно в сотрудничестве с великим князем Георгием Михайловичем, с которым находится в дружеских отношениях.

Красный архив. 1928. Т. 28. С. 19-20.

Из шифрованной телеграммы полковника Одагири военному министру в Токио.
Перевод с японского⁵⁴⁷

Петроград, 2/15 декабря 1915 г.

В вопросе о возвращении артиллерийских офицеров в Японию помощник начальник [русского] Главного штаба также признает необходимость их оставления. [...] От [японского] Главного штаба была получена официальная бумага с приказом всем вернуться в Японию, а затем, когда пришел приказ _____ орудия из Японии, помощник начальника [русского] Главного штаба просил оставить часть офицеров для производства упражнений с орудиями. Ввиду этого я прошу мне дать как можно скорее ответ, нет ли возражений против оставления полковника Миякава, майора Коидэ, капитанов Морита и Такэси, поручиков Кимура, Танака и _____, как я решил по обсуждении вопроса с полковником Миякава.

Остальные выезжают 28 декабря [1915 г.]

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 137. Л. 286-286 об.
 Машинопись.

№ 78
Из письма А.А. Поливанова С.Д. Сазонову.

5/18 января 1916 г.
 № 98. Секретно

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

[...] Осведомленное о нуждах нашей армии, японское правительство с полной готовностью пошло навстречу нашим желаниям использовать японский рынок и приняло непосредственное участие в поставках необходимых предметов вооружения и снабжения нашей армии. Столь благожелательное отношение японского правительства дало нам возможность получать из Японии не только чисто боевые средства, но и многие другие предметы по ценам весьма умеренным в сравнении с устанавливаемыми на других зарубежных рынках и притом с аккуратной сдачей их в условленные сроки. Успешная мобилизация японской промышленности и емкость рынка дружественной нам державы в значительной степени превзошли наши первоначальные ожидания, и в данное время есть полное основание предполагать, что Япония и впредь будет нашим верным и в то же время выгодным поставщиком. [...]

Несмотря на полученные от нас наряды японское правительство, в частности, японское Военное министерство, тем не менее, само изъявляет желание и на будущее время оказывать нам самое широкое содействие в снабжении армии всякого рода боевыми средствами. Вследствие сего Военное министерство не может отказаться от услуг японского правительства, безусловно имеющих чрезвычайно важное для нас значение. Между тем, осуществление этого предположения встречает в настоящее время почти непреодолимое препятствие в отказе великобританского правительства нам в кредитах по оплатам заказов и покупок в Японии на сумму свыше 6 млн фунтов стерлингов⁵⁴⁸.

⁵⁴⁷ На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵⁴⁸ Финансовое соглашение, подписанное правительствами Англии и России в сентябре 1915 г., из общей суммы британского кредита в 300 фунтов стерлингов на закупки Россией предметов военного назначения за границей (по 25 млн фунтов ежемесячно в течение года, начиная с 1 октября 1915 г.), на все русские заказы в Японии выделяло лишь 6 млн фунтов стерлингов. Этот лимит был исчерпан уже к концу 1915 г., и в первые полтора месяца следующего года, за неимением средств, русское Военное министерство оказалось вынуждено временно прекратить размещение новых заказов в Японии. В конце февраля 1916 г. британское

Придавая вопросу о сохранении за нами японского рынка значение первостепенной важности и удостоверяя, что содействие японской промышленности в значительной мере облегчит задачи военного ведомства по снабжению армии необходимыми предметами, я прошу Ваше высокопревосходительство, не признаете ли Вы возможным поручить нашему послу в Лондоне поставить в известность великобританское правительство о том, что отказ от предложения японского правительства, вызванный встретившимися финансовыми затруднениями, может пагубно отозваться на наших военных операциях. Принимая во внимание, что в разрешении такого жизненного для нас вопроса главным препятствием являются финансовые затруднения, я нашел необходимым обратиться к министру финансов с просьбой изыскать какие-либо меры к облегчению ныне создавшегося тяжелого положения хотя бы путем вывоза некоторой части золота в Японию.

О последующем имею честь просить Ваше высокопревосходительство не отказать поставить меня в известность. [...]

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности

Ал. Поливанов

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5404. Л. 2-4.

Машинописный отпуск

№ 79

Из шифрованной телеграммы советника IV-го политического отдела МИД Г.А. Козакова С.Д. Сазонову⁵⁴⁹

Токио, 8/21 января 1916 г.

Я изложил графу Терауци и барону Ишии Ваши мысли относительно общей политики России и Японии, направленной против деятельности Германии в Китае. Вчера барон Ишии просил меня передать Вам следующий его ответ.

Он глубоко благодарен Вам за открытое изложение Ваших мыслей и разделяет Ваше мнение о необходимости не допустить Германию водвориться в Китае, как она это сделала в Турции. [...]. Что касается до немедленной уступки нам большого количества оружия, то граф Окума и барон Ишии желают этого и работают в этом направлении. Барон Ишии надеется на успех этой работы, но встречает противодействие среди членов верховного военного совета, которые, думая лишь о боевой готовности Японии, не хотят считаться с интересами иностранной политики и не соблазняются даже перспективой политических компенсаций. Барон Ишии не может поэтому сказать утвердительно, что наши пожелания относительно оружия будут исполнены, хотя бы не в полной мере. Как только вопрос выяснится, он поручит барону Мотоно довести до сведения Вашего высокопревосходительства о решениях японского правительства.

Барон Ишии заверил меня, однако, что приезд сюда великого князя Георгия Михайловича и популярность, которую его императорское высочество приобрел в Японии благодаря обаянию своей личности, вызывает общее желание быть нам полезным в настоящей войне и не останутся без влияния на наши отношения с Японией.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10 (январь-апрель 1916). М.-Л., 1938. С. 41-42.

№ 80

Шифрованная телеграмма Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову

казначейсство согласилось увеличить свою «японскую» квоту России до 9 млн фунтов стерлингов (при условии, что в месяц Россия будет размещать в Японии военных заказов на сумму не свыше 1 млн фунтов).

⁵⁴⁹

На документе знак его прочтения Николаем II.

Токио, 11/24 января 1916 г.
№ 18

Телеграмма № 124 получена.

Переговоры с Кухарой могу затянуть на неопределенное время. Сегодня меня навестил генерал Танака и секретно сообщил мне следующее:

Фельдмаршалы Ямагата и Ояма, а также маркиз Мацуката очень желают оказать возможное содействие к получению нами оружия в скорейшем времени и к этой мысли ныне склоняется военный министр. Однако затруднения в благоприятном разрешении вопроса возникают со стороны Верхней палаты, которая требует, чтобы выручаемые от продажи оружия суммы шли в общий доход казны, а не в пользу арсеналов. Между тем, военное министерство, расходуя свои мобилизационные запасы, должно их немедленно пополнить, на что требуется свободная наличность. Испрашивание новых кредитов потребовало бы внесения запроса в парламент и вызвало бы большую потерю времени. Поэтому до решения Верхней палаты в желательном для правительства смысле военное министерство, очень желавшее дать нам удовлетворительный ответ, принуждено отложить таковой. Во всяком случае, по словам генерала Танака, правительство и военное министерство сделают все возможное, чтобы помочь нам.

Мне кажется, что визит генерала Танака вызван желанием изгладить то не вполне благоприятное впечатление, которое могло получиться у нас от того, что за время пребывания здесь великого князя вопрос о снабжении нашей армии японскими винтовками не двинулся вперед.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 103.
Машинописная копия;

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10 (январь-апрель 1916). М.-Л., 1938. С. 72-73.

№ 81

Секретная телеграмма великого князя Георгия Михайловича министру финансов
П.Л. Барку

Токио, 14/27 января 1916 г.
№ 23

Прошу передать министру финансов.

Задержки в уплатах по нашим военным поставкам производят в Японии тягостное впечатление. Боюсь, что доверие к нашим заказам может быть подорвано. Необходимо немедленно уплатить по исполненным заказам и внести задатки по контрактам, подписанным с японским правительством. Сумма долга превышает уже 17 млн иен.

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4531. Л. 104.
Машинописная копия.

№ 82

Шифрованная телеграмма помощника военного министра генерал-лейтенанта
Ямада полковнику Одагири. Перевод с японского⁵⁵⁰

Токио, 27 января/7 февраля 1916 г.
№ 106

Хотя полковник Миягава и его партия находятся в России для испытания горных орудий, в настоящее время нельзя предвидеть, когда будет заключен контракт об уступке

горных орудий. Даже в случае заключения контракта до их прибытия в Россию пройдут по крайней мере 3 месяца. Ввиду этого мы полагаем теперь приказать полковнику Миягава и его партии вернуться в Японию с тем, чтобы затем, когда потребуется, снова командировать необходимых людей. Прошу сообщить, как Вы на это смотрите и каково мнение русских властей.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 24.
Машинопись.

№ 83

Из зашифрованной телеграммы виконта Исии барону Мотоно. Перевод с японского⁵⁵¹

Токио, 14 февраля 1916 г.

Согласно взглядам русского министерства иностранных дел, выраженным через посредство г. Козакова, во-первых, Россия в случае ... чрезвычайно любезного отношения императорского правительства в вопросе о военных материалах как будто бы намерена нам уступить ветвь Восточно-Китайской железной дороги [...].

После отправления моей телеграммы за № 56, императорское правительство, принимая во внимание предложение русского правительства относительно сближения между Россией и Японией, подвергло обсуждению будущую политику Японии после войны, положив в основание обсуждения вышеуказанные [нижеуказанные?] два пункта.

1. Если бы Россия высказала пожелание переуступить Японии за самую высокую плату железную дорогу между Чан-чунем и Харбином, императорское правительство в свою очередь могло бы согласиться на пожелания России, высказанные через посредство его императорского высочества великого князя относительно снабжения оружием и ...

2. По поводу вопроса о будущей политике России и Японии следует заметить, что интересы и спокойствие двух держав не позволяют, чтобы Китай оказался в руках Германии. Кроме секретного союзного договора для предотвращения этой опасности теперь назрел вопрос о заключении официального договора, которым бы могли быть выражены особенно дружественные отношения между этими двумя государствами.

Я предполагаю Вам телеграфировать об этом после того, как 15 февраля будет получена высочайшая санкция, и тогда Вы узнаете о подробностях.

Примечание. В вопросе об уступке ветви Восточно-Китайской железной дороги нежелательно, чтобы осталось впечатление, что к этому решению пришли вследствие нашей просьбы. Если поэтому Россия, не дожидаясь нашей просьбы, по собственной инициативе сделает предложение, то это усилит еще более дружественные чувства японского общественного мнения, и этим самым облегчится разрешение вопроса об оружии со стороны наших военных властей. Приложите старания, чтобы по возможности Россия сделала это предложение.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10. С. 206-207.

№ 84

Из памятной записки японского посольства в Петрограде министру иностранных дел России⁵⁵²

Петроград, 5/18 февраля 1916 г.
Пер. с фр.

Со времени возникновения европейского пожара императорское правительство давало неоднократно доказательства своих чувств искренней симпатии по отношению к России, а именно: 1) гарантируя безопасность русских территорий на Дальнем Востоке,

⁵⁵¹ На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵⁵² На документе знак его прочтения Николаем II.

оно позволило ему обнажить свои азиатские границы и сконцентрировать все свои силы в Европе; 2) оно уступило России оружие и боевые припасы даже в ущерб национальной обороноспособности; 3) оно согласилось на выпуск русских казначейских бон — факт, не имеющий прецедента в финансовом мире Японии и в ущерб ее собственным интересам.

Ввиду этих обстоятельств японское правительство могло, по справедливости, рассчитывать на искреннее дружеское отношение российского правительства. Однако некоторые меры, предпринятые Россией в отношении таможенных пошлин на Дальнем Востоке, и некоторые нововведения ограничительного характера в режиме, касающемся права рыболовства Японии в русских водах, нанесли большой ущерб японским купцам и рыбопромышленникам. Такие мероприятия России, не отвечающие чувствам Японии, начали порождать весьма серьезную тревогу у императорского правительства и чувство недоверия в общественном мнении Японии.

Посещение его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича, представлявшего в императорской семье Японии особу его величества императора Российского, было весьма счастливым событием, а именно: результатом его явилось возрождение доверия и надежд всех японцев касательно будущих отношений между Японией и Россией. Но поскольку утверждение добрых отношений между двумя странами должно иметь в основе искренние дружеские чувства с обеих сторон, императорское правительство хотело бы надеяться, что российское правительство пойдет навстречу, проявив свое доброе расположение по отношению к Японии.

Вследствие вышеизложенного, японскому послу поручено откровенно изложить его высокопревосходительству российскому министру иностранных дел взгляд императорского правительства в ответ на столь дружеские чувства, которые соблаговолил выразить г. Козаков барону Ишии от имени его высокопревосходительства г. Сазонова.

Императорское правительство считает, что оно должно прежде всего просить российское правительство дать некоторое удовлетворение японским интересам в том, что касается двух вопросов: таможенного тарифа и права рыбной ловли в русских водах.

Г. Козаков в беседе с бароном Ишии подал надежду, что вопрос об уступке железнодорожной ветки Харбин-Чанчун может быть рассмотрен при наличии некоторых обстоятельств. Сохранение вышеуказанной ветки за компанией Китайско-Восточной железной дороги, что было решено во время переговоров относительно уступки Южно-Маньчжурской, является, конечно, аномалией, которая должна рано или поздно исчезнуть, так как большая часть этой линии находится в японской сфере влияния. Следовательно, если российское правительство могло бы уступить Японии эту ветку на подходящих условиях, императорское правительство увидело бы в этом явное свидетельство признания российским правительством дружественных чувств, проявленных императорским правительством, и помощи, которую оно не переставало до настоящего времени оказывать России. Японский министр иностранных дел убежден, что если бы этот вопрос мог быть урегулирован удовлетворительным образом, недоверие японского народа по отношению к России было бы совершенно рассеяно, и поскольку парламент не имел бы больше оснований упрекать японское правительство за его позицию по отношению к России, военные власти сумели бы изыскать средства, дабы удовлетворить до некоторой степени желание России в вопросе о снабжении ее оружием, который вновь был поставлен во время приезда его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича.

В случае, если бы российское правительство могло бы согласиться на вышеизложенные просьбы, императорское правительство Японии вполне расположено обсудить и заключить союзный договор с Россией, мысль о котором часто выдвигалась российским правительством.

[...]

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10. С. 223-224.

Петроград, 10/23 февраля 1916 г.

При моем отъезде в Японию в свите великого князя Георгия Михайловича министр иностранных дел поручил мне ознакомить японских государственных людей с его взглядами на будущие отношения России и Японии и на необходимость для них солидарного действия, направленного против внедрения Германии в Китае.

В Андуне, на границе Кореи, мы встретили назначенных состоять при великом князе генерала Терауци и посланника в Мексике Адаци. С последним я был близко знаком в бытность секретарем в Японии, а граф Терауци, бывший в то время военным министром, выказывал мне явное расположение, продиктованное, конечно, его убеждением в пользе дружбы между Россией и Японией. Из первых же моих разговоров с г. Адаци я вынес впечатление, что моему приезду в Японию придают значение политической миссии. Я ознакомил его поэтому вкратце с данным мне поручением. При следующей же встрече г. Адаци сказал мне, что передал мои слова графу Терауци, который отнесся к ним весьма сочувственно и вызвался поддержать наши желания перед своим правительством. По совету г. Адаци и сопровождавшего великого князя японского генерала Накадзима, я имел разговор с глазу на глаз с графом Терауци в поезде между Кобе и Токио. Я сказал ему следующее:

Как бы ни окончилась настоящая война, Европа будет долго разделена на два лагеря: в одном будут германские государства, в другом прочие великие державы Европы. Мы хотели бы видеть Японию в нашем лагере и думаем, что это выгодно для нее, ибо Германия составляет и для Японии опасность в Китае. Я напомнил графу Терауци, что император Вильгельм, при свидании в Балтийском порте, указывал С.Д. Сазонову на Японию как на врага России и советовал русскому правительству, совместно с Германией, развивать и укреплять Китай в виде противовеса Японии. Я указал также на известные нам откровения г. Либермана, указывавшего армянам на преследуемую германским правительством на Дальнем Востоке цель сделать Китай орудием своей политики. Противодействовать этим замыслам, сказал я, необходимо столько же Японии, сколько и России, и в этих видах они должны объединить свои силы. Став союзниками, Россия и Япония естественно могли бы рассчитывать на некоторые взаимные услуги. Русское правительство желало бы получить от японского необходимое нашей армии оружие. До сих пор японское правительство уступало нам предметы вооружения устарелые или лишние, но не трогало запасов, необходимых для мобилизации японской армии. Для союзников оно может отдать оружие, которое составляет вооружение его армии и утрата которого при уступке нам была бы равнозначуща его израсходованию на полях битв против общего врага. Что касается японского правительства, то хотя в сущности к большим политическим комбинациям неразумно примешивать вопросы о мелких выгодах, но дабы избежать упреков в том, что Япония не извлекает соответствующих выгод из сближения с Россией, японское правительство могло бы потребовать от нас каких-либо компенсаций, например, уступку ему ветки Китайско-Восточной железной дороги, находящейся в японской сфере, или компенсаций в других областях, не затрагивающих суверенных и территориальных прав России.

Граф Терауци выразил полное сочувствие изложенным мною мыслям, но заметил, что в Японии есть сторонники Англии, которые боятся сближения с Россией. На это я возразил, что не понимаю таких опасений. Это сближение только укрепило бы англо-японский союз, ибо если бы Россия сделалась союзницей и Англии и Японии, эти державы должны были бы держаться друг друга и искать разграничения там, где их интересы сталкиваются в Китае. Дальнейший наш разговор коснулся китайской политики Японии, причем граф Терауци осуждал свое правительство за резкое отношение к Китаю вообще и к Юань Шикаю в частности. [...] В бытность в Токио граф Терауци говорил по этому поводу с графом Окума и, по-видимому, успел убедить его в необходимости менее натянутых отношений к китайскому правительству и к его нынешней главе. Вполне

сочувствуя нашей мысли выгнать немцев из Китая, граф Терауци считает нужным предварительно установить более доверчивые отношения между японским и китайским правительствами. В заключение граф Терауци советовал мне не говорить ни с графом Окума, ни с другими государственными людьми Японии на тему нашего разговора, но высказаться в этом смысле только перед бароном Ишии. С своей стороны, он обещал мне самую энергичную поддержку как перед старейшими государственными деятелями (генро), так и перед кабинетом.

Следуя этому совету, я виделся с бароном Ишии тотчас по приезде в Токио и развил перед ним те же мысли, что и в разговоре с графом Терауци. Я прибавил, что говорю по поручению С.Д. Сазонова и повторяю то, что уже говорилось неоднократно русским министром иностранных дел японскому послу. Барон Ишии ответил, что сочувствует мыслям С.Д. Сазонова и постарается дать мне ответ до моего отъезда из Токио. Через несколько дней г. Адаци, с которым мы постоянно видались, пожелал точнее выяснить, согласно ли русское правительство уступить Японии всю южную ветку Китайской-Восточной железной дороги или же только часть ее, лежащую в японской сфере. Я ответил, конечно, что в объяснениях с бароном Мотоно речь шла только о части этой ветки к югу от Сунгари, где ее присутствие в японской сфере может представлять для японцев некоторые неудобства.

Накануне нашего отъезда из Токио барон Ишии вызвал меня и дал мне тот ответ, о котором я донес по телеграфу⁵⁵⁴. О возможном внедрении Германии в Китай он выразился: «We cannot tolerate it»⁵⁵⁵, но находил излишним закреплять на бумаге взаимное обязательство бороться против такого внедрения. Об изгнании немцев из Китая он высказался в том же смысле, как и в разговорах с Н.А. Малевским. Еще до отъезда из Токио я ознакомил с этим ответом графа Терауци, который заметил, что барон Ишии напрасно говорил со мной так уклончиво.

Последний мой разговор на эту тему с графом Терауци происходил в Сеуле. Он сам пожелал говорить со мной и говорил через г. Адаци. Граф Терауци сказал мне, что много работал в Токио для нашего дела, пока оставался там после отъезда великого князя Георгия Михайловича; что во дворце был совет генро, на котором наши мысли были одобрены, и что никакая смена кабинетов в Японии не может помешать тому, чтобы политика японского правительства пошла желательным нам путем. В дальнейшем наш разговор касался того, на уступку какого количества оружия из запасов японской армии мы можем рассчитывать.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10. С. 259-261.

№ 86

Памятная записка министерства иностранных дел барону И. Мотоно⁵⁵⁶

Петроград, 12/25 февраля 1916 г.

№ 153. Пер. с фр.

Российский министр иностранных дел не преминул изучить со всем вниманием, каковое заслуживает этот документ, сообщение, которое его превосходительство японский посол соблаговолил сделать ему 5/18 текущего месяца, и считает долгом выразить свою горячую признательность за это дружественное изложение намерений японского правительства.

Г. Сазонов считает необходимым прежде всего заметить, что японское правительство совершило бы ошибку, если бы истолковало как направленное против интересов его подданных введение по дальневосточной русской границе нового таможенного тарифа и опубликование нового устава тихоокеанского рыболовства. Эти меры были продиктованы, с одной стороны, фискальными соображениями, так как

⁵⁵⁴ Телеграмма от 8/21 января 1916 г.

⁵⁵⁵ Мы не можем этого терпеть – *англ.*

⁵⁵⁶ На документе знак его прочтения Николаем II.

российское правительство считало себя обязанным использовать всякий источник дохода для покрытия огромных расходов теперешней войны, и, с другой стороны, необходимостью подробно определить условия эксплуатации тихоокеанских рыболовных [участков], так как чрезмерная интенсивность их эксплуатации создала опасность для сохранения рыбного [стада]. В силу самых близких отношений между обеими нациями следовало бы оставить их правительствам свободу действий в подобных вопросах, являющихся вопросами совершенно внутреннего порядка, без того, чтобы это отзывалось на дружественных отношениях обеих наций. Однако если бы в данном случае шла речь об оказании услуги Японии взамен жертв, которые она могла бы принести для того, чтобы придти на помощь России, то российское правительство не поколебалось бы пересмотреть свое законодательство по этим двум вопросам, учитывая японские интересы.

Г. Сазонов пользуется этим случаем, чтобы снова заверить японское правительство, что услуги, оказанные последним России, горячо ценятся российским правительством и народом. Об этом свидетельствует миссия его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича.

Российское правительство узнало с особым удовлетворением из слов, с которыми его превосходительство барон Ишии обратился к г. Козакову, и из сообщения его превосходительства барона Мотоно от 5/18 текущего месяца, что японское правительство разделяет мнение российского правительства относительно опасной деятельности в Китае германского правительства и его стремления присвоить себе главенствующую роль в этой стране. Для борьбы именно с этой опасностью российское правительство стремится объединить свои усилия с усилиями Японии. Как только союз будет заключен, результаты его должны будут тотчас же сказаться. Настоящий момент, когда Германия изолирована в Европе и лишена каких-либо сообщений с Дальним Востоком, представляется особо благоприятным для нанесения ей на китайской территории удара, который помешал бы Германии превратить последнюю в опорный пункт для интриг во время войны и установить там свое влияние после заключения мира. Китайское правительство должно было бы быть приглашено порвать с германскими державами и стать окончательно на сторону союзников. Российское правительство может заверить японское правительство, что предлагая такой образ действий, оно отнюдь не имеет намерения поощрять китайцев к тому, чтобы они требовали прав воюющей державы в настоящей войне и права голоса во время переговоров о мире. Российское правительство отдает себе отчет в отрицательных последствиях, которые могли бы возникнуть в результате подобных требований как для него самого, так и для японского правительства. Как лояльный союзник Японии, Россия не будет стараться действовать во вред японским интересам в Китае и препятствовать японскому правительству упрочивать свое положение в областях этой страны, признанных российским правительством сферой специальных интересов Японии.

С другой стороны, заключая с Японией союз, имеющий целью создать препятствия для Германии, императорское российское правительство надеется, что оно может рассчитывать на более действенную поддержку Японии в военных операциях против этой державы. С этой целью японское правительство могло бы уступить России оружие и военные припасы в количестве, соответствующем тому, которое должна была бы израсходовать японская армия, если бы она принимала активное участие в сражениях против наших общих врагов. Со своей стороны, российское правительство могло бы оказать соответствующую услугу японскому правительству, уступив ему, например, по цене, подлежащей установлению, часть южного участка Восточно-Китайской железной дороги, которая находится в японской сфере влияния в Маньчжурии именно между городом Куанченцзы и Сунгари. Различные затруднения, вызываемые нахождением этой русской железной дороги в японской зоне, были бы таким образом устранены, и Япония сделала бы приобретение, компенсирующее ее за оружие, которое она уступила бы России.

Излагая таким образом взгляд своего правительства, г. Сазонов желает в особенности устранить всякую возможность недоразумений в столь важных вопросах и желает осведомиться, расположено ли японское правительство рассматривать их таким образом.

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10. С. 271-273.

№ 87

Записка и. д. генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора М.Н. Леонтьева в
Главное военно-техническое управление

Петроград, 24 февраля/9 марта 1916 г.
№ 661. Спешно

Помощник военного агента при японском посольстве в Петрограде вошел с ходатайством о предоставлении возможности прибывающим поездом в Петроград японской службы: инженерных войск майору Сугияма и лейтенанту флота Вада осмотреть 27 текущего февраля или 1 марта с.г. авиационный завод Лебедева⁵⁵⁷.

РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 3013. Л. 7.
Машинопись.

№ 88

Из памятной записки министерства иностранных дел послу Японии барону Мотоно

Петроград, 5/18 марта 1916 г.
Доверительно. Пер. с фр.

В случае вооруженного конфликта между Германией, с одной стороны, и Россией и Японией, с другой, этим державам пришлось бы выдерживать слишком тяжелую борьбу при отсутствии военной поддержки союзников. Поэтому, намечая линии русско-японского союза, представляется совершенно необходимым приблизить их к политической системе, основанной на существующих договорах, и учесть группировку держав, которая должна создаться в результате теперешней войны. Ни в акте русско-французского союза, ни в акте англо-японского союза борьба против стремления третьей державы к политическому господству в Китае не рассматривается как *casus foederis*⁵⁵⁸. Поэтому было бы осторожнее, чтобы российское и японское правительств взяли на себя окончательное обязательство оказывать друг другу вооруженное содействие только в случае обеспечения им военной помощи [со стороны] их союзников.

По тем же соображениям срок русско-японской конвенции должен был бы быть тот же, как и срок англо-японского союза.

[...] Секретные конвенции 1907, 1910 и 1912 гг., служившие основой самых дружественных отношений между Россией и Японией, должны были бы, очевидно, остаться в силе [...].

Поддержание мира на Дальнем Востоке, представляющее жизненный интерес для держав, имеющих владения в этой части света, казалось бы, требует, чтобы центральное китайское правительство не подпадало под политическое господство никакой иностранной державы. Открытое провозглашение этого принципа в явной конвенции было бы тем более полезно, что это могло бы уменьшить беспокойство, которое этот русско-японский союз мог бы возбудить как в Китае, так и в странах Европы и Америки⁵⁵⁹.

⁵⁵⁷ На самом деле в начале марта 1916 г. на этот авиазавод явились пятеро японцев – военно-морской атташе Сузуки Отомэ, капитан-лейтенант Ионай Мицумаса, майор Сугияма Тадаси, лейтенант флота Вада Хидэхико и С. Миякэ

⁵⁵⁸ Казус федерис (*лат.*) – в международном праве – условие или юридический факт, наступление которого дает основание договорившимся сторонам приступить к совершению или совершить оговоренное ранее действие.

⁵⁵⁹ Далее – проект русско-японской конвенции на фр. яз.

№ 89

Из донесения Н.А. Малевского-Малевица С.Д. Сазонову⁵⁶⁰Токио, 23 марта/5 апреля 1916 г.⁵⁶¹

№ 22. Секретно

Милостивый государь Сергей Дмитриевич,

Современное политическое положение Японии значительно разнится от того, каким оно было перед войной. За прошедшие 18 месяцев международные условия настолько изменились, что ныне Японию надо признать не только великой дальневосточной, но и мировой державой. Война, столь разорительная для государств Европы, отразилась чрезвычайно благоприятно на финансах и торговле Японии; числясь в «состоянии войны» лишь номинально, Япония, после легкой победы в Циндао, не проливает более ни одной капли крови в борьбе с германцами и не тратит на войну ни одного иена. Напротив того, золотой запас ее за это время почти удвоился, торговое парокходство расцвело, внешняя торговля оживилась и побила рекорд по вывозу за весь период приобщения страны Восходящего солнца к цивилизации; вывоз оружия, боевых припасов, предметов военного снаряжения и снабжения обогащает не только японскую казну, но и местную промышленность.

Но еще больше извлекает японское правительство из европейской войны политических выгод; если до войны Япония могла считаться наиболее влиятельной политической силой на Дальнем Востоке, то ныне она сделалась полновластной хозяйкой здешнего положения: ни мы, ни Англия, ни другая европейская держава, не имея в своем распоряжении на Дальнем Востоке ни сухопутной армии, ни флота — не в состоянии противодействовать Японии в достижении ее целей. Японцы вполне сознают исключительность условий, в которые они поставлены благодаря войне, и, несомненно, постараются использовать эти благоприятные условия в своих выгодах. С таким положением вещей приходится считаться и нам, и Англии, тем более что создавшееся преобладание японского влияния на Дальнем Востоке сохранится надолго и после войны. В то время, как европейские державы истощаются физически и морально в титанической борьбе, Япония с каждым днем крепнет, богатеет и запасает силы на будущее. Этим объясняется и то обстоятельство, что Япония решительно отклонила все попытки втянуть ее активно в европейскую войну посылкой на западный фронт своих войск. Японское правительство вполне отдает себе отчет, что понижение численного состава японской армии на Дальнем Востоке настолько же отодвинет боевую готовность Японии, как и уступка нам ружейных запасов в ущерб собственным условиям мобилизации. Нимало не заинтересованная в окончательном крушении Германии, Япония пользуется настоящей войной, чтобы накапливать свои финансовые и боевые силы, и подготавливает себя к тому моменту, когда начнется ликвидация войны и когда державы приступят к новой ориентации взаимных политических интересов.

Главным объектом японской политики является Китай, куда и направлены ее конечные цели; ограничится ли Япония проведением в Китае V групп своих прошлогодних требований, или воспользуется случаем, чтобы осуществить свои вождедения в долине Янцзы и в провинции Фукиен, — предвидеть пока трудно, так как многое будет зависеть от внутреннего положения Китая. Чем более последний будет страдать от внутренних неурядиц и чем слабее будет его центральная власть, тем легче Японии добиться удовлетворения ее пожеланий. В предвидении этого японцы нимало не стесняются

⁵⁶⁰

На документе знак его прочтения Николаем II.

⁵⁶¹

Фактически, это письмо явилось подведением Малевским итогов своего пребывания в Токио в качестве посла. 2/15 февраля Сазонов известил Малевского о его грядущем отозвании из Японии с назначением сенатором. 4 апреля 1916 г. Малевский получил прощальную аудиенцию в японском МИД и вскоре выехал на родину.

показывать свое нерасположение к Юаню и решительно противодействуют всему, что могло бы укрепить его личное положение. Этим объясняется и их отрицательное отношение к восстановлению монархии в Китае. Усиливать Китай политически и содействовать его централизации — совершенно не отвечает интересам японской политики. Для Японии, наоборот, выгодно теперешнее хаотическое состояние соседа и шаткое положение его правителя.

Тем же объясняется и несочувствие японского правительства привлечению Китая к открытому разрыву с Австро-Германией. Вступление Китая в число союзных государств, борющихся против германского милитаризма и засилья, дало бы Китаю выигрышное положение среди других государств, подняло бы его престиж и обеспечило бы ему, помимо финансовой поддержки, самостоятельное и равноправное положение на будущей мирной конференции. С подобным привлечением Китая в «концерт» союзных держав Япония едва ли примирится, а тем менее можно ожидать, чтобы она допустила возвысить Китай в ранг великой державы при помощи европейских государств с их ближайшей поддержкой, с явным ущербом для японского влияния. [...]

Как бы ни было нам желательно вовлечение Китая в открытую борьбу с Австро-Германией и как бы ни важно было устранение из Китая германской интриги [...], все же возникает первостепенной важности вопрос: какие компенсации потребует Япония за содействие этому плану? Идти же на него без согласия Японии, чтобы поставить ее перед совершившимся фактом, значило бы рисковать размолвкой с Японией и вызвать явное ее противодействие нам в Пекине; да и Китай едва ли решился бы на такой шаг без одобрения Токио.

Упомянув о компенсациях, я обязываюсь отметить, что весьма возможно возбуждение Японией, по первому с нашей стороны поводу, вопроса о возобновлении на новый срок рыболовной конвенции 1907 года с большими льготами для японских рыбопромышленников и ходатайства о разрешении плавания по Сунгари. Но требование северного Сахалина или железнодорожной ветки от Чан-Чуна до Харбина являлось бы уже домогательством по пересмотру Портсмутского договора. Идти на подобное изменение основных наших соглашений с Японией значило бы не только умалить обаяния России, но и нанести непоправимый ущерб нашей дальневосточной окраине и русскому делу в северной Маньчжурии. Даже заключение формального союза с Японией не оправдывало бы с нашей стороны таких уступок.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич

Международные отношения в эпоху империализма. Серия 3. Т. 10. С. 571-574.

№ 90

Шифрованная телеграмма полковника Одагири начальнику Главного штаба в Токио.

Перевод с японского⁵⁶²

Петроград, 7/20 апреля 1916 г.

№ 559

Я полагаю, что следовало бы в Европу командировать генерала, занимающего в нашей армии важный пост для того, чтобы он лично ознакомился с положением воюющих держав. Это имеет чрезвычайное значение для выяснения будущей политики нашего государства и для определения вытекающих из нее мероприятий.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 81.

Машинопись.

№ 91

Шифрованная телеграмма барона Исии барону Мотоно. Перевод с японского

Токио, 14/27 июня 1916 г.
№ 900

Командируемые в Европу генерал-лейтенант Фукуда и подполковник Уэда прибудут в Петроград 15 июля, пробудут там 6 дней, осмотрят окрестности и часть военных заводов, затем отправятся в Псков, Могилев, Киев, Москву и Казань для ознакомления с военным положением или заводами и останутся в России до 11 сентября. Прошу сделать приготовления к их приезду. Подробности посланы почтой 22 июня.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 120.
Машинопись.

№ 92

Из письма А.Н. Воскресенского начальнику статистического отдела Морского
Генштаба

Токио, 20 июня/3 июля 1916 г.
Секретно

С Японией дело сделано — заключили соглашение, в котором, за ее доброжелательность и 120 000 винтовок, мы даем очень серьезные права и гарантии. Конечно, при существующей обстановке о мелочах жалеть не стоит, и слава Богу, что отделались только на этом. Однако так как за оказываемую Японией военную помощь снабжением все-таки приходится платить звонкой монетой, то необходима валюта, а за невозможностью получить ее наличием — займы. Вот этот весьма близко касающийся вопрос и не двигается. Просили мы сначала 315 миллионов иен, на что японцы, конечно, только рассмеялись и в конце концов с грехом пополам мы получим, кажется, 120 миллионов. Так как этих денег не хватит даже по уплатам за сделанные уже заказы, то что будет с намечающимися и с теми, о коих уже почти закончены переговоры — не знаю. Несмотря на это, мне вновь и вновь идут запросы то о том, то о другом и когда, наконец, надо заключать условие, то решения нет, и все справки и переговоры идут впустую, а ведомства здесь, как я неоднократно писал, считают, что раз их беспокоят просьбами, справками и т.п., то это значит, что данный предмет нам очень необходим, а между тем, когда они соглашаются, то на решенный и обсужденный вопрос с нашей стороны окончательного согласия не следует. Мне кажется, можно было бы избежать тех пагубно отражающихся задержек при заказах, если бы при переговорах мне указывалось, что заказ в принципе принят и будет лишь фиксирован, когда будет валюта, или еще лучше, что валюта на этот заказ будет тогда-то и потому, если возможно, заключайте, мол, условие на соответственные сроки платежей. Теперь же выходит, что, например, по закупкам снабжения для отряда купленных судов, сделанным в марте, я до сих пор не имею кредита, не говоря уже о более поздних платежах. По пушкам мелкого калибра — очень их просили и срочно, а получив, не имею даже уведомления, когда можно ожидать перевода кредита. Раз вообще уже перешли на систему брать в кредит, то лицу, ведущему заказы, надо все-таки знать сроки и общие соображения о кредитах. На вопрос мой о сумме вероятных заказов для включения наших требований в расчет займа, я ответа так и не получил, а между тем посольству телеграфируют из Петрограда общую, таинственную для меня цифру в 14 миллионов (по морскому ведомству). Почему от меня держат это в секрете? Теперь опять с «Пересветом»⁵⁶³. Адмирал Шульц просит о ремонте его в Японии. Конечно, надо сделать, что можно, но надо подумать заблаговременно и о кредите или же соответствующем условии, что, мол, платить сейчас не можем, а просим

⁵⁶³

В мае 1916 г. при ходовых испытаниях крейсер «Пересвет», недавно выкупленный у Японии, сел на камни вблизи Владивостока. Ремонтировался во Владивостоке, затем в Майдзуру; спасательные работы и ремонт обошлись русской казне в 740 тысяч руб.

отсрочку. Я не говорю уже о том, что вообще все это сейчас же попадет в газеты и снова сраму не обернуться, да и со стоянкой в доке в том порту, где они будут чиниться (я не знаю еще, где), как бы не вышло недоразумений...

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4538. Л. 86-87.
Машинописная копия.

№ 93

Из шифрованной телеграммы барона Б.Э. Нольде в российское посольство в Токио

Петроград, 21 июля/3 августа 1916 г.
№ 3373

Морской министр возбудил ходатайство о награждении японской службы контр-адмирала Кенджи Иде [орденом] Станислава 1-й [степени], флаг-капитана капитан-лейтенанта Санничи Такахаша Станислава 2-й, старшего флаг-офицера лейтенанта Тейжиро Тойода Анны 3-й и младшего флаг-офицера лейтенанта Масао Цуцуми Станислава 3-й за труды по двукратной приемке и доставке в Японию и Америку золотой валюты [...]

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 78. Т. 1. Л. 216.
Машинопись.

№ 94

Рапорт флигель-адъютанта корнета графа А.С. Замойского генерал-квартирмейстеру штаба Ставки генералу М.С. Пустовойтенко

Ставка, 27 июля/9 августа 1916 г.

8-го июля 1916 года в пятницу его императорскому величеству благоугодно было повелеть мне встретить прибывающую в царскую Ставку японскую военную миссию генерал-лейтенанта Масатаро Фукуда на вокзале и приветствовать от августейшего его императорского величества имени.

9-го июля в субботу миссия представлялась его императорскому величеству и завтракала у высочайшего стола.

Вслед затем последовало высочайшее его императорского величества соизволение назначить меня сопровождать японскую военную миссию в район действующей армии Юго-Западного фронта, о каковой высочайшей воле мне сообщено Управлением генерал-квартирмейстера от 9-го июля сего года за № 1675 и Дежурным генералом от 10-го июля сего года за № 10840.

10-го июля в воскресенье я отправился из Ставки верховного главнокомандующего в Киев, согласно утвержденного начальником штаба верховного главнокомандующего маршрута, с японской военной миссией в следующем составе:

- Масатаро Фукуда, генерал-лейтенант (Генштаба).
- К. Куэда, подполковник.
- Эсукэ Ямамото, морской капитан 2-го ранга.
- З. Исизака, подполковник⁵⁶⁴, военный агент при Ставке верховного главнокомандующего и
- Одагири, полковник, военный агент в Петрограде.

Сопровождающий миссию полковник К.П. Круссер⁵⁶⁵, правитель канцелярии Главного артиллерийского управления.

⁵⁶⁴ Правильно: «полковник».

⁵⁶⁵ Круссер К.П. (р. 1865) — в 1909 г. подполковник, столоначальник генерал-фельдцейхмейстера, в 1916 г. полковник, помощник начальника Административного отдела ГАУ.

11-го июля японская военная миссия прибыла в 9-м часу в Киев, где представилась в императорском дворце ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне. В первом часу ночи миссия выехала в Бердичев.

12-го июля, во вторник в 9 часов утра миссия прибыла в Бердичев и была встречена капитаном [С.И.] Мальцевым, назначенным главнокомандующим сопровождать ее в районе фронта, в 1-м часу дня миссия была принята главнокомандующим генерал-адъютантом Брусиловым⁵⁶⁶, который между прочим любезно предложил при поездке по фронту заехать в гвардию. Вслед за тем миссия завтракала у главнокомандующего и сделав визиты высшим чинам штаба, миссия отбыла в предоставленные ей вагоны и с пассажирским поездом [в] 4.30 вечера уехала в Луцк.

13-го июля, около 8 часов утра вблизи станции Клевань пролетел неприятельский аэроплан, который стрелял из пулемета.

На станции Олыка, где поезд имел долгую стоянку, миссия осматривала эскадрон синих кирасир ее величества государыни императрицы Марии Федоровны, который стоял на отдыхе, — в 3 ½ часа пополудни прибыли в Луцк, где были встречены капитаном Генерального штаба Игнатьевым, после чего миссия представилась генералу Каледину, а затем отправилась на моторах в м[естечко] Торчин в районе 40 корпуса генерала Кашталинского⁵⁶⁷. Генерал Кашталинский напомнил ген. Фукуде, что он был начальником штаба у Куроки в 1904-1905 гг., когда они сражались друг против друга. Вслед затем миссия отправилась в сопровождении капитана Генерального штаба во 2-ю стрелковую дивизию генерал-лейтенанта Белозора⁵⁶⁸ в Магдаленов, где миссия пересела на лошадей и отправилась на наблюдательный пункт 2-й батареи 40-го мортирного артиллерийского дивизиона, куда миссию сопровождал начальник штаба дивизии подполковник Генерального штаба Жамов⁵⁶⁹. Чтобы доехать до наблюдательного пункта, находящегося в пяти верстах, надо было следовать почти все время по открытой местности, обстреливаемой неприятельской артиллерией, так что пришлось отправиться парами с дистанцией около 250 шагов.

Огонь был редкий. У деревни Сернички упало два снаряда в расстоянии 60-ти шагов от генерала Фукуда, а затем при выезде из деревни один упал в 20-ти шагах, а следующий еще ближе, но не разорвался. Проехав деревню, в лесу миссия видела расположение 2-го стрелкового полка, причем дух стрелков на миссию произвел впечатление. С пункта мало было видно, так как закат солнца в глаза мешал, но видели дер[евню] Затурцы с разгромленным неприятелем костелом, который, по словам начальника штаба, составлял старинную святыню с интересными картинами. От нас линия наших окопов была в 300 шагах, неприятельские же в 400. На обратном пути было уже достаточно темновато, всюду разносились звуки пения и вечерней молитвы Боже,

⁵⁶⁶ Брусилов А.А. (1853-1926) — генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). С марта 1916 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. В мае-июне 1916 г. руководил наступлением армий своего фронта в районе Луцка, вошедшим в историю как «брусиловский прорыв». В ходе этого наступления главный удар был нанесен 8-й армией под командованием генерала А.М. Каледина (1861-1918).

⁵⁶⁷ Кашталинский Н.А. (1849-1917) — генерал от инфантерии (1908). Окончил Павловское военное училище (1869), участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1899 г. генерал-майор. В годы русско-японской войны начальник 3-й Восточно-Сибирской дивизии, участник боев под Тюренченом, Ляояном, Шахэ и Мукденом. С началом Первой мировой войны командир корпуса.

⁵⁶⁸ Белозор Ю.Ю. (1862-1942) — генерал-лейтенант (1915). Окончил Виленское пехотное училище (1881), с 1890 г. проходил службу в Приамурском военном округе. Участник подавления «боксерского» восстания (1900), после чего оставлен в Пекине во главе русского отряда; подполковник (1901). Участник русско-японской войны, в бою у Цзиньчжоу (1904) тяжело раненным взят в плен, в лагере военнопленных Мацуяма находился до конца 1905 г. С 1913 г. генерал-майор, генерал для поручений при командующем Приамурским военным округом. С февраля 1915 г. начальник 2-й стрелковой бригады, с июня 1915 г. начальник 2-й стрелковой дивизии.

⁵⁶⁹ Жамов В.Е. (р. 1881) — окончил Виленское пехотное училище (1901) и Николаевскую академию Генерального штаба (1909). Поручиком участвовал в русско-японской войне. В годы Первой мировой войны подполковник (полковник), и.д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии.

царя храни, огонь притих. Прибыв в штаб дивизии, генерал Белозор нам сообщил, что капитан 2-го ранга Есуге Ямамото очень отстал, так как только впервые сел на лошадь — надо было подождать, а потому приняли ужин с чаем. За столом сидя, миссия могла наблюдать за ракетами. Генерал Белозор роздал на память миссии удостоверения об их нахождении под огнем (копии при сем представляются⁵⁷⁰).

14-го июля, в 10 часу утра миссия представилась в вагоне его императорскому высочеству великому князю Борису Владимировичу. Вслед за тем миссия отправилась в м. Рожище в штаб войск гвардии и представилась генерал-адъютанту Безобразову⁵⁷¹, который миссию пригласил к завтраку. За завтраком генерал Безобразов пил за здоровье миссии и войск японских и итальянских, последнее ввиду присутствия за завтраком полковника итальянской службы адъютанта короля итальянского М. Марсенго, — генерал Фукуда произнес тост за нашу армию. После завтрака миссия отправилась в район 2-го Гвардейского корпуса и представилась командиру его генерал-лейтенанту Рауху, а оттуда на наблюдательный пункт командира корпуса в господском дворе Малые Берзалупы, который скрыт в дубовом парке на возвышенности. На опушке парка и расположен наблюдательный пункт, с которого видно на десятки верст. После посещения 1 и 2 Гв[ардейских] корпусов миссия вернулась в Луцк.

15-го июля в 6 часов утра при проезде миссии из Луцка в Рожище появилось несколько неприятельских аэропланов, бросавших бомбы и стрелявших из пулеметов. Около вагона миссии был убит один солдат и несколько человек ранено, двум лошадям перебиты ноги. В Рожище около 7 часов утра миссия видела несколько убитых и раненых бомбами. Из Рожище часть миссии отправилась на наблюдательный пункт командира 2-го корпуса в Берзалупы, а часть в 1-й Гвардейский корпус. По дороге встретили 1-й и 2-й эскадроны Уланского его величества полка. Неприятель стрелял много, но артиллерийский огонь был не слишком сильный. Артиллерийская перестрелка затем усилилась, с наблюдательного пункта видны разрывы, а с 12 до 3 часов грохот орудий, во многих местах пожары. Одним из первых тяжелых снарядов убит в Преображенском полку подпоручик граф Велепольский.

По телефону нам было сообщено здесь же на наблюдательном пункте об успехах в 8-й армии, которая взяла 8 600 пленных и двух генералов. Вместе с тем — о прорыве частями 1 Гв. корпуса немецких позиций.

В 6 часу миссия возвращается в Рожище и откланивается генералу Безобразову. В 8-м уезжает в Луцк. По дороге встречено 5 неприятельских аэропланов. Моторы остановлены. Артиллерия открывает огонь по аэропланам. В бинокль видно, что каждый из аэропланов имеет по 8 висящих бомб. Аэропланы держали курс на Рожище. Через две минуты раздалось 45 разрывов бомб. Когда мы продолжали путь, видели пожары в стороне Рожище. Один аэроплан следовал за нами и стрелял из пулеметов. Вскоре появились три наших аэроплана и немцы скрылись.

16-го июля прибыли на ст[анцию] Шелетовка в 12 часов дня, где по телеграфу был приготовлен завтрак. В час дня миссия отбыла через Проскуров в Каменец-Подольск.

17-го июля в 6 часов утра миссия встречена в Каменце офицерами, состоящими при штабе 9-й армии: поручиком 9-го Казанского полка Червинским и прапорщиком Семеновского полка Вальборном, которые были с моторами. В Каменце была осмотрена старинная крепость. В 7 ½ часов утра миссия отбыла в Черновцы. По пути осматривали

570

Текст удостоверения: «Японской службы генерал-лейтенант Матасаро-Фукуда 13 дня июля сего года осматривал позицию 2-й стрелковой дивизии. На западной окраине дер. Сернички попал под действительный артиллерийский огонь противника, один снаряд разорвался в 20-ти шагах от генерал-лейтенанта Матасаро-Фукуда. В районе 111,0 генерал-лейтенант Матасаро-Фукуда осматривал позиции противника, находясь в сфере ружейного огня. *Начальник 2-й стрелковой дивизии генерал-лейтенант Белозор. 13 июля 1916 г. № 4871*». — РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1430. Л. 80

571

Безобразов В.М. (1857-1932) — генерал от кавалерии (1913), генерал-адъютант (1914). Окончил Пажеский корпус (1877), участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., генерал-майор (1900). С 1912 г. командир Гвардейского корпуса, с 1915 г. командующий Гвардейским отрядом в составе трех гвардейских корпусов, с июня 1916 г. командующий войсками гвардии. В августе 1916 г. отстранен от командования.

наши и австрийские старые позиции и ст. Окна, интересную по числу попавших в нее наших снарядов. В Черновцы миссия прибыла в 12-м часу дня. Город цел, кроме нескольких домов, находившихся у предмостного укрепления на берегу р. Прута. В 12 ½ часов миссия представлялась в доме наместника Буковины (последний граф Меран) командующему 9-й армией генералу Лечицкому⁵⁷², который миссию пригласил завтракать. После завтрака посетили интересный по своей величине и мавританскому стилю дворец митрополита Буковины и собор с замечательной акустикой. В 8 часов вечера миссия обедала у командующего армией, а затем отбыла в гостиницу «Бристоль» [в] приготовленные для нее номера.

18-го июля, в 6 часов утра миссия отправилась на Снятын, где встретила около 4 000 австрийцев и 2 000 немцев. Далее на Коломыю в Коршув в район действий 12 корпуса. По пути миссия остановилась в Коломые для осмотра достопримечательностей города. Прибыв в Коршув, миссия представилась начальнику 12 корпуса генерал-лейтенанту Кознакову⁵⁷³, который, угостив чаем, пригласил миссию ехать с ним в расположение 12-й дивизии в дер. Богородичин, где были встречены начальником 12-й дивизии генерал-майором Вирановским⁵⁷⁴, начальником штаба дивизии генерал-майором Снесаревым⁵⁷⁵ и офицерами штаба дивизии. По дороге генерал Кознаков объяснил миссии, как ночью перед атакой стрелки подошли сапой и вырыли новые окопы, на 600 шагов подвинувшись этим способом ближе к неприятельским позициям. Из штаба дивизии миссия поехала на наблюдательный пункт в сопровождении генерала Кознакова и генерала Вирановского. Наблюдательный пункт на высоте 358, был сначала наблюдательным пунктом австрийцев, теперь же служит нам. Видно всюду и на самом наблюдательном пункте воронки наших снарядов. Затем отправились на высоту 381 у дер. Бортники. Начальник дивизии рассказал подробности боя и атак, самоотверженных, наших героев-стрелков. Перестрелка артиллерийская. Несколько перелетов, почему начальник дивизии просил не ходить кучно, а в разбивку. В 2 ½ часов миссия вернулась в штаб дивизии, где командир корпуса простился, а миссия осталась завтракать под звуки орудийного огня и музыки 46 Днепровского полка (в котором служил Куприн). Во время перерывов оркестра слышен был другой, который играл в окопах. Были провозглашены тосты и «ура» 16-му стрелковому полку, у которого был полковой праздник и которым командовал генерал Вирановский, а сын которого в этом полку в настоящее время служит. Из штаба 12-й пех[отной] дивизии было выдано всему составу миссии общее удостоверение о нахождении под огнем (копия при сем представляется). В 9 часу вечера миссия возвратилась в Черновцы через Коломыю, где опять подверглась обстрелу из неприятельских пулеметов с аэропланов разрывными пулями.

⁵⁷² Лечицкий П.А. (1856-1921) — генерал от инфантерии (1913). Окончил Варшавское юнкерское училище. С 1898 г. в звании подполковника командовал полком в Порт-Артуре, в 1900 г. принимал участие в подавлении «боксерского» восстания в Китае; полковник, комендант Мукдена. Участник русско-японской войны, с мая 1905 г. генерал-майор, командир бригады. Генерал-лейтенант (1908), командующий войсками Приамурского военного округа (с 1910 г.). С августа 1914 г. командующий 9-й армией.

⁵⁷³ Кознаков (Казнаков) Н.Н. (1856-1929) — генерал от кавалерии (1917). Окончил Пажеский корпус (1874), служил в войсках гвардии, генерал-майор (1905), генерал-лейтенант (1910). В годы Первой мировой войны командир XII-го армейского корпуса.

⁵⁷⁴ Вирановский Г.Н. (1867-1920) — генерал-лейтенант (1917). Окончил Александровское военное училище (1887) и Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Участник подавления «боксерского» восстания в Китае 1900 г. и русско-японской войны. С 1914 г. генерал-майор, командир пехотной бригады, с мая 1916 г. командир 12-й пехотной дивизии. Расстрелян большевиками как офицер армии Колчака.

⁵⁷⁵ Снесарев А.Е. (1865-1937) — генерал-лейтенант (1917). Окончил физико-математический факультет Московского университета (1888), Московское пехотное училище (1889) и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Служил в Туркестане, в 1902-1903 гг. командовал Памирским отрядом Отдельного корпуса пограничной стражи. С октября 1914 г. командир пехотного полка, генерал-майор (1915). С февраля 1916 г. начальник штаба 12-й пехотной дивизии.

19-го завтракали у генерала Лечицкого, откланялись и отправились в Каменец-Подольск, по пути встречались подходящие части и обогнали большое количество пленных германцев и австрийцев; вид у всех усталый, немцы плохо одеты.

20-го июля миссия прибыла в Киев.

С 20 по 25 были осмотрены заводы, город и лагерь военнопленных в Дарнице. 22-го июля в день тезоименитства ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны посетили собор. На посланную ее величеству мною по желанию миссии телеграмму князю Шервашидзе миссия удостоилась ответа при сем прилагаемого.

Оставив миссию согласно имевшихся у меня инструкций в Киеве, я прибыл 25-го июля в Ставку.

Генерал Фукуда, расставаясь со мной, просил выразить его императорскому величеству государю императору свою глубочайшую почтительную благодарность за все виденное и пережитое им во время поездки по фронту.

Флигель-адъютант

граф Замойский

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1430. Л. 75-79.

Машинопись, оригинал

№ 95

Из шифрованной телеграммы барона Мотоно виконту Исии. Перевод с японского⁵⁷⁶

Петроград, 11/24 августа 1916 г.

[...] 24 августа г. Козаков сделал советнику [японского посольства] Марумо конфиденциальное сообщение, что русский помощник военного министра обратился к министру иностранных дел с отношением, в котором говорится, что [со стороны военного министерства] нет возражений против заключения военного соглашения через два месяца, когда принц Канин-но-Мия прибудет сюда и представится удобный случай для этого.

Ввиду того, что согласно Вашей телеграммы [...], императорское правительство желало бы отсрочить соглашение по этому вопросу, прошу мне дать ответ⁵⁷⁷.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 149.

Машинопись.

№ 96

Из шифрованной телеграммы генерал-майора М. Одагири помощнику военного министра. Перевод с японского⁵⁷⁸

Петроград, 15/28 сентября 1916 г.

№ 1355, 1356

[...] Русский Главный штаб желал бы сформировать отряд из японских добровольцев, причем сперва будут сформированы 2 батальона вблизи Москвы. К выполнению этой задачи уже приступили и требуют соглашения. Находящийся в настоящее время в Штабе список лиц включает в себя менее 200 [человек] с офицерами. Почти все обученные солдаты, но большая часть из жителей Маньчжурии. Говорят, что можно надеяться на прибытие новых добровольцев. Состоялось ли в Военном

⁵⁷⁶

На документе знак его прочтения Николаем II. Подчеркивания в тексте – его же.

⁵⁷⁷

В ответ министр Исии написал: «Вопрос о военном соглашении мы хотим отсрочить». – Там же. Л. 150.

⁵⁷⁸

На документе знак его прочтения Николаем II.

министерстве /Главном штабе/ постановление по этому поводу? Прошу прислать инструкции.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 183.
Машинопись.

№ 97

Из шифрованной телеграммы виконта Мотоно поверенному в делах Марумо.
Перевод с японского⁵⁷⁹

Петроград, 16/29 ноября 1916 г.
№ 1706

В результате переговоров между [японским] морским агентом при посольстве в Петрограде и [русским] Морским министерством было решено, что для оказания помощи при поднятии военного судна в Севастополь будут отправлены: из Токио – капитан 1-го ранга Танака Котаро, два высших и один низший чиновник и 8 рабочих, а из Англии – капитан-лейтенант Курода Такума. Партия из Токио выезжает 29 [ноября] и переночует в Москве [...].

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 121. Л. 237.
Машинопись.

№ 98

Из письма капитана А.Н. Воскресенского начальнику статистического отдела
Морского Генштаба В.Е. Егорьеву

Токио, 16/29 января 1917 г.

Многоуважаемый Всеволод Евгеньевич,

Запрос относительно учебных судов для гардемарин окончился неудачей. По словам адм. Като из строя (погибшие «Цукуба»⁵⁸⁰, «Касаги» и «Чиода») и проданных нам судов японский флот испытывает сам затруднения с учебными судами. Ранее предложенные нам «Мисима» и «Окиносима» ныне взяты под новобранцев и заменить их нечем, да и лично я думаю, что это такой хлам, что мы только бы мучились с ними, не смея и думать посылать их в далекое плавание. Я надеялся получить «Фудзи», ныне состоящий учебным кораблем морской практики, но об этом и слышать не хотели. Мотивировкой мелкого характера, думаю, является естественное с уменьшением числа судов уменьшение вакансий на командование и т.п., почему особого сочувствия уступка судов в морской среде не встретила бы. С более общей широкой точки зрения в объяснение отказа, хотя как обстоятельства весьма побочные, однако с коими психологически нельзя не считаться, можно привести также — 1) непрочность нынешнего кабинета – только что распущенный парламент не способствует расположению министров принимать шаги вне обычной рутины и 2) то, что мы запутали наши отношения с японцами колебаниями и непоследовательностью политики из-за перемен, вероятно, в нашем МИД. При соглашении прошлого года мы обещали японцам кусок КВЖД от Чанчуна на север. Долго-долго совсем ничего по этому вопросу после ухода Сазонова ничего мы не отвечали, пока, наконец, не запросили за этот кусок 80 миллионов — цифру явно несуразную. Кроме того, этот вопрос связали с получением от японцев 300 тяжелых орудий со

⁵⁷⁹

Виконт И. Мотоно, будучи назначен министром иностранных дел в кабинете графа Тэраучи, выехал из Петрограда в Японию в конце октября 1916 г. На документе знак его прочтения Николаем II; подчеркивания в тексте – его же.

⁵⁸⁰

Крейсер «Цукуба» (1915 года постройки) затонул от взрыва порохового погреба (из-за замыкания электропроводки) в 3 часа 20 мин. дня 1/14 января 1917 г. на рейде Йокосука, погиб 151 матрос и один офицер.

снаряжением и людьми, получением здесь займа в возможно больших размерах, переучетом прежних займов и я не знаю еще чем. Все это остановилось, и воз и ныне там. Впрочем, по орудиям отказ более или менее определенный уже получен, а по займу предвидится. Во всяком случае, сумма будет, если и дана, то небольшая. [...]

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4541. Л. 4-6.
Машинописный подлинник.

№ 99

Шифрованная телеграмма посла В.Н. Крупенского министру иностранных дел Н.Н. Покровскому⁵⁸¹

Токио, 18/31 января 1917 г.
№ 29.

После повторных моих настояний мне удалось выяснить, что японцы на днях выразят готовность уступить нам около ста тяжелых орудий, из коих, однако, примерно только половина крупных калибров, 15 см и выше. Сдача их в батарейном составе с полным укомплектованием представляется невозможной, но в случае надобности мы могли бы рассчитывать на некоторое количество офицеров и нижних чинов.

Это предложение будет поставлено в связь с японским ответом на наши условия уступки железнодорожной ветки Куаньченцзы-Сунгари.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 123. Л. 5.
Машинопись.

№ 100

Шифрованная телеграмма виконта Мотоно виконту Учида. Перевод с японского

Токио, 7/20 марта 1917 г.
№ 221

Прошу мне телеграфировать, где находятся и как поживают император, императрица и наследник, а также правильно ли известие об аресте графа Коковцова. Прошу также сообщить, как поживают члены делегации Верхней палаты Окоци и Като.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 49.
Машинопись.

№ 101

Из шифрованной телеграммы виконта Мотоно виконту Учида. Перевод с японского

Токио, 12/25 марта 1917 г.
№ 242

Благодаря Вашим донесениям относительно русской революции положение постепенно выясняется, однако так как будущее России имеет серьезное значение для Японии [...], важно для будущего обстоятельное выяснение причин революции и ее хода [...]. Прошу мне подробно телеграфировать о Ваших наблюдениях, особенно относительно следующих пунктов: была ли забастовка только одним из действий, предусмотренных революцией как таковой или же она возникла сама по себе [...]; вызвано ли быстрое присоединение армии и флота к революции предварительным

⁵⁸¹

На документе знак его прочтения Николаем II. На полях против последнего абзаца его помета: «Нужно покончить этот вопрос».

соглашением с революционными партиями; как относятся войска к старому императорскому дому и не следует ли опасаться по этому поводу контрреволюционных действий?

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 52-52 об.
Машинопись.

№ 102

Шифрованная телеграмма начальника Генштаба генералу З. Исидзака. Перевод с японского

Токио, 23 марта/5 апреля 1917 г.

Мы не в состоянии разобраться в известиях, поступающих отовсюду относительно политического положения в России. Вы должны немедленно выяснить нынешнее положение и отношение к революции со стороны политических и финансовых кругов, всех классов и особенно войск на северном фронте и обрисовать дальнейшие перспективы революции. Если потребуется, Вы можете для этой работы вызвать в Петроград одного военного агента. Военное министерство дало на это свое согласие.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 56.
Машинопись.

№ 103

Из шифрованной телеграммы виконта Мотоно виконту Учида. Перевод с японского

Токио, 26 марта/8 апреля 1917 г.
№ 302

Ваше мнение о ходе революции и о дальнейшем положении благодаря Вашим сообщениям постепенно выясняется. По поводу дальнейшего развития [событий] мнения очень расходятся [...]. Таких рассуждений нам не нужно. Для императорского правительства в настоящее время нужны точные сведения о положении русских войск на фронте. Ввиду этого мы обсудили вопрос с военными властями, и помощник начальника Генерального штаба отправил военному агенту, прикомандированному к Вашему посольству, инструкции вызвать наших военных агентов в Петроград и сделать действительно правильное донесение. Поэтому я бы просил Вас обсудить этот вопрос с генерал-майором Исидзака и телеграфировать мне о результатах ваших наблюдений. Если Вы сочтете нужным отправить кого-нибудь на фронт для подробного изучения положения, прошу мне телеграфировать для _____ [сведения?] .

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 59-59 об.
Машинопись.

№ 104

Телеграмма начальника штаба Приамурского военного округа в ГУГШ

Хабаровск, 18/31 мая 1917 г.
№ 580. Секретно.

Сообщаю сведения: вступление в ряды воюющих [стран] Америки произвело сильное впечатление [в] японской прессе. «Осака Майничи» полагает вооруженную помощь Америки малозначительной, но учитывая финансовую мощь последней опасается преувеличенных требований ее [при] заключении мира. Посылать куда-либо

свою армию Япония считает бесполезным, предпочитая материальным снабжением помогать союзникам. Газета высказывает, [что] Япония может путем дипломатических переговоров вновь вдохнуть воинственный дух [в] русскую армию. Другая газета «Ниппон Ойоби Ниппондзин» считает — благодаря деморализации Россия заняла второстепенное положение подобно Италии. Опасаясь преувеличения Америки, также мировой гегемонии триумvirата Англии, Франции, Америки, газета считает значение нашей армии [по] причине дезорганизации равной нулю, рекомендует прекратить снабжение России, послать японский флот в Средиземное море, японскую армию на русский фронт⁵⁸².

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7777. Л. 99.
Машинопись.

№ 105

Из зашифрованной телеграммы виконта Мотоно виконту Учида. Перевод с японского

Токио, 7/20 июня 1917 г.
№ 507

[...] Признано необходимым выяснить в еще более широкой степени действительное положение в различных частях страны [России] и среди различных классов населения. Изучение этого вопроса поручено директору Южно-Маньчжурской железной дороги Каваками, который под видом командировки от Общества выезжает 29 июня из Харбина в Петроград в сопровождении Миягава Сэмпу (члена Маньчжурского ж. д. общества).

Прошу Вас обратить внимание на все обстоятельства, касающиеся выполнения его миссии и оказать ему надлежащую поддержку. Я отправлю немедленно почтой список вопросов, исследование которых ему поручено.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 133. Л. 96.
Машинопись.

№ 106

Зашифрованная телеграмма В.Н. Крупенского в МИД

Токио, 7/20 июля 1917 г.
№ 312. Доверительно.

Министр иностранных дел просил меня осведомиться, насколько справедлив слух о предоставлении русским правительством американцам прав на горнопромышленные предприятия в Приморской области и на Сахалине. Виконт Мотоно прибавил, что если бы сказанное известие соответствовало действительности, то это произвело бы в Японии самое тяжелое впечатление. Признавая, конечно, наше право распоряжаться по нашему усмотрению нашими горными богатствами, министр отметил, однако, что японские капиталисты давно стремились к участию в их эксплуатации и ныне еще готовы образовать с этой целью японские и смешанные русско-японские общества. Еще в бытность свою в Петрограде виконт Мотоно поднимал этот вопрос, но ему тогда было сказано, что русский закон исключает участие иностранцев в горнопромышленных предприятиях в указанных местностях. Если ныне намечается отступление от этого закона, то японцы в качестве ближайших соседей и давних соискателей имели бы преимущественное право на получение соответствующих концессий. Министр добавил, что если подобные переговоры с американцами и начались, то японское правительство весьма оценило бы оставление их нами без последствий.

Передавая Вам вышеизложенное заявление японского министра иностранных дел, считаю долгом отметить, что подобные притязания японцев могут в будущем, если

обстоятельства сложатся для нас неблагоприятно, привести к весьма опасным для нас последствиям, создавая как бы притязания на японскую сферу влияния в наших пределах. Мне казалось бы поэтому крайне желательным, опровергнув, если возможно, слух о переговорах с американскими капиталистами, заявить вместе с тем японцам, дабы предупредить ...⁵⁸³

РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4529. Л. 8-9
Машинописная копия.

№ 107

Рапорт полковника В.А. Яхонтова генерал-квартирмейстеру Главного штаба

Токио, 24 августа/6 сентября 1917 г.
№ 659

В дополнение к моему рапорту от 20 мая с.г. ходатайствую о награждении согласно представляемому при сем списку еще 8 лиц, которые, по сообщению помощника военного министра генерал-лейтенанта Ямада, не менее заслуживают награждения, так как оказали весьма существенное содействие в деле перевозки наших войск из г. Дальнего во Францию, а товарищ министра финансов г. Ицики имел близкое отношение к делу устройства займов России в Японии.

Приложение: Список.

Список имен и фамилий лиц, представляемых к награждению русскими орденами

Товарищ министра финансов Ицики, Отохико — Св. Станислава 1 ст.

Инженер при министерстве путей сообщения Кагами, Хирао — Св. Станислава 2 ст.

Инженер при министерстве путей сообщения Сато, Мацутаро — Св. Анны 3 ст.

Подполковник инженерных войск Квантунского генерал-губернаторства Накамура, Сиоиси — Св. Станислава 2 ст.

Майор Главного управления военных сообщений Ясуми, Такацугу — Св. Станислава 2 ст.

Служащие ЮМЖД:

- Заведующий пристанью Нарасаки, Итаро — Св. Анны 3 ст.

- начальник станции Чанчунь Кохияма, Наото — Св. Станислава 3 ст.

- начальник станции Дайрен Кахара, Фукутаро — Св. Станислава 3 ст.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7551. Л. 3 об.-4 об.
Машинопись.

№ 108

Шифрованная телеграмма товарища министра иностранных дел В.Н. Крупенскому

Петроград, 19 октября/1 ноября 1917 г.
№ 4871

⁵⁸³

Текст обрывается. В ответ 13/26 июля 1917 г. за № 3170 министр шифром телеграфировал Крупенскому: «Русское правительство не предоставляло американским капиталистам никаких прав по разработке горных богатств в Приамурье и на Сахалине и не вело по этому поводу никаких переговоров. Сообщая об этом министру иностранных дел, благоволило прибавить, что если бы мы пришли к решению изменить наше законодательство и допустить иностранцев к разработке горных богатств в сказанных областях, мы во всяком случае должны были бы руководствоваться в этом деле исключительно русскими государственными интересами и рассматривать каждую выдаваемую концессию с точки зрения соответствия этим интересам предлагаемых отдельными соискателями данной концессии условий». — РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4529. Л. 10.

Комиссар по Дальнему Востоку⁵⁸⁴ телеграфирует, что, по имеющимся у него сведениям из вполне авторитетных источников, японское правительство намерено ввести военный отряд во Владивосток, для чего готовится провоцировать выступление террористического характера. Благоволите телеграфировать комиссару Ваше заключение о достоверности сказанного слуха, сообщив министерству копию Вашего отзыва.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 100. Л. 422.

⁵⁸⁴ Комиссаром Временного правительства по Дальнему Востоку был депутат IV-й Государственной думы от Сибири трудовик А.Н. Русанов.

Указатель имен

А

Абоси, Иваи
 Абрикосов Д.И.
Авдеев В.А.
 Аверьянов П.И.
 Адачи (Адаци)
Айрапетов О.Р.
 Акаси, Мотодзиро
 Акияма, Санейюки
 Александр III
 Александр Михайлович, великий князь
 Алексеев М.В.
 Араки, Садао
 Арига, Нагао

Б

Баженов А.А.
 Базаров П.А.
 Базили Н.А.
 Бальфур А.
 Барк П.Л.
 Барсуков Е.З.
Барышев Э.А. (Baryshev Eduard)
 Бахметев Б.А.
 Безобразов В.М.
 Белозор Ю.Ю.
 Бельский С.
 Беляев М.А.
 Бенкендорф А.К., граф
 Бергер
 Блонский В.В.
 Бонч-Бруевич М.Д.
 Борис Владимирович, великий князь
 Бриан А.
 Бринер Ю.И.
 Брусилов А.А.
 Бубнов А.Д.
Будницкий О.В.
 Буржуа А.
 Бьюкенен Дж.

В

Вада, Хидэхо
 Вальборн
 Велепольский, граф
 Верстрат М.Э.
 Верховский А.И.
 Вильгельм II
 Вирановский Г.Н.
 Войнич-Сяноженцкий
 Вологодский П.В.
Воронкова И.Е.
 Воскресенский А.Н.

Г

Гавриил Константинович, великий князь
 Галкин М.С.
Гальперин А.Л.
Гальперина Б.Д.
 Гассельблат П.А.

Гейден А.Ф., граф
 Гельфанд А.Л. (псев. Парвус)
 Георгий Михайлович, великий князь
 Гермониус В.Э.
 Гермониус Э.К.
 Гибсон К.
 Глобачев К.И.
 Гойер Л.В., фон
 Головин Н.Н.
Голубев А.В.
 Гондатти Н.Л.
 Горемыкин И.Л.
 Гото
 Гото, Симпэй, барон, виконт
 Граф Г.К.
 Грей Э.
 Григорович И.К.
Григорцевич С.С.
 Григорьев Д.Д.
 Грин К. (Greene, Conyngham)
 Груденштрем
 Гулевич А.А.
 Гучков А.И.

Д

Данилов Ю.Н.
 Делькассэ (Делькассе) Т.
 Деникин А.И.
 Джеррам М.
 Дзанетти А.
 Дмовский Р.
 Добrorольский С.К.
 Друцкой-Соколинский (Друцкой) В.А., князь
 Дубасов Ф.В.
 Дудоров Б.П.
 Думерг Г.
 Дурново П.Н.

Е

Егорьев В.Е.
Емец В.А.
 Ермолов Н.С.

Ж

Жамов В.Е.
 Животовский А.Л.
 Жоффр Ж.
Жуков Е.М.

З

Заддэ
 Замойский А.С., граф
 Занкевич М.И.

И

Иванов Н.И.
 Игнатъев
Игнатъев А.В.
 Ида
 Идэ (Иде), Кенджи
 Извольский А.П.
 Изомэ, Рокуро («Роман Федорович»)

Иконникова Т.Я.

Имамура

Инаба, Чихару

Иноуэ

Иноуэ, Кадзуносукэ

Иноуэ, Каору, маркиз

Иноуэ (Иноуе), Киосиро, виконт

Инукай

Ионай, Мицумаса

Иосихито, император

Иоффе А.А.

Исивара

Исидзака, Зензиро

Исии (Ишии), Кикудзиро, барон, виконт

Ито, Хиробуми, князь

Ицики, Отохико

Ичоо

К

Кабаяма, Айсукэ

Кавабэ, Магосиро

Каваками, Тосицунэ

Кавасэ

Кагами, Хирао

Кадзима, Мориносукэ (Kajima M.)

Какизаки Т.

Какурин Н.Е.

Каледин А.М.

Камбон П.

Каменский

Камио

Кан-ин-но-Мия, Котохито, принц

Канао

Канищева Н.И.

Канэко

Карликов В.А.

Като, Кандзи

Като, Кицусабура

Като, Такааки, барон

Като, Томосабуро

Кахаро, Фукутаро

Каховский Г.В.

Кашталинский Н.А.

Керсновский А.А.

Кикучи, Гиро

Кимура

Китанина Т.М.

Клемансо Ж.

Кобаяси, Утисабуро

Ковачи

Козаков (Казаков) Г.А.

Кознаков (Казнаков) Н.Н.

Коидэ

Коковцов В.Н., граф

Колчак А.В.

Кондзеровский П.К.

Кондо

Корольков Г.К.

Кох

Кохияма, Наото

Крупенский В.Н.

Крупина Т.Д.

Крупп
 Круссер К.П.
 Крыленко Н.В.
 Кувата, Кумазо
 Кудашев Н.А., князь
 Кузнецов
 Кузьмин-Караваев Д.Д.
 Куломзин А.Н.
 Куприн А.И.
 Куприянов А.
 Куракава, Нагамицу
 Курода, Такуми
 Куроки, Тамэмото
 Куропаткин А.Н.
 Кусуносэ, Сачихико

Л

Лапомареде, барон
 Лемке М.К.
 Ленин В.И.
 Леонтьев М.Н.
 Леру Г.
 Лечицкий П.А.
 Либерман
Липпман, Уолтер
 Ллойд Джордж Д.
 Лукомский А.С.

М

Майдель И.Н., барон
 Макино, Нобуаки, барон
 Макисэ
 Максимов
 Малевский-Малевич (Малевский) Н.А.
Мальков В.Л.
 Мальцев С.И.
 Манакин М.М.
 Маниковский А.А.
Маринов В.А.
 Мария Федоровна, императрица
 Марсенго М.
 Марумо
 Масленников А.А.
 Мацуда, Сэйсакучи
 Мацуи Х.
 Мацуи, Кейсиро
 Мацуката, Масаёси, маркиз
 Меран, граф
 Мики
 Микэ, Кадзуо
 Милеант Г.Г.
 Миллер Е.К.
 Миллер К.К.
 Милюков П.Н.
 Михайловский В.
Мищук С.
 Миягава (Миякава)
 Миягава, Сэмпу
 Миякэ С.
 Мията, Мицуо
 Могиланский Н.М.
 Монкевиц Н.А.

Морель Н.М.
 Морита
Морли Дж. (Morley, James William)
 Мотоно, Ичиро (Итиро), барон, виконт
 Мудзимуро
 Муравьев П.П.
 Мурата, Цунейоси
 Мышлаевский А.З.

Н

Набоков К.Д.
 Нагано, Икума
 Нагао
 Накадзима (Накажима, Накасима), Масатакэ
 Накадзима, Мисао
 Накамура, Сииоци
 Накасиодзи
 Наполеон I
 Нарасаки, Итаро
Нарский И.В.
 Нератов А.А.
 Ниида, Масутаро
 Никитин Б.В.
 Николай II
 Николай Михайлович, великий князь
 Николай Николаевич, великий князь
Никонова О.Ю.
 Нисси, барон
 Нокс
 Нольде Б.Э., барон
 Номари, Хироси
 Носков В.Н.

О

Оба, Дзиро
 Оба, Кагеаки
 Обата
 Огата
 Одагири, Масадзуми
 Озаки, Юкио
 Озаки, Юкитэру
 Ока
 Окамото, Рётаро
 Окоци
 Окума, Сигэнобу, граф
 Оосима
 Орановский В.А.
 Осигэ
 Осима (Ошима), Кенъичи
 Осипов Н.
 Осума, Минэо
 Осуми
 Оура, Канэтакэ, виконт
 Ояма, Ивао

П

Павлова Н.Н.
 Палеолог М.
Пегушев А.М.
 Пенлеве П.
Перегудова З.И.
Пестушко Ю.С.

Петров А.Н.
 Пиленко
 Пильц А.И.
 Пишон С.
 Плетнер О.В.
 Подтягин М.П.
 Покровский Н.Н.
 Поливанов А.А.
Поликарпов В.В.
 Поповский
 Португалов Н.М.
Поршнева О.С.
 Потапов
Потемкин В.П.
Прайсман Л.Г.
 Пуришкевич В.М.
 Пустовойтенко М.С.

Р

Раух Г.О., фон
 Рейли С.
 Рейн Г.Е.
 Реньо Э.-Л.
 Рибо А.
 де Робек Дж.
 Розен Р.Р., барон
 Романицкий А.
 Романовский Ю.Д.
Ростунов И.И.
 Русанов А.Н.
 Русин А.И.
Рыбачёнок И.С.
 Рябиков П.Ф.

С

Савада
 Саввич С.С.
 Сато, Мацутаро
Саэт Л.Я.
 Сазонов С.Д.
 Сайго
 Сакабимэ, Сухо
 Сакабэ, Тосухо
 Сакамото
 Сакатани, Ёсиро, барон
 Самойло А.А.
 Самойлов В.К.
 Санников А.С.
 Семенов Г.М.
 Сергей Михайлович, великий князь
 Сибусава, барон
Сидоров А.Л.
Сидоров А.Ю.
 Симада
 Симада, Сабуро
 Симоока
 Синозука
 Сицума
 Скалон В.Е.
 Славский К.
 Смирнов М.И.
 Смысловский Е.К.

Снесарев А.Е.
 Соеда
 Сомервиль
Стрэчан, Хью (Strachan, Hew)
 Сугияма, Тадаси
 Сузуки, Отомэ
 Сухомлинов В.А.
 Сюнненберг Г.Г.

Т

Тадзима, Такэносукэ
 Таий
 Такатоми
 Такахаси, Корекио
 Такахаши, Санничи
 Такаянаги, Ясутари
 Такэда
 Такэси
 Тамаёси, Торикай
 Танака, Гиити, барон
 Танака, Котаро («Константин Кириллович»)
 Танигучи
 Тарле Е.В.
 Татищев И.Л.
 Терещенко М.И.
 Тихонович В.
 Того, Ясуси, барон
Тодорович Д.Н.
 Тойода, Тейжиро
 Токинори, Цурумацу
 Токугава, Иэсато, князь
 Токутоми, Сохо
 Толмачев И.Н.
 Троцкий Л.Д.
 Тыркова А.В.
 Тэразима, Сейициро, граф
 Тэраучи (Тераучи, Терауци, Тераути), Масатакэ, граф

У

Уехара, барон
 Умезаки
 Унтербергер П.Ф.
 Уцияма, Кодзиро
 Учида, виконтесса
 Учида (Уцида), Ясуя, виконт
 Уэда (Куэда) К.

Ф

Федоров
 Федоров В.Г.
 Феофилактов А.А.
 Флуг В.Е.
 Фрэйзер Т. (Fraser T.G.)
 Фудзиара
 Фукуда
 Фукуда, Масатаро, барон
 Фукухара
 Фуруя
 Фуруя, Киоси

Х

Хасебэ, Сиого

Хасимото, Тораносикэ
 Хасэгава, Ёсимити
Хвостов В.М.
 Холден (Haldane)
 Хольмсен И.А.
 Хуерта
 Хуторев

Ц

Цуцуми, Мисао

Ч

Червинский
 Чернавин М.М.
 Чичерин Г.В.

Ш

Шавельский Г., о.
 Шаховской В.Н., князь
 Шервашидзе, князь
 Шингарев А.И.
 Шляпников А.Г.
 Шмидт П.Ю.
 Штюмер Б.В.
 Шуваев Д.С.
Шулатов Я.А.
 Шульгин В.В.
 Шульц М.Ф.

Щ

Щегловитов И.Г.
 Щекин М.С.
 Щербатов Н.Б., князь

Э

Эверт А.Е.
 Энгельгардт Б.А.

Ю

Юань Шикай
 Юс

Я

Ямагата, Аритомо, князь
 Ямада
 Ямада У.
 Ямамото, Эсуке (Есуке)
 Ямамото, Шотаро
 Яманаси (Яманаши)
 Янушкевич Н.Н.
 Ясуми, Такацугу
 Яхонтов В.А.

Beasley W.G.
Berton, Peter
Cowen, Deborah
En Vedette
Gilbert, Emily
Gordon, Andrew
Hardach, Gerd
Hata, Ikuhiko
Lockwood, William W.

Lowe, Peter
Ogawa, Gotaro
Stevenson, David
Yamasaki, Kakujiro.